

18+ Алексей Викторович Федотов

Сенявин

Алексей Федотов

Сенявин

«Издательские решения»

Федотов А. В.

Сенявин / А. В. Федотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519011-6

Книга предназначена для широкого круга читателей. В ней описан жизненный путь адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Молодому поколению необходимо помнить о героях, которые отстаивали суверенитет России на море в начале 19 века. Мы должны сохранять в своей памяти и передавать другому поколению те забытые моменты истории нашего государства. Подвиг их в Отечественной войне бессмертен, достоин искреннего уважения и высокого почитания.

ISBN 978-5-00-519011-6

© Федотов А. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Детство Дмитрия Сенявина. Первый морской поход в Португалию. Назначение на Азовскую флотилию. Первая зимовка в Ахтиаре. Адьютант контр-адмирала Макензи	6
2. Лейтенант Сенявин адъютант начальника Севастопольской эскадры Марко Войновича. Императрица в Севастополе. Буря у мыса Калиакрия. Битва в Днепровском лимане. Бой около Фидониси. Крейсерство у берегов Анатолии	33
3. Капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин в Херсоне. Керченское сражение. Выборгское сражение. Бой у мыса Тендра	66
4. Капитан Д. Н. Сенявин в битве при Калиакрии. Смерть Потёмкина и Екатерины. Император Павел Конец ознакомительного фрагмента.	95 100

Сенявин

Алексей Викторович Федотов

© Алексей Викторович Федотов, 2020

ISBN 978-5-0051-9011-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Детство Дмитрия Сенявина. Первый морской поход в Португалию. Назначение на Азовскую флотилию. Первая зимовка в Ахтиаре. Адъютант контр-адмирала Макензи

Во время великих перемен в стране и Калужской губернии в селе Комлеве Боровского уезда у отставного подпоручика Измайловского полка Николая Фёдоровича Сенявина и его жены Марии Васильевны (в девичестве Хитрово) летом года (6 августа) родился мальчик которого назвали Димитрием. Это село было вотчиной, полученной Фёдором Акимовичем Сенявиным, который строил при Петре северную столицу в звании «». Его сын 42-летний дворянин Николай Фёдорович сразу после издания государем Петром III » в 1762 году вышел в отставку и занялся своими вотчинами, которые приносили небольшой доход. Отставной поручик владел двумя имениями: родовым в Тульской губернии « и «». Там по «» числилось: 261 душа мужского пола, и 235 душ женского пола вместе с новорождёнными «». Дмитрий Сенявин родился на следующий год после восхождения на престол Императрицы Екатерины Алексеевны. Он был вторым ребёнком в семье, и у него был старший брат Сергей, родившийся на 2 года раньше. Село Комлево находится на высоком берегу одноимённого озера, далее за ним простирается лес и протекает река Протва которая делает плавный изгиб. С другой стороны его подпирает болото, где раньше крестьяне собирали клюкву. Село Комлево фактически примыкает к уездному городку Боровск. По ранней истории эти земли в 14 веке московский князь Иван Калита, отдал во владения своему сыну Андрею. Внук Ивана Калиты Владимир Андреевич Храбрый (двоюродный брат Дмитрия Донского) позже владел этими наделами. Он в 1408 году руководил обороной Москвы защищая столицу от набегов хана Едыгея. В детские годы Дмитрия Сенявина и по нынешнее время в Боровском уезде в память об этом князе всегда проходили и ныне проводятся народные кулачные бои. *1763 комиссара «манифеста вольности дворянства сельцо Ольховцово Венёвской округи с 78 душами мужского пола» благоприобретённым в Калужской губернии селе Комлево, деревнях Кирилловой, Маланыиной и в сельце Фатееве ревизской сказке с их землями и всякими принадлежностями равно и с отхожими многими пустошми*

В семье Сенявиных жизнь протекала неспешно, как и во всех деревнях. В воскресенье и по праздникам ходили на службу в церковь. В будние дни помещики ездили друг другу в гости, пили вино и рассуждали о политике. Османская империя в очередной раз готовилась вступить в войну, как бы защищая Речь Посполитую от давления Российской империи. Дворянин Николай Фёдорович часто выезжал на охоту со своими соседями: отставным поручиком Иваном Фёдоровичем Зенбулатовым, ротмистром Павлом Ивановичем Голохвастовым, майором Иваном Фёдоровичем Безобразовым и другими помещиками. Отставные военные дворяне, проживавшие в Боровском уезде, имели сведения из газет, что после так называемого Репнинского сейма прошедшего в Польше были недовольные которые вступали против короля Станислава Понятовского. Российский посол Николай Васильевич Репнин и Императрица Екатерина Алексеевна помогали становлению молодого польского правителя. Собранный сейм уравнивал права православных граждан и протестантов с католиками и был подписан трактат о «» Речи Посполитой и Российской Империей. Консервативная шляхта выступила против короля и начала гражданскую войну. В 1768 году в правобережных землях Днепра вспыхнуло восстание гайдамаков. *вечной дружбе*

Об этих событиях, конечно, не знали два малолетних брата Сенявиных. Сергей и Дмитрий вместе с дворовыми детьми радовались жизни и летом постоянно проводили время

на берегу озера, которое было совсем рядом. Они играли в мальчишеские игры, устраивали катание на лодках и плотках, а иногда даже ходили в лес за грибами. По праздникам всё семейство посещала службу в знаменитом Панфутьев-Боровском монастыре, который находится недалеко за рекой Протвой. Мать Мария Васильевна приучала детей к вере и рассказывала сыновьям как в этом монастыре в остроге содержали под стражей » боярыню Феодосию Морозову и её сестру Евдокию Урусову. Эти две женщины пошли против царя Алексея Михайловича, не поддерживая церковные реформы и были заточены в монастырь. Я же напомним читателям про то что их 14 слуг как еретиков «» летом 1675 года в Боровске «», а сами они умерли от голода в земляной тюрьме городского острога. Художник Василий Суриков в своей картине «» показал всем нам то событие нарисовал людей русской деревни, проживающих в тот период. *«мучениц за истинную веру инокиню Иустину и священника Полиекта сожгли на срубе Боярыня Морозова*

Контр-адмирал Алексей Наумович Сиявин в этом 1768 году командовал Кронштадтской эскадрой. После объявления войны Османской империей (турки заключили посла Алексея Орбескова в Семибашенный замок) в октябре он был срочно послан в Воронеж, Тавров, Икорец для обследования верфей. Именно в это время в ноябре контр-адмирал заезжает в Комлево и приглашает своего двоюродного брата Николая снова вернуться на службу. Молодая Императрица Екатерина Алексеевна тогда сказала: «...». *туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал. Я сей кот, который им обещает себя дать знать... он бросится за мышами и вот об нас будут говорить, и вот мы зададим звону, какого не ожидали и вот турки будут побиты*

На следующий год Государыня по представлению планов братьев Орловых даёт команду готовить эскадру в Средиземное море под командованием вице-адмирала Григория Андреевича Спиридова. Контр-адмиралу Алексею Сиявину поручается ускоренными темпами наладить строительство кораблей, прамов, баркасов, островских лодок на Дону и сплавать их потом до Азова.

Весной 1769 года у ворот усадьбы Сиявина остановилась незнакомая государственная карета в сопровождении 20 конных казаков. Из неё вышел молодой человек в красивом морском мундире, это был , двоюродный брат Николая (рождённый от Федора Михайловича Сиявина) с которым они не виделись 7 лет. Лейтенант флота почти пять лет проходил обучение в Англии, а теперь по указанию Императрицы был отправлен к вице-адмиралу Алексею Сиявину с «» для донской экспедиции. Старший племянник Сергей тут же подошёл к морскому офицеру, а младший Дмитрий рассматривал всю в перьях треуголку. Иван подозвал племяншей и расспросил что они знают и умеют делать в свои малые года. Сергей (9лет) сказал, что умеет читать, писать и «». Шестилетний младший Дмитрий читал по складам и выводил некоторые буквы алфавита. При отъезде брата Николай Фёдорович передал письмо вице-адмиралу с просьбой взять его к себе на службу. Племянники дали слово дяде что, обязательно выучатся и поступят в морскую службу. Вот как писал позже Дмитрий Сиявин: «...». Старшего сына Сергея Мария Васильевна устроила в Морской кадетский корпус через директора вице-адмирала Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова. Как видим из слов Дмитрия его отца в Комлево уже не было, значит он уехал на Дон. **Иван Фёдорович Сиявин** *денежной казной смыслил немного в арифметике священник (Боровского) прихода учил меня грамоте, а на 8 году я читал хорошо и писал изрядно. На девятом году матушка ездила в Петербург затем только, чтобы определить меня в сухопутный корпус. Матушка (Мария Васильевна Сиявина-Хитрово) имела хорошую протекцию, но принят я не был, а по какой причине не знаю; одно то справедливо, кому, где определено, тому там и быть. Матушка в большом от сего огорчении тем же временем возвратилась со мною в Комлево. В это время не было еще у нас ни публичных училищ, ни наемных учителей, а чтобы мне не быть в деревне праздну, я отдан был для изучения арифметики в городскую школу, состоявшую из солдатских детей, под особым*

присмотром смотрителя той школы гарнизонного поручика Наследова. Выучил я в одно лето первые четыре правила, несколько дробей и деление квадратное и кубическое

Как вице-адмирал Алексей Наумович Сенявин строил корабли, как потом сплавлял их в Азовское море, как восстанавливал город Таганрог, как первым захватил крепости Керчь, Еникале в турецком Крыму, как создавал Черноморский флот всё это описано в моей другой ранее написанной книге с похожим названием «». *Сенявин*

В конце 1772 года граф Иван Григорьевич Чернышев и Императрица приказывают вице-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину прибыть в Санкт-Петербург для получения от него «». Вице-адмирал приказал своему адъютанту Николаю Сенявину собираться в дальнюю дорогу. Он приготовил быструю 12 вёсельную лодку, на которой они передвигались по рекам. Новый 1773 год отец Дмитрия и дядя встретили на Новопавловской верфи. Дойдя по Дону до Воронежа, они пересели в конный экипаж и далее их путь лежал по суку. Далее ещё раз процитирую воспоминания Дмитрия: *сведений о крепостях Крымского полуострова Керчи и Еникаля «Матушка моя зимнее время проводила обыкновенно в Москве. В это время дядюшка мой, адмирал Алексей Наумович Сенявин, проезжая из Таганрога в Петербург, остановился в Москве. Батюшка мой находился при нем генеральс-адъютантом. Перед самым выездом их из Москвы, батюшка представил меня дядюшке, я ему очень понравился, взяли меня с собой, привезли в Петербург и очень скоро определили в Морской корпус. Это было в 1773 году, в начале февраля, батюшка сам отвез меня в корпус, прямо к майору Голостенову, они скоро познакомились, скоро подгуляли. Тогда было время такое: без хмельного ничего не делалось.*

Санкт-Петербург. Старинная гравюра. Худ. О. Элигер

Распростившись меж собою, батюшка садился в сани, я целовал его руку, он, перекрестя меня, сказал: «Прости, Митюха, спущен корабль на воду, отдан Богу на руки. Пошел, ямищик!» и в миг он из глаз сокрылся».

В этом же году Голостенову Алексею Давидовичу было присвоено звание подполковник и он был назначен главным инспектором в Морском шляхетском корпусе. Позже он дослужился до звания генерал-майор и был правителем Костромского наместничества «». Морской корпус в это время после пожара был переведён в Кронштадт в здание Итальянского дворца. Перед ним находится пруд, которой является частью Купеческой гавани. Из окон морского корпуса ученики каждый день видели корабли и поднимались на практические занятия прямо на палубу военных фрегатов. Директором морского корпуса был вице-адмирал, генерал-интендант, член Адмиралтейств-коллегии Иван Голенищев-Кутузов. Он не часто появлялся в классах, но вёл в штаты учителей разных наук, таких как: «. Молодой и шустрый Дмитрий, много шалил и мало интересовался учёбой и вскоре оказался в числе худших по учению и поведению. Его уже хотели отчислить, но Голостенов рассказал о племяннике капитану 1 ранга Сенявину, жившему в Кронштадте. Вот как описывает учение в морском корпусе сам кадет Дмитрий Сенявин: «». Двоюродный дядя это 50-летний контр-адмирал (двоюродный брат вице-адмирала Алексея Сенявина), который исполнял должность главного командира в Кронштадте. человек весьма крутого нрава и притом любившего хорошо кутить, а больше выпить учитель эволюции и морской практики, корабельной архитектуры, механики, артиллерии и фортификации; для словесных наук учитель философии, географии, генеалогии, риторики; учителя иностранных языков, французского, датского, шведского, английского, немецкого: учителя чистописания и правописания, танцмейстер, фехтмейстер, такелажник и боцман» Три года прошло, но я все в одних и тех же классах; наконец наскучило, я стал думать, как бы поскорее выбраться на свою волю. Притворился непонятным, дело пошло на лад, и я был почти признан таковым, но, к счастью моему, был тогда в Кронштадте дядя у меня, капитан 1-го ранга Сенявин. Узнав о намерении моем, залучил меня к себе в гости, сперва рассказал мне все мои шалости, представил их в самом пагубном для меня виде, потом говорил мне наилучшие вещи, от которых я убегаю по глупости моей, а потом в заключение кликнул людей с роз-

гами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная моя ему за то благодарность. После обласкал меня по-прежнему, надарил конфетами, сам проводил меня в корпус и на прощанье подтвердил решительно, чтобы я выбирал себе любое, то есть или бы учился, или каждую неделю будут мне такие же секанцы. Возвратясь в корпус, я призадумался, уже и резвость на ум не идет, пришел в классы, выучил скоро мои уроки, память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно **Николай Иванович Сенявин**

Из кадетов Дмитрий Сениявин был переведён приказом в гардемарины в начале 1778 года и в этом же году совершил «» в море. Морскому корпусу был передан 66-пушечный корабль «» под управлением капитана 2 ранга (двоюродный дядя Дмитрия), на котором все гардемарины и некоторые сухопутные унтер-офицеры Семёновского и Измайловского полка выходили в учебное плавание до Ревеля. Всем воспитанникам выдали новую форму одежды (зелёные кафтаны и белые сюртуки), яловые туфли («») с большими пряжками, чёрные треуголки и шпаги. Вот как вспоминает об этом походе Дмитрий: *первую кампанию Преслава шиблеты «...будучи в Ревеле в ожидании корабля от города Архангельска, чтобы с ним соединиться и вместе следовать в Кронштадт, случилось в первых числах сентября время дождливое и холодное. После просушки парусов и прикрепления их упал у нас матрос в воду с грот-брам-рея. В тот самый миг офицеры и матросы бросились все на борт, кто кричит: „Давайте катер!“, другой кричит: „Хватайся, хватайся!“, а человек еще и не вынырнул. Суматоха сделалась превеликая, упавший матрос был из рекрут, тепло одет, в новом косматом полушубке, крепко запоясан, что и препятствовало ему углубиться далеко. Он скоро вынырнул, не робея нисколько, отдуваясь от воды и утираясь, кричал на салинг: „Добро, Петруха, дай только мне дойти на иханцы, я все расскажу: эку штуку нашел дурак, откуда толкаться“. Мы тогда почти все захохотали. Вот что бывает с людьми. Несколько секунд назад все почти были от ужаса в беспомощности, а потом хохочут. Матрос скоро взошел на корабль, повторяя те же слова на иханцах. Позвали Петруху с салинга, спрашивали его, но Петруха божился, что не толкал его, а сказал ему только: „Экой мешок, ступай на нок проворней, а не то я тебя спихну, а он, дурак, взявши и полетел с рея“. Тут мы большие еще смеялись и помирили их. Чудно, что, падая с грот-брам-рея, нигде он не зацепился и даже ни за что не дотронулся и после был здоров совершенно. Множество я видел подобных ему примеров». Ивана Фёдоровича Сенявина*

На следующий год ранней весной 15-летнего гардемарина Сенявина и всех остальных кадетов (33 человека) отправили по суше в Ревель (нынешний Таллин). В это число входили: Яков Нилус будущий капитан 2 ранга и управляющий Луганским литейным заводом, Башуцкий Даниил, ставший позже капитаном 2 ранга и тайным советником, Муханов Матвей, дослужившийся до генерал-майора, Плюсков Дмитрий-так же ставший генерал-майором, Антон фон Моллер-будущий адмирал, Василий Языков ставший вице-адмиралом, Василий и Алексей Кутузовы, Пётр Родионов, Капитон и Петр Корниловы, Яков Голенищев-Кутузов, Петр Тыртов, Петр Баранов, Иван Бачманов и другие.

Дмитрий писал в своих воспоминаниях: . «...при нас были капитан корпуса Фёдоров (небольшой был охотник заниматься нами, а любил больше сам повеселиться) и учитель астрономии, который учил нас поутру два да после обеда два часа и то не всякий день, прочее время мы резвились и гуляли, где кто хотел, только бы ночевали дома. Баня была у нас вещь важная и необходимая, каждую субботу мы в нее ходили не столько мыться, как от безделья резвиться: например: несколько человек выбежим из бани, ляжем в снег, и кто долее всех пробудет в снегу, тот выигрывает с каждого по бутылке меду и угощал, кого хотел. Наместо слова „честолюбие“ употребляли мы „молодечество“. Были у нас еще в употреблении разные пословицы, самые варварские, как то, „уха режь, кровь не капнет“, „смерть копейка“, к тому же похвала сверстников, когда говорят: „Этот хват, славный околотень“. Все это

делало нас, некоторым образом, отчаянными, смелыми и даже дерзкими. Я был крепкого здоровья и часто, иногда с горем пополам, оставался победителем товарищей и бутылок с медом. Бутылка меду самого лучшего стоила тогда 3 копейки. Лед в гавани был еще крепок, как началось вооружение 5 кораблей и одного фрегата, тогда-то сделалась наша волюшка, только обедали да ночевали дома, в корпусе, прочее время кто на корабле, кто в трактире, кто разгуливает по городу. На другой день как эскадра стала вооружаться, в ночи 3-го числа загорелся корабль „Всеволод“. Сперва показался густой дым из форд-люка, а потом вскоре и пламя; сделалась тревога, команда вся сбежалась, проломил лед, выхватили корабль из середины кораблей, поставили на мель, и корабль сгорел до подводной части без всякого другим судам приключения. Причина пожара сего не открылась и осталась неизвестна. На место сего сгоревшего корабля назначен корабль „Дерись“ из Кронштадта. 19 апреля эскадра наша была на рейде и к походу готова; 23-го числа против Ревеля показался корабль „Дерись“, мы снялись с якоря, соединились и пошли в море. Вот как расторопно в наше время делались дела. Правда, старики, как говорят, мало знали, однако видно, что знали хорошо распорядиться, ноница знают много, только под носом не видят ничего»

Капитаном этого сгоревшего 66-пушечного корабля был Амандус Берх, который получил только выговор за слабое содержание караула. В этом же году он принял в команду корабль «». Именно на этот корабль попал гардемарин Синявин. Кораблём «» командовал капитан 2 ранга Томас Макензи в последующие годы он станет отцом командиром для нашего героя. Упомянутый Дмитрием капитан 2 ранга Николай Степанович Фёдоров командовал 32-пушечным фрегатом «». Молодым гардемаринам на флоте в основном давали практические знания «». *Преслава Дерись Святой Евстафий больше приучали к морю, давая простор молодым головам*

В апреле эскадра вышла из Ревеля и после 2 месяцев тяжёлого плавания 12 июня 1779 года прибыла к мысу Норд-Кап (север Норвегии). Целый месяц корабли крейсировали вдоль северных берегов до острова Кильдин в Баренцевом море. В июле эскадра встретила отряд новопостроенных 32-пушечных фрегатов, шедших из Архангельска (« капитан Г.И. Муловский, «» капитан Г.И. Бухарик, «» капитан Г.К. Голенкин). Далее контр-адмирал Хметевский продолжал крейсировать в рамках «» соединённой эскадрой до начала сентября. Закончив патрулирование, эскадра направилась в Балтийское море, но у входа в пролив Скагеррак (севернее Дании) попала в жестокий шторм, продолжавшийся 3 дня. Все корабли претерпели различные поломки, но больше всех пострадал 66-пушечный корабль «» капитана 2 ранга Алексея Васильевича Мусина-Пушкина. Он лишился грот, бизань мачт и часть фок-мачты. Холодные волны смыли за борт 43 моряка, которых не удалось спасти. **контр-адмирала Степана Петровича Хметевского Святой Михаил» Патрикий Семеон вооружённого нейтралитета Храбрый**

Контр-адмирал С. П. Хметевский. Художник Карл Христенек.

В рапорте Адмиралтейств коллегии контр-адмирал Степан Хметевский докладывал: «». Только 17 октября соединенная эскадра пришла в Кронштадт. корабли „Храбрый“ и „Кильдюин“ под проводкой местных лоцманов укрылись в гавани Эквог, где „Храбрый“ видимо, вынужден будет остаться на зимовку, если ему не будут доставлены мачты взамен утерянных

За время этих учебных плаваний Синявин заслужил от своих командиров хорошие отзывы «». Он проворно лазил по вантам на марсы и салинги, умело распускал и собирал паруса стоя на реях в любую погоду. Вместе с матросами драил палубу и никогда не жаловался на трудности морской жизни. Обладая от природы живым характером, он всегда был среди своих товарищей заводилой. *один из лучших*

Наступил новый год. Праздники Дмитрий встречал в Кронштадте вместе со своим страшим братом Сергеем, который уже получил своё первое офицерское звание и который так же выходил в плавание. В северной столице адмирал Алексей Наумович Синявин работает

в Адмиралтейств-коллегии и при нём состоит адъютантом отец наших юных моряков. В свободное зимнее время они конечно приезжали в Санкт-Петербург и проводили время в кругу своих двоюродных сестёр Анастасии, Екатерины и Марии, которые были чуть старше Дмитрия и учились в Смольном институте. Этих девочек кабинет-секретарь Императрицы граф Пётр Завадовский называл «». Их мать 43-летняя Анна-Елизавета Сенявина умерла три года назад от оспы можно сказать на руках Алексея Наумовича и была похоронена на Старом Немецком кладбище. Ныне это Смоленское лютеранское кладбище у реки Смоленка на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. **1780 нимфами**

В доме адмирала часто в эту зиму появлялся бывший поручик Преображенского полка граф Семён Романович Воронцов, который ухаживал за старшей Екатериной Алексеевной. Рождество Христово все встречали в новом доме на Васильевском острове, который построила Императрица Екатерина Алексеевна взамен сгоревшего адмиралу Синявину. Вся молодёжь в этом году вместе с адмиралом ходили на службу в Успенскую церковь и Никольский морской собор.

У читателя может возникнуть вопрос почему я пишу фамилию Синявиных через литеру «». В те года почти все Синявины подписывались таким образом. Адмирал Алексей Наумович Синявин, до 50 лет так себя и писал. Только в 1773 году он начал подписывать документы как Сенявин. Отец Дмитрия Синявина (Николай Фёдорович Синявин), всю жизнь прожил с такой фамилией. Остались в архивах судебные документы, в которых фамилия именно так и пишется. Примерно в эти года и Дмитрий начал подписывать документы с буквой «». *и е*

Отец его помимо имения Комлево владел землями и селом Ольховцево в Тульской губернии. Он бросил свою жену Марию Васильевну и жил с «». Возможно, по этой причине Дмитрий Сенявин больше тянулся к своему дяде адмиралу. Скорее всего тот показывал Дмитрию старые документы, касающиеся магнатского рода по-польски). В этом шляхецком написании присутствуют обе литеры «» и «». В Польше до сих пор в Подкарпатском воеводстве в Пшеворском повяте (районе) у границы с Украиной существует с 14 века Бережанский замок, принадлежавший коронным гетманам () этого рода. Так, например очень богатый магнат Николай Сенявский () с 1553 по 1569 являлся воеводой в () Польского королевства и Речи Посполитой. Именно он возглавлял военный поход на Крымское ханство (1530—1537гг.) в частности, на крепости Очаков и Аккерман (Белгород-Днестровский). Резиденцией Руского воеводства в Польше являлся город Львов. Именно к этому роду и стал себя причислять Дмитрий Николаевич с подачи адмирала Алексея Николаевича Синявина. *девицей дочерью умершего прапорщика Дарьей Беседновой и е Hetman polny koronny Mikołaj Sieniawski Województwo ruskie Сенява (Sieniawa Русском воеводстве*

Весь март гардемарин Сенявин готовится к выпускным экзаменам из Морского шляхетского корпуса. На следующий месяц проходили множественные экзамены по разным дисциплинам, которые Дмитрий сдал на хорошие баллы. Наконец 1 мая был издан указ о присвоении ему первого офицерского звания мичман. Он определён был на корабль «» под командой капитана 2 ранга . Этот корабль входил в эскадру капитана бригадирского ранга , для похода в Португалию для контроля проводки торговых кораблей, участвуя в программе «». Эскадра состояла из флагмана 78-пушечного линкора «» (капитан П. И. Ханьков), 66-пушечных линейных кораблей: «» (капитан Л. Н. Шаховский,) « (Е. С. Одинцов), «» (В. П. Фондезин), «» (Т. Макензи) и фрегат «» (капитан Н. П. Макаров). *Князь Владимир вооружённый нейтралитет Иезекииль Князь Владимир Спиридон» Давид Селунский Дерись Александр Леонтия Ники-тича Шаховского Никифора Львовича Палибина*

Вот как описывает эту весну Дмитрий Сенявин: . «...дано нам каждому на экипировку жалованье вперед за полтрети, то есть 20 руб., да сукна на мундир с вычетом в год, да дядюшка Алексей Наумович Синявин подарил мне тогда же 25 руб. Итак, я при помощи мундира и 45 рублей оделся очень справно; у меня были шелковые чулки (это парад наш), пряжки

баумачные серебряные превеликие, темляк и эполеты золотые, шляпа с широким золотым галуном. Как теперь помню-шляпа стоила мне 7 рублей. У меня осталось еще достаточно на прожиток. Время тогда было благодатное, во всем изобилие и дешевизна чрезвычайные. Правда, лакомых вещей было мало, но зато мы были сыты, румяны и хорошо одеты; одним словом, ни в чем не нуждались. Я могу сказать, будучи мичманом и далее капитаном, получал жалования в год в первом чине 120 рублей, а капитаном-450, я жил, право, богаче, как теперь в генеральском чине»

Перед уходом в плавание 17-летний Дмитрий Сенявин успел побывать на помолвке своей двоюродной сестры Екатерины Синявиной с графом Семёном Воронцовым. Здесь он повидал своего отца, дядю-адмирала и почти всю родню, как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Первый раз он был представлен старому графу Роману Илларионовичу Воронцову, Пензенскому и Тамбовскому генерал-губернатору. После граф писал своему старшему сыну: ». Хорошо было находиться в северной столице, но море всегда зовёт моряка в путь, и молодой офицер начинает свою карьеру. Передам слово самому мичману Дмитрию Сенявину: ». «...весьма рад его выбору, что Семён предпочёл взаимную склонность всему другому. И тем охотнее буду я стараться оказывать им всякую помощь, а теперь уступаю им мой дом, приморские дачи и Муринскую фабрику со всеми их доходами... И как на первый случай для Екатерины Алексеевны надобно купить хороший цуг «В этом лете три наших эскадры вышли из Кронштадта. Одна- пять кораблей и один фрегат- до Англии; другая- семь кораблей и один фрегат- в Средиземное море и зимовала в Ливорно; третья-пять кораблей и один фрегат-до Португалии и зимовала в Лиссабоне. Тут и я находился на корабле „Князь Владимир“. В Кронштадт возвратились на другой год. В Лиссабон пришли мы скоро и тут расположились на зимовку. У нас на корабле капитан был князь Леонтий Никитич Шаховской, а эскадрой командовал бригадир Никифор Львович Палибин. В наше время мы, молодые, скоро и хорошо росли, но не скоро старились. До двадцати лет называли нас: „ребенок“, „молокосос“. Старики наши как будто нарочно более заботились о здоровье нашем, чем изнурять оное различными науками. Я был тогда на восемнадцатом году и резв до беспамьятства. Случилось капитану моему послать меня к бригадиру просить позволения б офицерам съездить в Цинтру. Я приехал на флагманский корабль. Тотчас меня окружили мичмана. Сперва, как водится, поздоровались, а потом принялись, по обыкновению, болтать всякие глупости, хохотать. Я тороплюсь к бригадиру- меня не пускают. Я к каюте, меня держат за полы. Наконец я растолкал, вырвался, подбежал к каюте и только занес ногу за порог, как мичман Лызлов, отличный мой приятель, так искусно подставил мне ножку, что я упал и чуть нос себе не разбил. Бригадир играл в карты, сидя спиной к двери. „Болван! Ты никогда порядочно не войдешь. Только и дело за тобой, что беситься“. Я подошел, поклонился и начал говорить: „Князь свидетельствует свое почтение Вашему Высочородию и просит позволения... и вдруг я позабыл, о чем“. Никифор Львович погодя немного спросил: „Ну, о чем же“? Я молчу и только краснею. „Ну, дурак, поди вон. Вспомни и приди“! Я вышел на иханцы. Мичмана меня опять обступили, хохочут. А мне не до того. Решаюсь возвращаться на корабль и хоть с большим стыдом да переспросить капитана. Как вдруг вспомнил, обрадовался и иду докладывать. „Хорошо, ответил бригадир, офицеров отпустить. А ты, друг мой, знаешь ли, то, что я могу тебя розгами сечь. Отец твой и дядя дали мне на то полную доверенность и, если ты не перестанешь беситься- я тебя отдеру на обе корки. Ступай и помни“! Бригадир наш был настоящий русский господин, свободного времени не тратил напрасно- любил повеселиться. А как кто любит что, -тот обыкновенно желает, чтобы и все любили то. И мы все на эскадре были свободны, весело и время провели, -не видали, как прошло. Два дня в неделю были в городе ассамблеи, которые составляли все иностранные министры, консула, богатейшие негоцианты и вельможи португальские. Один день имел консул голландский Гильдемейстер. Два дня было собрание у Стеца, а остальные два- бригадир имел у себя на корабле. В этих собраниях были всякий раз

две сестры англичанки, по фамилии Плиус. Меньшая называлась Нанси. Ей было около 15 лет. Мы один другому очень нравились, я всегда просил ее танцевать, она ни с кем почти не танцевала, кроме как со мною. К столу идти-я к ней подхожу или она ко мне подбежит, и всегда вместе. Мы так свыклись, что в последний раз на прощание очень, очень скучали и чуть ли не плакали. Капитан мой, князь Шаховской, был лет под пятьдесят, весьма кроткого нрава, так что за всю кампанию, то есть около полутора года, никто не слышал громкого или гневного его приказания. Время проводил он каждый день одинаково. Поутру вставал в шесть часов, пил две чаши чаю, а третью с прибавлением рома и лимона (что называлось тогда „адвокат“), потом, причесавши голову и завивши длинную косу, надевал колтак, на шею навязывал розовый платок, потом надевал форменный белый сюртук и всегда в туфлях, вышитых золотом, торжковой работы. В восемь утра выходил в этом наряде на иханцы и очень скоро возвращался в каюту. В десять часов всегда был на молитве, после полудня обедал, а после обеда раздевался до рубашки и ложился спать. Чтобы скорее и приятнее заснуть, старики имели привычку-заставляли искать себе в голове или рассказывать сказки. Вот и князь наш после обеда искался в голове, а ввечеру сказывали ему сказки. Соснувши час, другой, а иногда и третий, вставал, одевался снова точно так, как был одет поутру, только наместо сюртука надевал белый байковый халат с подпояскою, пил кофе, потом чай таким же манером, как и поутру. Около шести пополдни приходил в кают-компанию, садился за стол и закладывал банк в рубль медных денег. Тут мы, мичмана, пустимся рвать. Если один банк не устоит, -князь делает другой и третий, а потом оставляет играть. А когда выигрывает, то играет до девяти, потом уходит к себе ужинать и в десять ложится спать

Цель, поставленная Императрицей этим трём эскадрам, состояла в том, чтобы воспрепятствовать воюющим странам в Европе захватывать торговые суда в Балтике и Немецком море. В середине октября эскадра Палибина вышла из Лиссабона, но встретив в пути сильные северные ветра вынуждена была вернуться назад в устье реки Тежу. Только корабль «» проскочил до пролива Ла-Манш и в начале ноября бросил якорь в английском порту Портсмут. У корабля капитана Фомы (Томаса) Макензи были поломки в такелаже, порваны паруса и некоторые реи. Английские газеты того времени писали, что русские на своём корабле доставили освобождённых из плена англичан и большое количество денег. В ту зимовку Дмитрий Сенявин близко познакомился с флаг-офицером бригадира Палибина 25-летним капитаном-лейтенантом Николаем Семёновичем Мордвиновым. Весной следующего года вся эскадра вышла из Португалии и летом благополучно возвратилась в Кронштадт. Вот как говорит очевидец: «...флаг наш везде надлежащим образом уважаем был и плавание наших торговых судов не было подвержено от воюющих ныне держав». Дерись «...в июле месяце встретили на Копенгагенском рейде эскадру нашу (контр-адмирала Якова Сухотина) в 9 кораблей и 3 фрегата, идущих в Средиземное море. Вот в царствование Императрицы Екатерины сколько кораблей ежегодно плавало в дальних морях, чтобы офицеры и матросы приобретали лучшие познания. Тогда флот Балтийский состоял из более 40 кораблей. Разом, бывало, в море 32 корабля, в том числе пять 100-пушечных с медной артиллерией. Можно сказать-флот был славный. Шведы и турки везде и всегда были биты и истребляемы. И сами англичане не осмеливались согрубить Ее Величеству и, стиснувши зубы, старались лишь угодить».

Мичман Дмитрий Сенявин по-молодости не имея своего собственного дома временно поселился у адмирала Алексея Наумовича Синявина на Васильевском острове. Там же в это время жил его отец Николай Фёдорович. Дмитрий после прибытия из плавания съездил к матери в Комлево, и конечно, повидал свою младшую сестру Федосью, которую не видел много лет. Она выросла в высокую и красивую девушку готовую на выданье. После отдыха в деревне он вернулся в Санкт-Петербург, где все готовились к свадьбе 20-летней двоюродной сестры Катеньки с Семёном Романовичем Воронцовым. Дочь адмирала Алексея Синявина являлась фрейлиной Императрицы. Эта роскошная свадьба состоялась в середине авгу-

ста в имении Мурино (сейчас это район Санкт-Петербурга). Оно было куплено ранее графом Романом Воронцовым у дочери генерала Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова. Имение, расположенное на правом берегу реки Охты, расширилось за счёт покупки окрестных территорий и постоянно улучшалось. Ранее там были «». Высокий и бойкий мичман флота хорошо повеселился со своими сёстрами, постоянно рассказывая им о своём последнем походе в Лиссабон. В гостях на свадьбе присутствовал молодой Великий Князь Павел Петрович вместе с супругой Марией Фёдоровной. Там он впервые познакомился с будущим Государем Императором. *вырыты пруды и каналы, разбиты фруктовые сады, построены теплицы и оранжереи, в которых выращивались абрикосы, персики и лимоны*

Мичман Дмитрий Сенявин думал определиться в компанию на следующий год и был зачислен на корабль «» в эскадру адмирала Василия Яковлевича Чичагова. Адмирал Алексей Наумович Синявин принял к себе на службу флигель-адъютантом своего 14-летнего сына Григория. На своего племянника у него были другие взгляды. Он, согласовав с отцом молодого офицера отправить Дмитрия в Таганрог и включил в состав 15 старших мичманов. *Святослав*

При спуске нового 74-пушечного линейного корабля «», построенного в Санкт-Петербургском адмиралтействе, которого просто называли «» присутствовала Императрица Екатерина Алексеевна, адмирал Алексей Синявин, вице-адмирал Самуил Грейг, генерал Иван Григорьевич Чернышев и другие морские начальники. Командиром корабля назначили капитана 2 ранга Николая Степановича Фёдорова, который обучал мичмана Сенявина ещё в Кронштадте. Именно там Дмитрий Сенявин первый раз близко увидел Императрицу и даже поцеловал ей руку. Вот как он описывает это событие: *Симеон Сродник Господень Победослав «В 1782 году, по именному повелению командировали в Таганрог 15 старших мичманов, в чине которых был и я. В это время назначено было спустить один корабль и два заложить. Государыня изволила посетить Адмиралтейство, присутствовала при закладке и потом вошла на приуготовленный к спуску. Когда Императрица входила на корабль я с товарищами был у фалрепа. Она часто изволила останавливаться для отдохновения и случилось остановиться ей противу меня. Я потянулся через поручень поцеловать руку. Государыня милостиво изволила пожаловать мне ее. „Не резвись, смотри, сорвешься и пропал“ указала она вниз. Точно мать родная... В Петербурге дали мне партию, одного квартирмейстера и 12 матросов, и отправили на почтовых. Я пустился прямо в Москву, потом на Боровки и в Комлево, увидеться с матушкой. Пробыл два дня. За прощальным обедом собралось много гостей посмотреть на приехавшего из Петербурга, побывавшего за морями. Матушка рассказывала гостям, что буду непременно в чинах больших».*

В это лето в Крыму прошёл мятеж против Хана Шагин-Герее (ханская гвардия отказалась защищать правителя) и Екатерина писала Потёмкину: «». Она так же приказала коменданту крепостей Керчь и Еникале генерал-майору Фёдору Петровичу Филисову собрать все корабли и вести крейсерования вдоль берегов полуострова. Эти корабли должны были предотвратить привоз из Турции оружия мятежникам. Для подмоги на Азовскую флотилию прислали этих молодых офицеров включая мичмана Дмитрия Сенявина. *В Крыму татары начали вновь немалые беспокойства. Теперь нужно обещанную защиту дать Хану, свои границы и его, нашего друга, охранить. Все сие мы бы с тобою в полчаса положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти. Всячески тебя прошу поспешить своим приездом, ибо ничего так не опасаясь, как что-нибудь проронить или оплошать... Денег пошлю и суда наряжу, а о войсках полагаюсь на тебя, также-кого пошлем. Ведь ты горазд избрать надобного*

Вот как он пишет: *«В Таганрог я приехал в первых числах июля. Посадили меня с товарищами на галиот и отправили в Керчь, на Азовский флот. Флот сей составляли в то время одна корвета 22 пушечная и называлась корабль „Хотин“. Он был флагманским. Шесть кораблей бомбардирских, вооруженных мортирами и гаубицами, один бриг, три ихуны и три палубных бота. Я определен был на „Хотин“. Вскоре прибыл в Керчь владетель Крыма Хан Шагин-*

Гирей. При нем находились министр наш Веселицкий и Главнокомандующий войсками в Крыму генерал-майор Самойлов, впоследствии граф и генерал-прокурор Сената. Хан пробыл в Керчи 3 дня. Посадили его с тремя преданными ему мурзами на „Хотин“, прочих 19 человек свиты разместили на иные суда. Снялись с якоря и на другой день прибыли к Петровской крепости (в устье реки Берды). Тут принял Хана генерал Григорий Потемкин, который потом был Светлейший князь Таврический. Хан при съезде одарил нас разными подарками, мне достались серебряные часы, стоящие 50 рублей. Эскадра снялась с якоря и ушла в Керчь».

Для морской блокады Крыма корабль «» и с ним бот «» поставили в пролив Черного моря у мыса Такла. Корабль «» крейсировал от Кафы до Судака и Алушты. Бомбардирский корабль «» ходил от мыса Такла до Кафинской бухты, шхуна «» курсировала от Алушты до Балаклавы и Ахтиара. Шхуна «» от Ахтиара до Козлова, шхуна «» от Козлова до Акмечети. Поляка «» стояла в устье Азовского моря у мыса Фонарь. *Хотин Хопер Журжа Азов Измаил Победослав Дунайский Вячеслав Патмос*

Наши сухопутные войска генерал-поручика графа вступили через Перекоп в Крым, в том числе там находился «» Шагин-Гирей. Генерал-майор Александр Николаевич Самойлов, который командовал Таврическим егерским корпусом полностью освободил Крым. Азовская эскадра блокировала Крым с моря. Григорий Потёмкин отбыл в Санкт-Петербург, где по пути обдумал меморандум о присоединении Крыма к Российской Империи: « В этом великом деле принял участие наш герой молодой офицер Дмитрий Сенявин. В октябре прибыл в Керчь новопостроенный 32-пушечный фрегат « построенный в Хоперской верфи. Далее просто процитирую Дмитрия Николаевича: Многие читатели предполагают, что Ахтиарская и Балаклавская гавань не были известны нашим морякам до 1783 года. Это совсем ни так. Шесть лет ранее её исследовал и составил карту мичмана И. А. Сорокин. Он исследовал на побережье Крыма Ахтиарский залив с гаванью Ходалитасы. Снизу карты надпись «». Наши корабли при блокаде побережья полуострова Крым крейсировали мимо этой гавани. В ней часто встречали укрывшиеся от стихии торговые турецкие корабли. Федот Клокачѳ докладывал Императрице: Ещё ранее в 1773 году, когда корабли адмирала Алексея Синявина « и «» после бури были поставлены капитаном 2 ранга И.Г Кингсбергенем на ремонт в Балаклавскую бухту. **Антон Богдановича Де Бальмена законный правитель Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с Турками по Буту или со стороны кубанской – во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний Туркам негоден: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу... Всемилоостивейшая Государыня! Вы обязаны возвысить славу России... приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит. Удар сильный – да кому? Туркам. Это Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел». Крым» «Командующий флотом капитан 1 ранга поднял на нём свой брейд-вымпел и меня перевели на сей фрегат. В последних числах октября мы пришли в Кафу (ныне Феодосия), ездили на берег, делали покупки без всякой осторожности от заразной болезни. Первого ноября оказалась у нас на фрегате чума. Бригадир тот же час переехал на „Хотин“ и приказал нам всех заразившихся свезти на берег и устроить им палатки из парусов. Около 15 ноября чума вовсе прекратилась, похитив за две недели 110 человек. К счастью нашему, случился у нас искусный лекарь Меллярд. Он служил прежде у Хана и знал чумную болезнь. Пересматривая команду четыре раза в день, он весьма редко ошибался во времени, кто из заразившихся сколько проживет». **Тимофей Гаврилович Козлянинов** Контр-адмиралу и Кавалеру Федоту Алексеевичу Клакачеву «...могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – положением, величиной, глубиной. Можно в ней иметь флот до 100 линейных судов, ко всему же тому природа устроила лиманы, что сами по себе разделены на разные гавани, то есть – военную и купеческую. Без собственного обозре-**

ния нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша... ежели благоугодно будет Ея Императорскому Величеству иметь в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно здесь будет завести порт, как в Кронштадте». Модон», «Морея» Новопавловск

Карта Ахтиара прапорщика И. Батурина.

Именно он отправил в Ахтиарскую гавань «» во главе со «» Иваном Батурином. На карту им были нанесены с топографической точностью остатки средневековой крепости Инкерман, руины древних церквей, татарская деревушка Ахтиар, лес, болота, озера на восточном берегу бухты, тщательно были обозначены ее глубины. *описную партию штурманом прапорищьего ранга*

Вот и наступило время использовать эту великолепную гавань. Крымский Хан Шагин - Гирей своим указом предоставил Ахтиарскую бухту в пользование нашим кораблям (Екатерина прислала ему «»). Тут же была дана команда капитану 1 ранга с двумя фрегатами «» под командованием капитан-лейтенанта и «» -капитан-лейтенант срочно зайти и занять бухту. В середине ноября 1782 года эти фрегаты с командами около 600 человек зашли в Ахтиар и встали на северном берегу (позже получит название бухта Сухарная). Морские команды фрегатов разместились на зиму в опустевшем татарском селении. Наши моряки начали плести сети для вылова рыбы, готовили ружья для охоты на диких коз, и чинить старые татарские постройки. *12 000 рублей на содержание кухни Восьмой Одиннадцатый Ивану Максимовичу Одинцову Степана Никитича Юрасова Иван Анисимович Щербачев*

Новыймичман Дмитрий Сенявин встретил в Керчи (греческий Пантикапей). Фрегат «» под управлением капитана 2 ранга Алексея Владимировича Тверетина, после чумной болезни проходил обработку и дожидался пополнении команды. В северной столице с января началась подготовка к формированию эскадр под управлением вице-адмирала Федота Клокачёва «». **1783 год Крым для командования заводимым флотом на Черном и Азовском морях**

Императрица Екатерина Алексеевна, проведя ряд консультаций с адмиралом Алексеем Синявиным издаёт ряд указов и делает новые назначения для формирования нового флота. В помощь командору назначаются контр-адмирал и контр-адмирал . В феврале она издаёт указ о скорейшем введении в строй заложенных на Гнилотоновской верфи (около крепости Дмитрия Ростовского) и верфи Рогожских хуторов (в дельте Дона) морских 44-пушечных фрегатов под номерами №12,14,15,16. Туда направляется генерал-майор Петр Антонович Касливец и дополнительно сотни работников. На верфях Херсона под надзором князя Григория Потёмкина находились на стапелях несколько 66-пушечных кораблей. Он набирает вольнонаёмных плотников числом более 700 человек и зимнем путём отправляет в ведение генерал-цейхмейстера Ивана Абрамовича Ганибала. **Роберт Карлович Дугдаль Фома Фомич Макензи**

Зимовавшие в Ахтиаре морские служащие подготовили карту, и начальник эскадры капитан 1 ранга Иван Максимович Одинцов утвердил донесение в адмиралтейскую коллегию, которую временно возглавлял адмирал Синявин (граф Иван Григорьевич Чернышев был в отпуске). Вот что он пишет: *«...с начала пребывания моего в Ахтиарской бухте прошлого 1782 года с 17-го ноября по 7 марта 1783 года, порученной мне эскадры фрегаты стоят на одних якорях посредине самой бухты; при перемене якорей канаты всегда бывают целы, потому что грунт – ил мягкий; при всех бываемых крепких ветрах волнения никакого не бывает, кроме востового, от которого при ветре не малое волнение; а по утешении – зыбь, но безвредная. В разных местах опущены с грузом доски, также и фрегаты осматриваемым при кренговании, однако червь нигде не присмотрен: сему причина – часто бываемая при остовом ветре, по поверхности губы из речки Аккерманки, пресная вода, в губе превеликое множество дельфинов, или касаток; но они безвредны».*

По собственному повелению Императрицы от 6 апреля в распоряжение вице-адмирала Клокачева на Чёрное море были отправлены лучшие капитаны 2 ранга Марко Войнович и Панайоти Алексиано. Екатерина собственной рукой пишет Потёмкину: *«...флота капита-*

нов Войновича и Алексиано приказала я отправить на Чёрное море, а для командованием флотилией на Каспийском море послать капитана Ханькова».

Манифест Екатерины. Документ РГИА.

Через 2 недели им и ещё 4 капитанам присваивается звание капитанов 1 ранга. Дмитрий Николаевич Сенявин так же получает очередное звание лейтенант флота.

Манифестом Императрицы Екатерины от 8 апреля объявлялось, что ». В этом документе говорилось о многочисленных нарушениях, сделанных Османской империей в нарушение статей Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Наше правительство указывало на попытки Турции захватить Прикубанье и ввести войска на Таманский полуостров, объявив его жителей своими подданными. Крымский хан Шагин -Гирей по настоянию Григория Потёмкина решил оставить мятежный полуостров, сложить свои полномочия и отправиться в Тамань. Граф де -Бальмен сообщал Клокачёву «. *«...полуостров Крымский, остров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Российскую что Порты, получа сие известие может к поощрению крымцов на избрание нового хана, к берегам крымским хотя малое число судов отправить, то нужно чтоб и наши суда около сих берегов начали крейсировать. За сим сообщаю, что ахтиарская гавань гренадёрским батальоном занята, а завтрашний день полки капорский и днепровский пехотные и часть полевой артиллерии туда прибудут»*

26 апреля вице-адмирал со сборной эскадрой вышел из Керчи «». Этим отрядом из 11 кораблей в которой на фрегате №10 был лейтенант Дмитрий Сенявин адмирал прибыл благополучно в Ахтиарскую бухту . Назову суда и капитанов командовавшими ими, это были: три 36-пушечных фрегата №№9-«» (лейтенант Н. Г. Курганов), 10-«» (капитан-лейтенант И. М. Берсенев), 13-«» (лейтенант Михаил Чефалиано); два донских корабля 28-пушечный «» (капитан-лейтенант Ф. В. Поскочин) и 16-пушечный «» (капитан бригадирского ранга Т. Г. Козлянинов) флаг контр-адмирала Ф.Ф.Макензи; 3 шхуны: «» (лейтенант Н. Ф. Селиверстов), (лейтенант С. Г. Цвелинов),» (лейтенант С. Ф. Филатов); 2 полякры (двухмачтовое парусно-гребное судно): «», «» и бот «» (лейтенант М. М. Ельчанинов). Всего морских служителей было 1086 человек. **Федот Алексеевич Клокачев 2 мая 1783 года в повеленную ордером крымскаго полуострова Ахтиарскую гавань Поспешный Крым Победа Хотин Азов Победослав Дунайский «Измаил» «Вячеслав Патмос Св. Екатерина Битюг**

На следующий день Клокачев, Макензи и Одинцов совершили обход Ахтиарской бухты на боте «». Они решали, где разместить главный порт, киленбанок, госпиталь, склады корабельной артиллерии и как расставить корабли. *Битюг*

Вице-адмирал Клокачев получил указ отбыть в Херсон для принятия под командование строительство кораблей. Руководство эскадрой, строительством порта и крепости было возложено на контр-адмирала Фому Макензи. Он же днём позже написал рапорт в адмиралтейскую комиссию графу Ивану Григорьевичу Чернышеву: « ...в сей бухте я нашел два фрегата под командой Одинцова и принял под свое командование.

Вице-адмирал Ф. А Клокачев. Неизвестный художник 18 в.

При сем, не премину я вашему сиятельству донести, что при самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ея с морю положению, а вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – положением, величиной и глубиной. Можно в ней иметь флот до ста линейных судов, по всему же тому сама природа такие устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть – военную и купеческую. Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша. Ныне я принялся аккуратно всю гавань и положение ее мест описывать, и коль скоро кончу, немедленно пришлю карту... Ежели благоугодно будет иметь ея Императорскому Величеству в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно будет завести здесь порт, как в Кронштадте».

Контр-адмирал Фома Фомич Макензи (которому 43года) родился в Астрахани, где служил во флоте уже 20 лет и командовал портом и флотилией его отец шаутбенахт Фома Кали-

нович. Фома Фомич перенёс свой флаг на 36-пушечный фрегат «», так как на «» при переходе образовалась течь и требовался срочный ремонт. Именно в это время при ознакомлении с командой он примечает молодого и бойкого лейтенанта Сенявина и берёт его к себе адъютантом. Вот как вспоминал Дмитрий Николаевич те первые дни: *Крым Хотине «... пришли в Ахтиар. Командиры собрались на обед к адмиралу. „Господа, здесь мы будем зимовать. Старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить. Я буду помогать Вам. Идемте кушать“. Сели за стол, обедали хорошо, встали веселы, а ввечеру допили и на иханцах танцевали. Около полуночи бал кончился. На другой день принялись за дело. Сперва каждый командир назначил себе место, куда поставит свое судно на зимовку, там и начал делать пристань и строить прежде баню. Потом начали строить домики для себя и казармы для людей. 3 июля адмирал Макензи заложил часовню во имя Николая Чудотворца, где и ныне церковь морская существует... часовня освящена 6 августа, кузница была готова в 3 недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешел адмирал и дал бал на новоселье 1-го ноября. Вот откуда начало города Севастополя... позже сделаны хорошие два тротуара – один от пристани до крыльца дома адмиральского, а другой от дома и до часовни – и обсажены в четыре ряда фруктовыми деревьями. Выстроено 6 красных лавок с жильми наверху покоем, один изрядной трактир, несколько лавок маркитанских, три капитанские дома, несколько магазинов и шлюпочный сарай в адмиралтействе; все сии строения каменные или дощатые. Бухта Херсонесская отделена от карантина. Инженеры и артиллеристы устроили батарею при входе в гавань».*

Не всё так весело было при строительстве, как-то казалось молодому Дмитрию Сенявину. Строительство порта, шло тяжело. Солдаты пехотных полков графа де Бальмена начали болеть чумой. Болезнь косила всех невзирая на чины. Фома Макензи пишет с тревогой Чернышеву, что он не спускает морские команды на берег «». *...там уже умерло 500 человек егерей. Я всего одного избегаю по спасению всего общества, оставил всех господ штаб – и обер-офицеров и служителей на судах, кроме тех, кои у печения хлебов и других надобностей... а вино, в подкрепление по здешнему тяжелому климату и по многим в заведении берегового строения работам, каждый день отпускалось по чарке, – мясо, вместо соленого, свежее парное с выгодой через свежую пищу лишиться болезней*

В июне этого года близ Карасубазара, на вершине горы «» Григорий Потемкин принял присягу крымско-татарской знати и представителей всех сословий Императрице Екатерине и Российской империи «». Генерал-поручик Александр Суворов с войсками в это время находился в Ейском укреплении и совместно с казаками атамана А. И. Иловайского принуждал ногайцев подчиниться Государыни Императрицы. *Ак-кая Крым, Тамань и Едисанская и Джамбулукская орды присягнули*

В Ахтиаре контр-адмирал Макензи продолжает строительство города. В письмах адмиралтейств коллегии он сетует на нехватку леса и стройматериалов. К тому же к осени плавание транспортных судов начало замедляться и денег в казне эскадры почти не было. Для каменного строительства в Ахтиаре и «» было нанято 12 мастеров-греков (старший «» Дмитриев), *... лутчаго показания в кладке для штаб- и обер-офицеров упокоев стен и составления извести по их искусству, и делания в некоторых местах около тех покоев укрепления албанец «... сысканных капитаном Алексiano в Балаклаве и знающих хорошо строить порядочные здания из тамошнего камня и плитняка*

Наши моряки около Херсонесса нашли в Козачьей бухте 4 больших грузовых лодки, которые были». Они их отремонтировали и стали возить из каменоломни камень для строительства домов. Ничего не говоря Макензи они привели ночью эти лодки с камнем к месту, где было заложено адмиралтейство. Молодой лейтенант Дмитрий Сенявин активно принимал участие в возведении зданий и иногда самостоятельно руководит матросами. Вот как он вспоминал про этот случай *«испорченныя во время возмущения : «Это было уже на развете. Я послал*

барказы, каждый на свое судно, с приказанием, чтобы немедленно присланы были на берег все плотники, со всеми наличными досками и гвоздями, кузнецы с инструментами, а барказы с фалконетами и при них по 30 холостых зарядов; а капитаны смотрели бы, когда адмирал поедет на берег, тогда и они ехали бы за ним. Устроив все таким образом, я приехал на фрегат в то время, как адмирал только проснулся; я доложил ему, что Бог послал нам добычу, 4 лодки и что уже они на берегу. Адмирал Макензи весьма тому обрадовался, поцеловал меня и сказал: «Сегодня обедают у меня все капитаны; а с тобою Сенявин, выпьем мы особо по бутылке шампанского». В 10 часов мы позавтракали и поехали на берег, чтобы осмотреть лодки. Священник был уже в облачении и отслужил молебен, после чего все пропели: «Тебе, Бога, хвалим». Подняли на лодках флаги, барказы произвели пальбу в 101 выстрел, потом со всего флота салютовано по 31 выстрелу. В это самое время вошли в гавань 2 галиота и 3 казацкия лодки из Таганрога, нагруженные разными вещами для исправления судов наших и первоначального берегового обзаведения. Контр-адмирал Макензи был вне себя от радости, и когда все выпили по рюмке шампанского, он приказав налить по другой, сказал: «Сенявин надобно теперь, чтобы из всех орудий палили, в одно время»; он особенно любил пушечную пальбу, и в тот же момент, по сигналу, началась пальба со всех судов и барказов; мы все подняли рюмки, поздравили его, он поблагодарил и сказал: «...бай гот, как это все хорошо устроил Сенявин. Спасибо тебе. Дайте нам вина и выпьем ещё по рюмке, за здоровье нас. Прикажи налить еще столько же».

Контр-адмирал Макензи осенью докладывал в Адмиралтейств-коллегию, что построил для складирования, материалов, которые приходили с Таганрога он начал строить склады из которых разместил на хранение сухари, соленое мясо, масло, вино и другие продукты. Этот человек часто тратил свои деньги для срочных нужд и, конечно, государственные средства, которые ему доставляли кораблями. Различные специалисты были в его распоряжении, а вот бухгалтеров и учетчиков не было, что потом скажется на его судьбе. Он жаловался начальству на нехватку лесоматериалов для изготовления перекрытий и стропильных систем. Для стен домов всегда было достаточно местного камня и целых пиленных блоков привозимых с Херсонесса. В рапорте он сообщает в столицу, что последние слова, конечно, очень плохо истолковали чиновники в Санкт-Петербурге и решили проверить финансовую сторону содержания эскадры, строительства города и порта. Адьютант адмирала Дмитрий Сенявин по-своему помолодому воспринимал строительство и бытовые неустройства. Он пишет: «светлицы для житья штаб и обер-офицерам, а нижним чинам казармы». «магазины», «...плавание транспортным судам по нынешнему глубочайшему осеннему времени прекратилось. По таковым обстоятельствам для исправления фрегатов и поврежденных гребных судов, вынужден просить через посланного от меня офицера, татарских начальников, для отыскания в их дачах годных дерев, а на последок в вырубку и вывозку ихним кашитом за сходную казне цену, позволения; но без позволения сей коллегии сам собою приступить не осмеливаюсь. При всем же оном, при вверенной мне эскадре, денежной казны по наличию почти ничего нет». «...зиму провели весело. Адмирал назначил для благородного собрания большую пустую магазейну. В свободное время занимались разными охотами, все имели хороших борзых собак, ловили рыбу неводом, а так как Севастополь издавна не был никем обитаем, то заливы его сделались наилучшим убежищем рыбам и плавучим птицам. Адмирал наш любил давать празднества. Ни одна свадьба, крестины и даже похороны не обходились без него, везде он бывал, а потом у него все обедают и танцуют всегда почти до рассвета».

Наступил новый год. Зима в том году была почти без снега, но дули сильные ветра. Лейтенант Дмитрий Сенявин не имел семьи и проживал в новопостроенном доме своего начальника контр-адмирала Макензи. **1784**

10 февраля заложенный город в Ахтиарской гавани город был назван (в переводе с греческого»), который стал главной базой русского флота на Черном море. В указе гене-

рал-губернатору князю Потёмкину было сказано: **Севастополем** «знаменитый город «с расширением границ Империи Всероссийской устроить новые укрепления... в пределах Екатеринославского Наместничества устроить следующие укрепления... 9. крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр, и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение 10. Балаклаву, исправя как она есть и содержа стражу ея поселенными тут Греческими войсками 11. Феодосию или Кафу, поправя старые замки и снабдя их артиллерию 12. вместо Керчи и Еникаля, сильную крепость под именем Боспор, у Павловского редута, при входе в Боспор Киммерический 13. Фанагорию, довольно сильное укрепление на острове Тамань 15 Ейское укрепление, приведя оное в доброе состояние».

В июне посетил Севастополь и пробыл там 2 дня. Он рассматривал каким образом расположена эскадра, посещал береговые строения. Ординарцем к Потёмкину был назначен лейтенант Дмитрий Сенявин, который всё знал и мог ответить на любой вопрос генерал-губернатора. Этот молодой человек очень понравился Потёмкину, который, конечно, его приметил. Довольный приёмом и строительством губернатор «». Позже в письме графу Чернышеву контр-адмирал Макензи писал: . Он без позволения построил каменную пристань и несколько магазинов. Фома Фомич так же в этом году нашел источники с пресной водой в горной местности и собирался провести трубопровод в Севастопольское адмиралтейство. Местные греки Балаклавы начали производство водопроводных труб из обожжённой глины. Моряки и солдаты готовили траншею и даже уложили первые метры водовода. **генерал-губернатор Григорий Александрович Потёмкин** *изволил с великим удовольствием отсюда отбыть «...я осмелился ему доложить о издержанных мною деньгах на разное цивильное строение и прочие надобности, который изволил обещать заплатить, то уповаю Ваше Сиятельство, и вы меня також и коллегия простите за дерзость, которую я сделал»*

В этом году капитан 2 ранга на выделенном фрегате «» со специалистами занимался промером глубин и исследованием фарватера для судов от Херсонесса до устьев Днепра и Буга. В июле проходя мимо Гаджибея он заметил стоящие там 2 линейных турецких корабля и фрегат. Об этом он сообщил в Севастополь. Контр-адмирал Макензи приказал капитану 1 ранга Панайоти Алексиано взять под командование в Севастопольской гавани 3 фрегата находящихся в полной боевой готовности и выйти крейсировать в море. Он так же определил этот отряд для охраны прохождения новых кораблей из Таганрога и Херсона. **Павел Васильевич Пустошкин** *Победа*

Письмо из архива РГИАВМФ.

На Днепре в июне был закончен корабль «». Достройку его вёл корабельный мастер по чертежам Александра Семёновича Катасонова. Три года он стоял на стапеле. Нужда заставила Потёмкина ускорить его достройку и проводку его в Глубокую пристань. Вот как пишет вице-адмирал Яков Филиппович Сухотин графу Ивану Чернышеву почему так долго проходил выход корабля: ». После переводки этого судна в Днепровский лиман к Кинбурну на нём ставились и оснащались мачты, выставлялись орудия и станки. Затем отведя корабль в глубокое место, на него приняли балласт, порох, пресную воду, продовольствие, которое доставлялось на транспортных лодках. Командиром на этот линейный корабль был назначен капитан 1 ранга . *Слава Екатерины* «...здешня проводка корабля как затруднительна, что на силу слишком в 2 месяца от постановления на камели мог отправить, но думаю, что сей первый опыт научит делать оное скорее. Прибытие корабля к Очакову турков весьма потревожило **Семён Иванович Афанасьев** **Марко Иванович Войнович**

В августе у адмирала Алексея Наумовича Синявина случилось горе. Его красавица дочка 23-летняя Екатерина родила внучку и заболела «», вирус которого она подхватила в сырой Венеции. Граф Воронцов писал брату: « Адмирал Синявин при таком известии сильно заболел и стал просить отставки у Императрицы. Екатерина Алексеевна разрешила ему «». Алексей Наумович, возложив заботы по уходу за своими младшими дочерьми на старшую 24-летнюю

Анастасию, и срочно уехал в Италию. *чахоткой Вы уже знаете о моём горе, но вы не можете даже представить, до какой степени я несчастен. Я был так счастлив, что завидовал сам себе. Сегодня моё существование ужасно. Три года безоблачного счастья прошли как один миг, и теперь моя будущая жизнь будет вечным страданием. Меня постигла судьба графа Григория Орлова. Замечательная женищина, лучший друг, бесподобный характер, всё это я потерял с моим ангелом Катериной Алексеевной! Сегодня одиннадцатый день моего ада. Уверен, что Бог позаботится о бедном Алексее Наумовиче и о его красавицах дочерях. Я умоляю Вас любовью, которая есть у Вас ко мне, чтобы Вы помогли этим бедным сиротам... Я уеду отсюда, как только у меня будут силы, и вернусь в Пизу, чтобы закончить свои дела. В настоящее время я не в состоянии ничего делать. Теперь все прошлые несчастья ничто по сравнению с тем, что произошло». годовой отпуск с содержанием*

новый 66-пушечный линейный корабль «» под управлением Войновича и фрегат «» с капитан-лейтенантом Перри прибыли в Севастополь в сопровождении отряда фрегатов Алексея. Став на рейде, корабль гулко палил из пушек, моряки радостно встречали его на Николаевском мысу. Пристав на шлюпке к берегу, Марко Иванович поднялся по каменной лестнице на площадку и торжественно рапортовал о прибытии командиру Севастопольского порта контр-адмиралу Фоме Макензи. Именно здесь впервые встретились лейтенант Дмитрий Сенявин и капитан Марко Войнович, который пожал ему руку. По прибытии корабля Макензи писал графу Чернышеву: . А вот как пишет в воспоминаниях Сенявин: . На самом деле корабль оказался только с виду красивым, после тщательного осмотра его в Севастополе, оказалось, что часть наборных элементов «». Теперь их надо перебрать и заменить, на что нужно много времени. Корабельный мастер отвечал, что это произошло из-за «». Вице-адмирал распорядился строящийся в Херсоне корабль » разобрать и сделать из него 50-пушечный фрегат. Командир этого фрегата 40-летний капитан 1 ранга в зиму проводил профилактические мероприятия по прекращению чумы в Херсонской гавани за что был награжден первым орденом «» 4 степени. **14 сентября 1784 года Яков Филиппович Сухотин Фёдор Фёдорович Ушаков Слава Екатерины Херсон** «...я истинно восхищен прибытием корабля, ибо судно сие в такой исправности, что лучше желать нельзя» «В начале 1784 года князь Потемкин-Таврический был назначен Главнокомандующим Черноморским флотом. Светлейший часто посещал Крым и Севастополь. Я всегда назначался к нему в ординарцы. Город Севастополь весною довольно уже образовался, все строения оштукатурены, выбелены, хорошо покрашены палевой или серой краской, крыши все черепичные, и все это вместе на покатости берега делало вид очень хороший. Самый лучший взгляд на Севастополь есть с северной стороны. В сентябре прибыл к нам из Херсона первый построенный там 70-пушечный корабль „Слава Екатерины“, под командой капитана 1 ранга графа Войновича» которые составляют крепость всего форштетня совсем сгнили долговременного бытия на стапеле «Св. Павел Св. Владимира

Корабль «Слава Екатерины». Художник С. Проценко

27 октября вице-адмирал Федот Алексеевич Клокачев на 51 году жизни скончался в Херсоне от чумы «». Он был похоронен в загородном овраге, ставшем братской могилой для многих погибших от этой болезни. Его хоронили «» – без людных проводов, траурных речей, ружейного салюта. В похоронах по этому обряду участвовали: сын покойного лейтенант А. Ф. Клокачев, капитан 1 ранга Фёдор Ушаков, слуга адмирала, флотский священник и два морских служителя. За один месяц в Херсоне умерло более 100 человек. Даже в Севастополе как не береглись умерших было 39 моряков за сентябрь. Он был похоронен в загородном овраге, ставшем братской могилой для многих погибших от этой болезни. *моровой язвы по чумному обряду*

В ноябре в Севастополь прибыл инженер-полковник для обследования городских земель. К нему командиром порта Макензи был прикомандирован Дмитрий Сенявин, который всё знал в Севастополе и в окрестностях. Инженером был разработан документ названный «» в который

входили чертежи и сметы. Корсаковым был подготовлен первый план системной застройки города, умные и дельные советы давал наш герой лейтенант Сенявин. Вот как пишет Корсаков в рапорте князю Потёмкину: **Николай Иванович Корсаков** *Краткая идея укрепления Севастопольского пристанища «...в Севастополе место под крепость наивыгоднейшее то, которое Ваша светлость сами в Вашу бытность назначить изволили. Оно прикосновенно к самому ходу в гавань, батарея или блокгауз на противной стороне пролива к нему всех ближе и оборонять с его можно Херсонесскую гавань, которую Вы для купеческих судов определить изволили. Сие место можно защитить от бомбардирования и во внутренности оного иметь для перетембирования обветшалых кораблей доки, так как и все главные магазины, вода в оное, хотя чрез удаленное разстояние, однако привести можно, а сверх сего, я не теряю надежды, чтоб и не оставить оную в самых градских стенах чрез колодецы. Где старой Херсонесс, тут может быть купеческой форштат, как для удобства выгрузки товаров, так довольствия в пресной воде».*

Наступил очередной год. Зима была щадящая и только в феврале внезапно нагрянули морозы до -8 градусов. Простояв неделю, они прекратились, но всё время продолжалось строительство города. В Севастополь прибыл новый генерал-губернатор и привёз известие, что его собирается посетить Императрица. Контр-адмирал Макензи докладывает Чернышёву: ». **1785** *«...делание здесь к прибытию Ее Императорского Величества пристаней и расчистку дорог произвожу. Дом, построенный для меня, его высокопревосходительство Михаил Васильевич Коховский приказал употребить к прибытию Ее Величества вместо дворца, который к сему и готовится».*

Рапорт капитана Мордвинова. Документ РГАВМФ.

Между Южной и Артиллерийской бухтами образовалась первая городская площадь (ныне это площадь Нахимова). От неё велось строительство домов вдоль дороги на Балаклаву. Контр-адмирал начал ремонтировать в бухте 44-пушечный фрегат №12 «», который совсем недавно был выпущен с Гнилотоновской верфи. Капитан -лейтенант всей своей командой построили приспособления, при помощи которых положили на бок фрегат. После обследования оказалось, что «». Скорее всего его уже собирали из гнилой древесины. В это время Макензи приказал отыскать деревья, годные для строения и починки судов. Вот как он пишет в письме Чернышеву: *Стрела набор фрегатский весь сгнил «...имею честь донести вашему сиятельству, что я сам, с корабельным подмастерьем, ездил в здешние горы, где растут оные деревья, и нахожу поблизости здешних мест, годные кнщицы для починки фрегатов; так же и для стандерсов и брештуков – висячия и лежачия кнщицы; а для гребных судов форштевни и набор, и на обшивку в доски кряжся. Так как мне здесь великая надобность состоит в баркасах, то намерен заложить два, чтоб могли во время нужды поднять становой якорь, так же и в случае надобности транспортировать людей с берега на суда, могли бы подымать до ста человек... отпущенные, при отправлении, на все суда кабельтовы и толстые тросы, по вводе в бухту этих судов, по неимению около берегов и по середине гавани палов, а к ним швартовов, употребляютя становой якоря с канатами на глубине, а кабельтовы и тросы завезены на берег и закреплены за каменья».* **Дмитрий Андреевич Доможиров**

Контр-адмирал Макензи в апреле для крейсерства отправляет из своей эскадры корабль «» под командованием капитан-лейтенанта Заостровского около Севастопольской гавани, шхуну «» с лейтенантом Селиверстовым к Козлову. В Феодосию шхуну «» с лейтенантом Борисовым. В Еникале в пролив был поставлен бот «В это же время в Херсоне спустили на воду корабль «» под командой капитана 1 ранга Фёдора Ушакова. Его на камелях перевели через мелководье и спустили в лиман «». 25 мая на него была поставлена «», загрузили балласт и вывели в Чёрное море. *Хотин Победослав Дунайский Измаил Новопавловск». Святой Павел между Станиславом и Глубокой пристанью последняя бизань-мачта*

В июле из Севастополя вышла в практическое крейсерство эскадра, состоявшая из отремонтированного линейного корабля «» и 6 фрегатов, под командованием капитана 1-го ранга Марко Войновича. Эта эскадра прошла вокруг берегов Крыма, от Кафы до Хаджибея и обратно, и начале августа возвратилась на севастопольский рейд. *Слава Екатерины*

В августе князь Г.А Потёмкин пишет Императрице о строительстве в Крыму: «». РГАДА. Ф. 16. Д. 799 (Ч.1). Л. 89—90 об. *Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описание и сметы у сего прилагаются. Есть ли Вашему императорскому величеству угодно сие место укрепить и выстроить сходственно с его знаменитостию, то оно должно быть таковое. Ежели ли ж выстроить только одно Адмиралтейство без укреплений, в таковом случае сумма потребуеться меньшая*

Государыня Екатерина II утвердила проект генерал-губернатора Потемкина о необходимости . Она отметила важность превращения Севастополя в . Согласно первому официально установленному штату, подготовленному Григорием Потемкиным и утвержденному Императрицей, в составе Черноморского флота полагалось иметь 12 линейных кораблей, 20 фрегатов, 5 шхун и 23 других более мелких судна с общей численностью только морских служителей в 13 500 человек. Специальным Императорским указом генерал-губернатор Потемкин произведен в ранг неограниченного начальника над Черноморским флотом с правами производства в чины до капитана 2 ранга включительно. *«укрепления Севастопольского пристанища» «крепость чрезвычайной силы»*

Фрагмент письма Потёмкина-Екатерине. Документ РГАДА.

1 сентября в Севастополь прибывает 50-пушечный корабль «» под командой капитана 1 ранга Фёдора Ушакова. Не осталось никаких сведений о заходе этого корабля в гавань. Всё прошло буднично, потому что корабли Севастопольской эскадры только что возвратились из плавания и стояли на якорях, а команды занимались разоружением судов. Ушаков остановил свой корабль у входа в Южную бухту. Контр-адмирал Макензи приказал своему адъютанту лейтенанту Сенявину готовить катер. Они прибыли к новому фрегату и поднялись по трапу. Капитан 1 ранга Ушаков отдал честь и передал написанный рапорт. Макензи был немного не доволен поведением капитана-героя «». Это немного пренебрежительное отношение к старшему по званию увидел при первой встрече и Дмитрий Сенявин. Между ними как мы видим по всей жизни пролегла какая-то неприязнь. По уставу Ушаков должен был лично прибыть на берег для доклада командиру порта. *Святой Павел укротителя чумы в Херсоне*

В Херсоне летом были спущены на воду два новых корабля это 66-пушечный линейный корабль «» (командир, капитан 1 ранга Вениамин (Тиамин) Тиздель) и 54-пушечный фрегат « (капитан 1 ранга Петр Петрович Клавер). Эти корабли строил корабельный мастер бригадирского ранга . *Мария Магдалина Св. Георгий Победоносец» Семён Иванович Афанасьев*

Контр-адмирал Макензи на должности командира порта из-за слабого контроля сверху постепенно расслабился и становился разгульным человеком. Князь Григорий Потёмкин инспектирующий Севастополь остался довольным строительством порта и городом. Адъютант вице-адмирала Сенявин во всём старался хвалить своего руководителя. После отъезда Потёмкина лейтенант Дмитрий Сенявин часто в ущерб государственным делам вынужден был сопровождать своего начальника на разные выезды к частным лицам Крыма. Вот как он описал одно из застолий: . *«...случились в Георгиевском монастыре похороны супруги графа В. В. Каховского. Граф, не желая иметь из посторонних никого участником горести своей, он никого и не просил на похороны, но адмирал мой, узнав только о том, тотчас в коляску, меня посадил с собою, и мы прискакали к самому времени погребения. От начала и до конца печальной сей церемонии адмирал горько плакал, потом всех, кто тут случился, просил к себе обедать. Граф отказался, а отец Дорюфей, архиепископ Таврический, охотно приехал и еще несколько других чиновников. Сели за стол, певчие пели самые умильные концерты, а музыка играла подобно им самые трогательные шутки. До половины обеда все были в глубоком молчании,*

а если и начинали говорить, то не иначе как с сердечным вздохом и весьма тихо. Между тем вино наливалось в рюмки безостановочно, и под конец обеда заговорили все громко, шуточно и даже с хохотом, встали из-за стола, готовы уже были и потанцевать. Адмирал при поцелуе руки у владыки Дорощея благодарил за посещение и просил позволения спеть певчим песенку. Владыко при тяжком вздохе благословил певчих и сказал адмиралу: «И вправду, ваше превосходительство, не все же горе проплакать и протужить, скоро ли, коротко, и мы отправимся вслед за покойницей. Певчие запели отборные сладострастные малороссийские песни, музыка загремела, и пошла потеха. После кофе и ликеров адмирал весьма вежливо спросил отца Дорощея, не противно ли будет, если сегодняшней вечер посетят дамы и танцевать. Благодетельский отец отвечал, что ему весьма приятно будет видеть дам и девиц, забавляющихся весело и приятно. Посмотрите теперь на эти проказы: поутру – плач, а ввечеру – бал. Не правда ли, что адмирал наш был весельчак и проказник»

Осенью, когда в Севастополе объявилась ревизия, посланная Потемкиным, к тому времени являвшимся главнокомандующим Черноморского флота. Контр-адмирал Фома Макензи сказался больным и устранился от проверки уехав в свой хутор на горах. Вся работа с проверяющими легла на плечи Дмитрия Сенявина. Государственная ревизия обнаружила крупные недостатки, и высочайшим повелением «» должен был привлечен к ответственности «». Всего на год для строительства и содержание порта было выделено «» очень большие деньги на то время. Пока не было ещё никакого решения он оставался на должности. *главный командир за неправильное расходование казенных сумм 607 049 рубля 20 копеек*

Автограф Потёмкина из письма Екатерине. Документ РГАДА.

В ноябре вице-адмиралу Якову Сухотину в Херсоне пришла почта из столицы с наградами. Он пересылает с нарочным офицером орден «» 4 степени в Севастополь капитану 1 ранга Фёдорову Ушакову «». *Св. Владимира за успешную борьбу с чумой*

17 ноября 1785 года 66-пушечный линейный корабль «» и 54-пушечный фрегат «пришли из Херсона На этих кораблях вместе с экипажем прибыли семьи командиров Тизделя и Клавера. Вот как позже вспоминал Вениамин Тиздель: «Свой корабль капитан 1 ранга Тиздель поставил в бухте на Северной стороне, там же начал строить казармы и дом. Его жена Сарра с маленьким сыном так же переехала в дом контр-адмирала, но вскоре малыш умер от простуды. Строительство города и порта продолжалось. Возникли на окраинах матросские поселения такие как слобода Корабельная, Артиллерийская, Карантинная. На возведенных береговых батареях и на мысах в земляных укреплениях солдатами пехотных частей было установлено 53 орудия. *Мария Магдалина Св. Георгий Победоносец*». *В новостроющемся городе Севастополь не было для нас квартир, а потому до декабря мне пришлось жить на корабле с семейством, что признаюсь не совсем удобно, и так как погоды стояли очень холодные, то 6 декабря я переехал в маленький собственный домик адмирала Макензи за 10 рублей в месяц, что, как он сам говорил, сделал только для земляка. Он посоветовал мне строить дом, и для того приказал моим людям колоть и носить камень».*

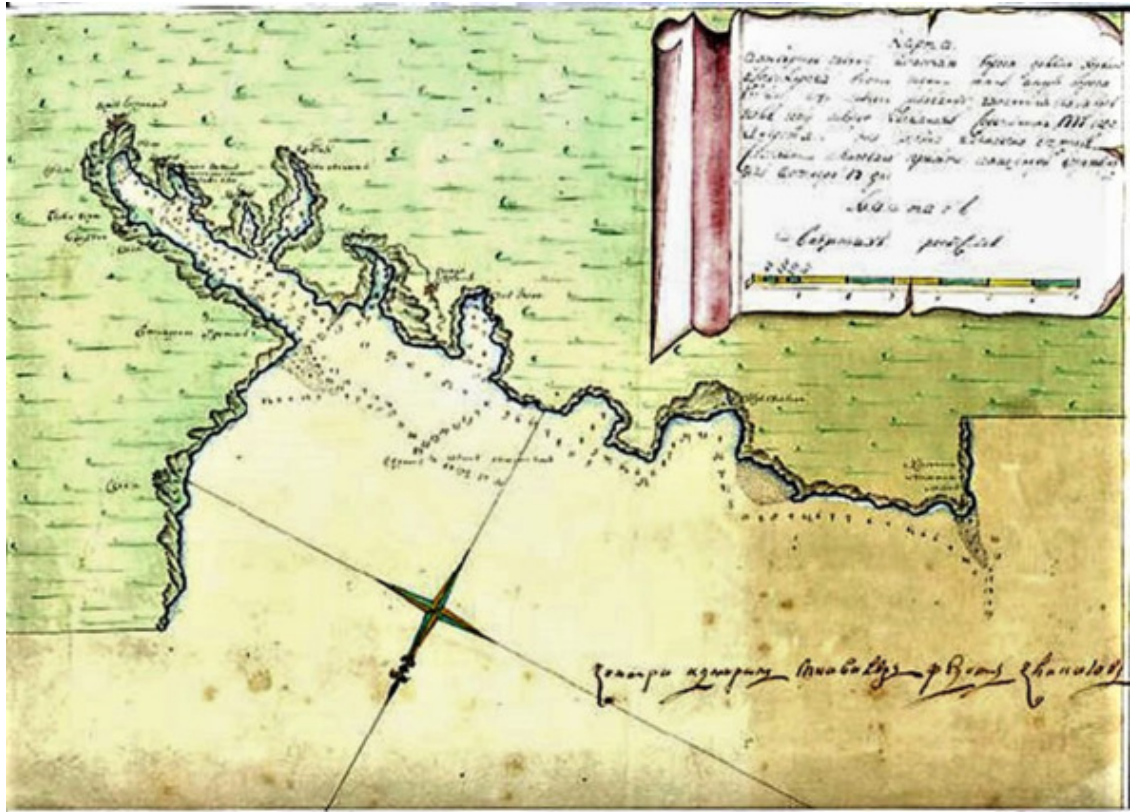
В Херсоне произошли изменения. Вице-адмирал Яков Сухотин справился с чумой, построил корабли и просил Потёмкина отпустить его лечиться в Санкт-Петербург. На его место назначили капитана 1 ранга Николая Семёновича Мордвинова главным командиром Черноморского флота, именовавшимся в тот период старшим членом Черноморского Адмиралтейского правления.

Наступила зима и дел по флотской части стало меньше. Контр-адмирал Фома Фомич Макензи, подводя итоги прожитого года решил созвать всех капитанов в своём большом доме в Южной бухте для встречи Нового года. Вот как вспоминал конец и начало нового Дмитрий Сенявин: «...31-го декабря, во весь день было веселье у адмирала Макензи. После роскошного обеда – прямо за карты и за танцы; все были действующие, зрителей никого, и кто как желал, тот так и забавлялся. За полчаса пред полночью позвали к ужину; в послед-

ною минуту, пред новым годом, рюмки все налиты шампанским, бьет двенадцать часов; все встали, поздравляют адмирала и друг друга с Новым годом; но адмирал наш – ни слова; тихо спустился на стул, поставил рюмку, потупил глаза в тарелку и крепко задумался. Сначала всем показалось, что он выдумывает какойнибудь хороший тост задать; а после скоро заметили, что пот на лице его выступил, как говорится, градом; все начали его спрашивать, что вам сделалось, что вам случилось? Адмирал, сильно вздохнув, сказал; „мне нынешний год умереть, 13 нас сидит за столом“. Тут все пустились уверять его, что эти приметы самые пустые; все рассказывали, что со всяким это случалось по нескольку раз, и все остались не только живы, но и здоровы; наконец, адмирал заключил, что умереть надобно, необходимо, но надобно также и рюмку свою выпить, благодарил всех и всех поздравил с Новым годом и рюмку свою выпил начисто, как бывало с ним всегда. Встали из-за стола, принимались веселиться, да как-то все не клеилось. Адмирал мой сделался очень скучен, однако, не оставил, между тем, чтобы не нарядить себя в женское платье и представить старую англичанку, танцующую менуэт; это была любимая его забава, когда бывал он весел. Скоро все с бала разошлись (потому разошлись, что тогда во всем Севастополе было всех экипажей одна адмиральская коляска, да корабельного мастера одне дрожки, на столбиках, которые в Москве называются войлочки). На другой день адмирал был очень скучен; вечером только у графа Войновича несколько развеселился, остальные святочные вечера проводили довольно весело и так весело, что адмирал мой забыл было, что недавно ужинал сам-тринадцатым. Как вдруг, 7-го числа, на вечере, адмирал занемог, а 10-го, поутру, скончался; мне сердечно было его жаль».

А вот как про смерть Макензи вспоминал капитан Тиздель: «. Контр-адмирал Ф. Ф. Макензи, обвинённый столичными чиновниками в неправильном расходовании казённых сумм, своими внутренними переживаниями (которые никому не показывал) преждевременно подорвал здоровье и умер от сердечного приступа. Похоронили его в Севастополе. ... этот добрый человек имел несчастную страсть и, в наступившие праздники Рождества, как-то особенно много пил; 6 января слег в постель и много раз выражал желание сделать духовное завещание, причем выбрал меня в душеприказчики, но не успел исполнить своего желания, умер 12 января. За неимением священника я читал над ним отпевальные молитвы, а в церемонии был маршалом. Процессию дирижировал Марко Иванович Войнович»

76

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
императрица и самодержица

ВСЕРОССИЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Въ прошлую съ Портою Оштоманскою войну, когда силы и побѣды оружія НАШЕГО давали НАМЪ полное право оставить въ пользу НАШУ Крымъ въ рукахъ НАШИХЪ бывший; МЫ симъ и другими широкими завѣщаніями жертвовали тогда возобновленію добраго согласія и дружбы съ Портою Оштоманскою, пробразивъ на томъ концѣ народы Татарскіе въ область вольную и независимую, чшобъ удалитъ на всегда случаи и способы къ разрывъ и осудѣ произходившимъ часто между Россією и Портою въ прежнемъ Татарѣ сошюліи.

Не достигая МЫ однакожъ въ предѣлахъ той части Имперіи НАШЕЙ тишины и безопасности, кои должисшвовали бытъ плодами сего пошпановленія. Татара прсклоняся на чужія виушенія, шобъ часъ спали дѣйсшвовать вопреки советшскому благу ошъ НАСЪ имъ дшрошанному. Избранныи ими въ шаковой перемѣнѣ бшштя ихъ самовластныи Ханъ былъ вышшснш изъ мѣста и ошчвынш пришлецѣмъ, который гопшислш возвршшть ихъ подъ иго прешяго господства. Чашъ изъ нихъ слѣшо къ нему прилшвилась, другая не была въ силахъ прешшвуборшшвовать. Въ шшковыхъ обстоятельштвахъ принужденн МЫ были для сохршненія цѣлосшн злшнія НАМИ воздшгнушаго одного изъ лучшихъ НАШИХЪ ошъ войны пршобршшенія, пршншть благонамѣренныхъ Татарѣ въ НАШЕ покровительштво, дшсшавитъ имъ свободу избранъ себѣ на мѣсто Сагшбъ-Гиря другаго законнаго Хана, и ушшновшть его правленіе: для сего нужно было пршссшть военныи силы НАШИ въ движене, ошрдшть изъ нихъ въ самое суровое время зншпный корпусъ въ Крымъ, содержшть его тамъ долго, и на концѣ дѣйсшвовать пршщью мянежниковъ силою оружія; ошъ чего слва не возгорѣлась съ Портою Ошшманскою новая война, какъ шш у всѣхъ въ свѣжей памяти. Благодарене Всевышнему, миновала шогда сія гроза пршзнаніемъ со стороны Порты законнаго и самовластнаго Хана въ лицѣ Шагшбъ-Гиря. Пршзведеше сего перелома обошлось Имперіи НАШЕЙ не дешшо; но МЫ покрайней мѣрѣ чаяли, что оное наградштся будущю ошъ сосѣдства безопасшю. Время да и короткое воспрекословило однакожъ на двѣ сему предположенію. Поднявшшся въ прошломъ году новый мяшежъ, кшго истшнныи начала ошъ НАСЪ не скрыты, пршудилъ насъ опяшь къ полному вооруженію и къ новому ошряду войскъ НАШИХъ въ Крымъ и на Кубанскую сторону, кои тамъ до нынѣ осшшются; ибо безъ нихъ не могли бы суцшсшвовашъ миръ,
шшшшш

56. Письмо капитана Алексіано графу Чернышеву, изъ Севастополя, 1784 года іюля 30 (²).

Имѣю честь донести, что я получилъ повелѣніе отъ контръ-адмирала Макензи идти съ эскадрою въ море для экзерциціи, то нынче оно изготовлено, потомъ пойдѣмъ встрѣчать корабль *Слава Екатерины*, который слышно скоро отправится изъ херсонскаго порта.

Во свѣтлости

37 51

Высокопочтеннѣйшему Государю Генералъ фельдмаршалу,
Сенатору, Государственной Общной Коллегіи Президенту,
Святѣйшему и тѣхвинскому Генералъ Экспедитору,
Главно-командующему флотами на Черномъ и Каспійскомъ
и Искіанскомъ моряхъ и раднѣхъ Орденовъ Кавалеру
Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ!

флота отъ капитана Перваго ранга Мордвинова

Разговоръ

По повелѣнію Вашей свѣтлости, сообщилъ я Государю
Полковнику и Капитану Карсанову о Эдмундахъ потребныхъ
для заведенія верфи въ Севастополь, съ ихъ раздѣле-
ніями. По недостаточному пространству мѣста
раздѣлилъ я оныя, но необходимо нѣмнѣе бытъ въ
адмиралтействѣ и дрѣвіе могущіе бытъ въ
ростѣхъ оныхъ и мнѣхъ гестѣхъ представитѣхъ
Вашей свѣтлости. *Генералъ Экспедиторъ Перваго ранга Мордвиновъ*

оурагоныхъ
мнѣхъ върѣхъ. *Составленъ 20 2го
сентября 1790 года*
-Еще *указъ* *Генералъ Экспедиторъ*
Пензенскій *Поставленъ* *убавленъ*
Севастопольскій *анъ* *когда* *рослинъ* *субъ*
москвы, а *Арханъ* *Адмиралтейской*
забуду *составленъ* *Поставленъ*
мнѣхъ *Генералъ Экспедиторъ*. *Генералъ Экспедиторъ*
составленъ *Генералъ Экспедиторъ*

2. Лейтенант Сенявин адъютант начальника Севастопольской эскадры Марко Войновича. Императрица в Севастополе. Буря у мыса Калиакрия. Битва в Днепровском лимане. Бой около Фидониси. Крейсерство у берегов Анатолии

В январе году командиром Севастопольской эскадры был назначен капитан 1 ранга Марко Иванович Войнович. Эта эскадра состояла из следующих судов, которые помещались в Севастопольской бухте: 66 пушечные трехмачтовые двухдечные линейные корабли: под командой Марко Войновича — Федор Ушаков, Тиамин Тиздель. В её составе были различные фрегатов от 40 до 12 пушек общим числом двенадцать — капитан Яков Саблин — Роберт Вильсон, — Иван Берсенев, Фома Прокофьев, Алексей Тверетинов, Дмитрий Доможиров, Петр Овсянников, Панайоти Алексиано — Иван Кусаков, Михаил Обольянинов, — Федор Заостровский — Иван Палицын. Так же было 3 шхуны, 1 шхунара, 4 бота (на «» лейтенант Дмитрий Сенявин), 2 пинка, 1 яхта, итого 27 военных судов с 860 орудиями и около 5000 моряков в число которых входили переселившиеся в Крым греки. На флот поступили прошедшие обучение молодые мичманы «». В новом городе уже было возведено порядка 50 строений. На оконечности западного мыса была построена пристань из тесанного камня, недалеко находился и дом адмирала. Там же чуть дальше начал строить дом капитан 1 ранга Тиздель. Вот как он вспоминал 1786 «*Слава Екатерины*» - , «*Святой Павел*» , «*Мария Магдалина*» - . : «*Св. Георгий*» , «*Св. Андрей*» «*Осторожный*» , «*Поспешный*» - «*Крым*» - , «*Стрела*» - , «*Победа*» - «*Перун*» — , «*Легкий*» , «*Скорый*» - «*Вестник*» , «*Почтальон*» . *Карабуте Егор Карно, Дмитрий Альвениоти, Егор Журжа, Фому Влаханги, Баптиста Драко, Ефима Куцукка* : «... новый наш главный начальник капитан Войнович предложил мне построить большой дом и обещал содействовать чем только может, дал место и 28 февраля я заложил дом в 70 футов и 40 ширины; к 1 мая начал стлать крышу. Тогда же мне случилось дешево купить (за 185 рублей) маленький каменный домик; я перебрался туда из дома Макензи».

Лейтенант Дмитрий Сенявин хоть и выполнял работу адъютанта, но постоянно просил у Войновича дать в его управление небольшое судно и в итоге был назначен командиром на почтовый бот. Этому поспособствовал сам Григорий Потёмкин, указав Марко Ивановичу «». Вот как он описывает эти события сам Дмитрий: «Обратно Сенявин вдоль западного берега Чёрного моря вернулся в Херсон мимо турецкого Болгара, острова Змеиный и Тендра. Секретный пакет был передан в руки капитану 1 ранга Николаю Мордвинову и далее фельдъегерской службой доставлен Потёмкину. Это был первый случай удачного плавания молодого 23-летнего лейтенанта Сенявина в лице капитана судна. Он так же доложил, что у турок готовятся к выходу в море 5 военных кораблей. «...перепоручи своего флаг-офицера на пассаж-бот. Посланник наш Яков Иванович просил надёжного офицера отыскать «Весной я заболел лихорадкой. Всякое старание лекарей было мне бесполезно. Граф Войнович, сделавшийся к тому времени главным командиром флота, искренне заботился о моем здоровье и назначил меня командиром 12-пушечного пассаж-бота (Карабут), которое непрерывно ходило к Константинополю с депешами к посланнику, предполагая, что с переменою климата лихорадка меня оставит. Я скоро пришел в Константинополь и представил себя посланнику Я. И. Булгакову и обедал у него. За столом случился доктор Жароти (славился в Константинополе). Подавали макароны, приготовленные на сливках в паштете. Мне они очень показались, и я наложил себе полную тарелку и даже с верхом. Посланник заметил и сказал: „Как вы думаете, доктор, хорошо ли лихорадочному кушать эти макароны и такую же огромную порцию“?

Доктор Жароти, как итальянец, прежде сделал приличную ужимку, а потом отвечал, что если такую порцию скушает здоровый, то непременно приключится ему лихорадка и даром никак это не пройдет. Однако после этой порции лихорадка меня оставила и с тех самых пор как будто никогда ее и не было».

В Кронштадте Императрица приказала в этом году приготовить 15 кораблей и 6 фрегатов. Они учили команды крейсируя между Дагерордом и Готландом. Из Архангельска в Кронштадт вышла эскадра контр-адмирала Спиридова в составе 2 кораблей и 3 фрегатов. «...отправить в море эскадру под начальством вице-адмирала фон-Круза и с ним контр-адмиралов Козлянинова и Повалишина»

Князь Григорий Потёмкин приказывает в Херсонском адмиралтействе начать строительство двухдечного 100-пушечного линейного корабля по чертежу мастера Афанасьева. Там же на воду спустили 66-пушечный корабль «», которым командовал капитан 2-го ранга Дмитрий Доможиров. Новые строящиеся корабли на верфях Империи в подводной части стали обшивать медными листами «». Вечером 22 сентября корабль «» вышел в открытое море и взял курс на Севастополь. На другой день корабль прошел мимо мыса Хаджибей. Разразившаяся буря с сильным ветром возле Крыма погнала корабль на берег. На малой скорости 5 узлов новопостроенный «» разбился на рифе возле мыса Тарханкут оконечности западного Крыма. Спаслись почти все. Гражданские люди и офицеры разместились в трех шлюпках. Остальные матросы, которым не досталось места, добирались вплавь до пустынного берега. По результатам расследования, Адмиралтейская комиссия признала виновными капитана Доможирова и лейтенанта Юрьева. Их лишили всех званий и приговорили к работам на галерах. Через полгода причиной кораблекрушения признают «», Доможирова восстановили в его правах, но командовать кораблем ему больше не доверяют. *Александр крепления производит медными боутами, рулевые крючья и петли, гвозди и прочия вещи так же делать медные Александр Александр неизвестные и переменные течения*

В конце года в Севастополь прибывает генерал-губернатор Таврической губернии князь Григорий Александрович Потёмкин. Он сообщает Войновичу и Мордвинову, что Императрица собирается посетить Южную армию и Черноморский флот. Вот как об этой встрече писал капитан Тиамин Тиздель: «...20 декабря я перебрался в свой отстроенный большой дом, и так как то был день рождения моей жены, то по этому случаю у меня был бал. Вечером ко мне приехал князь Потемкин, осматривал устройство гавани и адмиралтейства. Войнович в присутствии капитанов Мордвинова и Алексиано, предложил мне продать в казну мой большой дом и сам оценил его в 2500 рублей, и о покупке этой он просил Потемкина; но князь позволил ему (Войновичу) жить в доме назначенном для адмиралов, и после того о покупке моего дома не было речи. Потемкин, уезжая объявил нам, что весною Императрица намеревается предпринять путешествие в Крым».

Наступил очередной и значимый год в истории Российской империи и в жизни лейтенанта Дмитрия Сенявина. Контр-адмирал Марко Войнович командир порта докладывает Григорию Потемкину о нехватке пресной воды в городе и на судах: «». Потёмкин пообещал найти денежные средства для проводки в Севастополь воды из горных источников. Почти с начала марта все корабли Севастопольской эскадры начали готовить для смотра Императрицы. **1787** *крайняя надобность провесть текущую воду в Севастополь, как для обывателей онаго; а еще нужнее если случится скорое флоту вооружение, то источник пресной воды у берега значительно ускорит его готовность к исправному выходу в море*

В Оттоманской империи происходили различные перемены. Григорий Потемкин различными мерами и способами пытался тушить разгорающееся «». Действительный статский советник и дипломат, и чрезвычайный посланник в Константинополе всегда стремился вести дела так «». Именно он склонил Порту заключить с Россией торговое соглашение, а затем подписать акт об уступке Крыма, Тамани и земель на Кубани. У Булгакова были куплены много

осведомителей в Константинополе и многие иностранные послы. Оттоманская порта, конечно, не могла примериться с потерей части своих земель, и подстрекаемая французским правительством не теряла надежды при новой войне с Россией вернуть их себе назад. *пламя новой войны чтоб сам султан дрожал от имени русскаго* **Яков Иванович Булгаков**

Государыня-Императрица Екатерина Алексеевна, встретив Новый год 2 января выехала из Петербурга в Царское село. Через неделю собрав все кареты и людей тронулась в путь по старой Смоленской дороге. Весь этот поезд состоял из 14 карет и более 160 саней с кибитками. В составе был почти весь двор, иностранные послы и придворная прислуга. Карета императрицы имела внушительные размеры и «». *вмешала гостиную на 8 человек, малую библиотеку, кабинет, карточный стол и все удобства; запряжена была 30 лошадыми. Помимо того, Екатерине II предназначались шестиместная и четырехместная кареты, а также почивальный возок*

Большого труда и сил стоило Григорию Потёмкину организовать встречу этого каравана на каждой почтовой станции. Где были приготовлены до 500 свежих лошадей на каждом пункте. Вся дорога освещалась в темное время суток, стояли специальные люди с факелами и во многих местах установлены фонари и километровые столбы, откуда и пошел термин «». В пути этот грандиозный караван встречали генерал-губернаторы различных наместничеств верхом на лошадях с хорошо одетой свитой и провожали до своих границ. В местах ночевки улицы и здания «», сотни конных с факелами стояли у въезда в городки. *столбовая дорога прекрасно были иллюминированы*

В конце апреля в Ахтиарской гавани весь флот уже стоял на рейде, выстроившийся в линию. Навешивались новые реи и паруса, чистились до белизны палубы, выставлялись очищенные пушки. Императрица к тому времени находилась в Каневе, где к ней приехал польский король Станислав Август.

Дмитрий Сенявин в начале года получил очередное звание , так как командовал в прошлом году кораблём. Вот как он описывает то время: ». **капитан-лейтенант** «...я был произведен в капитан-лейтенанты. Граф Войнович послал меня с важными депешами к Светлейшему. По приезде в Кременчуг тут была уже Императрица. Князь приказал мне отдохнуть, это было под вечер, когда дворянство делало великолепный бал в галерее, нарочно построенной. Я был тогда молод, здоров и, несмотря на то, что два дня проскакал 300 верст верхом по летучей казачьей почте и столько же верст на перекладных, рассудил, что высплюсь обратной дорогой, а теперь лучше останусь во дворце позевать; на бале не мог быть, потому что не было со мною из платья ничего, кроме дорожного

На всем протяжении пути императрицу сопровождали многочисленная свита и дипломаты многих европейских государств, специально приглашенные для демонстрации успехов в заселении Новороссийского края и Крыма. Английский посол Элейн Фитцгерберт, французский посланник Луи Филипп де Сегюр, австрийский посланник Иоганн Людвиг фон Кобенцель, принц Карл Генрих Никола Нассау-Зиген, принц Шарль де Линь – вот далеко не полный перечень официальных лиц, участвовавших в этом политическом рандеву.

Екатерина на Днепре. Худ. Жан Богуми Плерс

В Киеве куда прибыл императорский эскорт, Екатерина II, сопровождавшая ее свита и гости перешли на галеры, совершив на них плавание по Днепру до Новых Кондаков. Гребная эскадра была под командой капитан-лейтенанта в составе: «». Галера императрицы называлась «» под управлением капитана-лейтенанта Ивана Пуцина. Находившиеся на ней офицеры и их ближайшие помощники были в основном греки, прибывшие из Таганрога, Керчи и Севастополя. По завершении плавания каждый из офицеров, «», был «». В числе счастливых обладателей такого ценного подарка были мичманы Фёдор Лелли, Константин Константинов, Христос Клапакис, лейтенант Иван Поскочин, капитан-лейтенант Алексей Нелединский, Павел и Иван Шостак и другие офицеры. **Христиана фон дер Остен-Сакена галер 12-баночных две, 10-**

баночных пять, один треишоут, три водовика, 2 кухонных, два гофмаршальских, два итал-мейстерских, один госпитальный. На судах состояло команд общей численностью 1608 человек Днепр сопровождавший его императорское величество в плавании по реке Днепру высочайше пожалован золотыми часами

Кандидат исторических наук Игорь Валентинович Мосхури в своей книге «» пишет: «. Более подробнее о путешествии Императрицы можно прочитать в моей ранее вышедшей книге «Синявин» про адмирала Алексея Наумовича Синявина. Греки в истории Севастополя В Херсоне к путешествующим присоединился главный союзник по «Греческому проекту», австрийский император, приехавший в Российскую Империю под именем графа Фалькенштейна. Инкогнито монарха ни для кого не являлось тайной. Его тепло приняли: личное присутствие Иосифа II символически скрепляло антитурецкий союз Австрии и России в глазах иностранных послов и гостей. Не прерывая встречи, августейшие особы, а за ними гости, и свита проехали под аркой с надписью на греческом языке: «*Διαδρομή στην Κωνσταντινούπολη*» Путь в Константинополь» **Иосиф II**

Командир Херсонского порта капитан 1 ранга и корабельный мастер работали при строительстве кораблей круглыми сутками и к приезду Императрицы приготовили к спуску 80-пушечный линкор «», 66-пушечный «» и 50-пушечный фрегат ». Между двух фрегатов было построена специальная галерея с **Николай Мордвинов Семён Афанасьев Иосиф II Святой Владимир** «Александр «двумя покоями, в первом был накрыт стол с великолепным завтраком, во втором находился большой диван в турецком стиле и трон с балдахином. Берега Днепра были покрыты несметной толпой. Около полудня был подан сигнал и первый корабль поплыл при громе артиллерийских орудий и криках всех зрителей... Позже в галереи она допустила к своей руке начальников адмиралтейства и строителя, которому следует с каждой пушки по 3 рубля, которые ему и были вручены на большом серебряном блюде».

16 мая Императрица, подъезжая к Перекопу подписывает указ о присвоении новых званий морским офицерам. Войновичу и Мордвинову было пожаловано звание контр-адмирал, Ушакову и Алексиано звания капитанов бригадирского ранга. Перед перешейком в верховье реки Каланчак после Каменного моста Императрицу встретили 3500 конных Донских казаков под руководством генерал-поручика и Атамана Войска Донского. Они сопровождали Императрицу до места ночлега, показывая ей свою удаль и различные приемы при движении на конях. При постановке на ночлег донские казаки представили конную атаку «». **Алексея Ивановича Иловайского** *сильный удар на неприятеля*

Капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин, работавший в это время в качестве специального посланника между Войновичем и Потёмкиным, привёз письмо проскакав на лошадях более 300 вёрст вернулся в Севастополь.

22 мая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна со всеми гостями ближе к обеду прибыла к специальному павильону, построенном для неё на Инкерманских высотах. Здесь для знатных особ был накрыт обед. В начале обеда под звуки музыки, против Екатерины было большое пространство, задрапированное тканью и затем после снятия занавеса перед всеми, открылась перспектива Севастопольского рейда. Море бесконечным щитом облегло роскошный вид холмов, между которыми к широкому подножию павильона раскинулся длинный залив и рейд. По всему заливу тянулась линия из 29 русских военных судов. Над главным линейным кораблем поднялся «» и с обоих бортов кораблей началась пушечная стрельба, что произвело неизгладимое впечатление на присутствующих. Дым от канонады расстилался в обе стороны и затянул всю гавань. Вот цитата из воспоминаний австрийского генерала Нассау-Зигена: «*кейзер-флаг главнокомандующего В ту минуту, как эскадра салатовала, государыня встала и пила за здоровье австрийского императора Иосифа, сказав: „Надобно выпить за здоровье моего лучшего друга“.* Она была как нельзя более довольна видеть свои морские военные силы

в этих водах. Когда императрица встала из-за стола, я очутился возле нея и сказал, что я так тронут всем виденным, что я поцеловал бы ей руку, ежели бы я мог на это осмелиться».

Капитан-лейтенант Сенявин находился при катере, который должен был везти Государыню вдоль кораблей Севастопольской эскадры. Вот как он пишет: Когда катер со штандартом поравнялся в флагманском кораблём «» все суда произвели по 31 выстрелу. Государыня вышла на берег на каменной пристани и прошла в приготовленный ей адмиральский дом. У пристани её встречали сухопутные войска, адмиралтейские команды и народ. В этом адмиральском доме она изволила «». Второй раз капитан Дмитрий Сенявин приложился к руке Императрицы. Он постоянно находился между своими начальниками Войновичем и Потёмкиным. Последний периодически давал тихие устные указания, которые через Сенявина тут же выполнялись. Гости и свита были распределены по ближайшим домам. Для придворной прислуги были поставлены палатки. Вечером все здания Севастополя и гавань были иллюминированы. «...при вступлении на катер Императрица, милостиво приветствуя людей, сказала: „Здравствуйте, друзья мои“. Гребцы разом ответили: „Здравствуйте, Матушка Царица наша“. Потом ей угодно было сказать: „Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!“. Тут, загребной матрос Жаров (который был после лучший ихпер во флоте) ответил ей: „От евдакой Матушки Царицы чего не может статься“. Государыня, обратясь к графу Войновичу, сказала по-французски, с большим, как показалось, удовольствием: „Какие ораторы твои матросы“. Гребцы были подобраны молодец к молодцу, росту не менее десяти вершков, прекрасные лицом. На правой стороне все были блондины, на левой-брюнеты. Одежда их была: оранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки в башмаках, тонкие полотняные рубашки, галстук тафтяной, пышно завязанный, а когда люди гребли, тогда узел галстука с концами был закинут на спину, фуфайка оранжевого тонкого сукна выложена узорами черного инура, шляпа круглая, с широким галуном с кистями и с султаном страусовых перьев. Катер блестел от позолоты и лака. На флоте люди поставлены были на реях в летних платьях, фуфайках и широких белых брюках, шелковых галстуках, кушаки были разных цветов по кораблям на подобие лент георгиевских и владимирских». Слава Екатерины жаловать к руке Черноморского флота контр-адмирала графа Войновича, капитанов бригадирского чина Алексиано и Ушакова, капитана 1 ранга Тизделя и прочих морских штаб и обер-офицеров

На другой день Императрица и граф Фалькенштейн слушали литургию в каменной Севастопольской церкви Святого Чудотворца Николая. Императорское место в церкви, на правой стороне, было убрано алым бархатом с золотым широким позументом и бахромой; а возвышенный пол был покрыт темно-зеленым сукном. При колокольном звоне Государыня вошла в здание и в притворе была встречена духовенством, с крестом и святой водой. В память своего пребывания Императрица оставила в церкви букет шелковых редких цветов, полученных от посланника Мальтийского. По возвращении Екатерины во Дворец были ей представлены и «». допущены к руке Бригадириша Мария Алексиано, жена капитана 1 ранга Сарра Тиздель и прочие дамы штаб и обер-офицеров флота Черноморскаго

После обеда Императрица Екатерина с Императором Иосифом и некоторыми особами своей свиты посетили линкор «». На корабле их встретил князь Григорий Потемкин и рапортовал о благополучии Черноморского флота, после чего был поднят штандарт и с флота был вторичный салют. Государыня, осматривая корабль, прошла по всем батареям. Бригадир Панайоти Алексиано показывал гостям новые медные пушки, такелаж, паруса и рассказал всем, как управляется корабль. Позже Екатерина с «» осмотрела фрегат «», которому «». Слава Екатерины юта Легкий перед Ее приездом на флагманский корабль, как стоявшему на ветре флота, велено было сняться с якоря, что в скором времени он и исполнил. Фрегат под всеми парусами резал корму адмиральского корабля, имея по вантам всех людей, которые кричали „ура“, на что с корабля ему ответствовано было музыкой

Австрийский Император Иосиф с графом Войновичем в сопровождении капитан-лейтенанта Дмитрия Сенявина съехал с корабля на катере на близ стоящий корабль «». На нем они осматривали внутренние расположения и артиллерию. По возвращении на корабль «» Императрица села к ним на катер и отправилась под штандартом в южную бухту; в это время на судах, стоящих на рейде, люди стояли по рядам и кричали «», по отдалении же катера от корабля флот салютовал штандарту из всех орудий. Проехав всю южную бухту, Ее Величество позже осматривала корабельную бухту, где корабли ошвартовались близ самого берега. Пристань эта была на сваях, хорошо отделана и усыпана песком, тут же были и новые казармы матросов этого корабля. Вечером это дня бомбардирское судно », стоявшее под кормой линкора «», начало бомбардировать городок, построенный для этого на северной стороне. Городок состоял из башен, стен и был расположен на низменном мысу сухой балки. Пятой бомбой, брошенной со , городок был зажжен, и когда пламя охватило его, множество *Андрей Слава Екатерины ура «Страшный Слава Екатерины «Страшного» ракет и бураков взлетели на воздух; на всем флоте прокричали „ура“; а корабли иллюминировались огнями».*

После отъезда Императрицы 20 июля контр-адмирал Марко Войнович приказывает выйти в крейсерство двум эскадрам. Первая под командованием Панайоти Алексиано в западную сторону. Она состояла из 66-пушечного линейного корабля «» -капитан Тиздель, 50-пушечного фрегата «» -бригадир Алексиано и двух 40-пушечных фрегатов «» – капитан Кусиков и «» -капитан Селиверстов. Вторую эскадру в южную сторону под команду бригадира Фёдора Ушакова. *Мария Магдалина Св. Андрея Св. Георгий Крым*

1 августа он же Войнович отправляет фрегат «» к Кинбурнской крепости для охраны и проводки новых кораблей. В то же время Григорий Потемкин приказывал контр-адмиралу Мордвинову в середине месяца, чтоб тот соблюдал «...». Сам контр-адмирал Войнович вышел в море 2 августа на линкоре «» и фрегатах «» -капитан Вильсон, «» капитан-лейтенант Поскочин, «» -капитан Заостровский и «» -капитан-лейтенант Ознобишин. Крейсерство продолжалось неделю, к ним пришёл «» и все корабли вернулись в гавань Севастополя. Налившись водой Войнович, отправляет эскадру бригадира Алексиано в Очаков, но плохая погода и сильный ветер не дали кораблям выйти из бухты. *Скорый все виды взаимной дружбы с Портой, предписать всем начальникам на судах, оказывать туркам дружбу и благоприятие, удаляясь от всякого повода к неудовольствию Слава Екатерины Легкий Стрела Победа Перун тендер с донесениями*

20 августа 1787 года 44-пушечный фрегат «» под командой капитан-лейтенанта и 12-пушечный бот «» штурман стоявшие у Кинбурнской косы начали движение в сторону Глубокой пристани. Внезапно 11 турецких галер и кирлангичей открыли огонь и атаковали наши корабли. В течение 2 часов фрегат, стоя на шпринге (на якоре), удачно отбивался от турецких галер, сделав при этом 580 выстрелов. Фрегат « потопил 1 галеру, затем, обрубив якорный канат и подняв паруса, отошли к Глубокой Пристани. Наши потери были малы и составили: 3 убитых и 1 раненый. Объявление войны становилось простой формальностью: дело было начато, «» и дальнейшие события удержать было нельзя. *Скорый Битюг Скорый» плотина провралась Анисифора Артамоновича Обольянинова Иван Федорович Кузнецов*

24 августа Войнович получил приказ Потёмкина срочно идти в море со всем флотом. Он писал контр-адмиралу: Эскадра вышла на рейд и дожидалась фрегата «» бригадира Ушакова, который делал небольшой ремонт. Далее они, подняв паруса пошли в сторону Гезлёва (Козлов-Евпатория). «...Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчинённых ваших. Хоть бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя бы всем пропасть». *Св. Павел*

Находясь в походе 1 сентября, контр-адмирал Войнович собрал у себя на корабле «» всех капитанов судов. Капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин находился на флагмане в подчинении командира. Войнович провел совещание и объявил, что намерен «». Сборным пунктом эскадры на случай шторма или бури была назначена Козловская бухта. Приказал всем капитанам взять с собой ранее захваченных «» и вернуться на свои корабли. На другой день эскадра пришла в Козлов для пополнения запасов воды, мяса и зелени. С моря подул сильный ветер, который препятствовал кораблям нормальному выходу из Козловской бухты. Капитан 1 ранга Тиздель предлагал переждать бурю: Так ответил ему Войнович и вывел корабли в направлении к Гаджибею. Продвигаясь вдоль берега, не встречая турецких кораблей наша эскадра подошла к селению Мангали и мысу Калиакрия. Ветер дул северный и с каждым часом всё усиливался. Войнович решил оставить флот проводя ночь Далее приведу его слова из рапорта написанного позже Потёмкину: Дмитрий Сенявин вместе с командой боролись за выживание на корабле. Позже Войнович писал про него в письме Мордвинову *Слава Екатерины идти сперва к северу от Варны, а оттуда к южному берегу, где предполагал найти турецкую эскадру по одному турку «...я советовал ему остаться на якоре до 12 числа, пока выдуют равноденственные ветры, после чего можно надеяться на продолжительную хорошую погоду, при чем будет удобнее располагать движениями флота и лучше выполнять данное ему поручение. „Слова ваши-бабы сказки, я надеюсь на моих капитанов“». «на реях до будущего утра и по разсвете обойти оный мыс и безопасно войти в Варну, и если не найду неприятеля тут, идти к заливу Фарос».* «Ветер все большие стал усиливаться и разводил волнение, что в продолжении ночи выбил из парусов всех судов и наконец сделался величайший шторм с дождем мрачностью и самое большое волнение, что корабли и фрегаты имели великую качку и открылась во всех судах течь. 9 сентября пополудни на корабле Слава Екатерины, на котором я был, изломало многие вант-путины, порвались ванты, а потом переломало все 3 мачты и упали в воду и прибыло в трюм воды до 10 фут, что отливались всеми помпами, ведрами и ушатами, она не убывала; в то же самое время видно было, что ломает и на прочих кораблях и фрегатах мачты. Видя я такое несчастье, осталось мне только одно старание спасти корабли и как корабль Слава Екатерины превосходная течь привела оный до крайней опасности, будучи изломан даже румпель, тоя хотя и на открытом море и из виду берегов, но имел 40 сажень глубины, приказал из отчаянности, дабы способнее были выливать воду, бросить якорь, который по счастью отдав 170 сажень канату удержал и 2 суток отливались. Оный шторм продолжался 5 суток, после котораго все старались с запасными стеньгами и реями спасти суда и довести оных до порта...20 лет Ваше Сиятельство как хожу на море и по всем морям был, но такого несчастья и предвидеть не мог, и как спаслись, одному Богу известно. Если бы я не решился на корабле из отчаянности, на открытом море якорь бросить, оный корабль через 2 часа потонул от великой течи... все произошло от слабости судов и их снастей; хотя шторм прежде такой был, но если бы все крепко было, устояло бы, да качество судов лучшее». «...он офицер испытанный и такой, каких я мало видал; его служба во время несчастья была отменная... худой такелаж на кораблях много плохого нам сделал; вы не можете поверить как оный рвало... это чудо как мы спаслись, корабли и фрегаты сделались как решето».

Считаю необходимым процитировать капитана бригадирского ранга Панайоти Алексанокоторый докладывал контр-адмиралу Мордвинову с фрегата «» о той буре: , Св. Андрей «... исполняя по учиненному от адмирала сигналу, будучи за Дунаем в бухте против местечка Манкале, держались все вместе и близко флагманского корабля Слава Екатерины; но как ветер усиливаясь сделался крепкий и напоследок чрезвычайный шторм с дождем и великой мрачностью, то при находящих к умножению онаго еще великих шквалах на порученном мне фрегате Св. Андрей изорвало паруса и от множества вливаемой в него воды едва не затонул, для чего и принужден спуститься под ветер на фордевинд; в оное время оказались видны со сломанными от шторма мачтами, от нас два корабля: один из них без всех мачт, а другой

с одной фок-мачтой без стеньги, и 2 фрегата с одними фок-мачтами без стеньгов, а которые они, рассмотреть не можно; а так же на порученном мне фрегате Св. Андрей следующим днем превеликой качкою сломало грот и бизань мачты, осталась одна фок-мачта со стеньгою и бушприт».

Теперь приведу слова нашего героя капитан-лейтенанта Дмитрия Сенявина, которые полнее показывают события: « В августе турки сделали требование: Крым возвратить, Кинбурн срыть. Посланник наш отверг глупости их. Война возгорелась. Турки посадили посланника в Семибашенный замок, назначили семь кораблей и пять фрегатов к Варне и там ожидать столько же кораблей, под предводительством известного славного капитана-наши Гассан-Паши. Светлейший незамедлительно уведомил графа Войновича о войне с турками, предложив со всем флотом пуститься на турок. Повеление это получено, как теперь помню, 30 августа в субботу после обеда. На другой день все капитаны обедали у графа и упросили его в понедельник не уходить в море, ибо это день несчастный. Вот совершенное невежество и глупость русского предрассудка. Если бы мы вышли в море в понедельник, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а так целые сутки промедлили и потерпели ужасное бедствие. 2 сентября, с добрым попутняком вступили под паруса: три 70-пушечных корабля, два 50-пушечных и шесть 40-пушечных фрегатов. Проплыв половину расстояния, четвертого числа, случились нам ветры тихие. 8-го в полдень мы были от Варны в сорока милях, ввечеру ветер стал крепчать, а к полуночи сделался ужасный шторм от норд-веста. 9-го на рассвете мы видели только один корвет и два фрегата без мачт. В девятом часу у нас на корабле все три мачты сломались разом, сделалась большая течь... работали во все помпы, котлами и ведрами изо всех люков. В полдень никого от нас не было видно. Десятого течь прибавилась, а 11-го так увеличилась, что мы были на краю гибели. Шторм продолжался трое суток, потом стих и время сделалось прекрасное... 21-го числа вернулись в Севастополь. Из числа эскадры наш фрегат „Крым“ пропал без вести, а корабль „Мария Магдалина“ унесло без мачт в Константинополь, и он достался туркам со всем экипажем».

Линейный корабль «» отогнало в море, он получил повреждения в мачтах и паруса были изорваны. Вверенная команда не слушалась капитана Тизделя и не выполняла его приказаний: Другой наш 44-пушечный фрегат «» под командованием капитана 2 ранга Николая Селиверстова был разбит о камни, и все моряки погибли «». Мария Магдалина «...9 сентября... между тем меня продолжал беспокоить дурно закреплённый марсель, а потому я приказал мичману Фёдору Алексиано взять 14 или 16 человек, идти с ними и перекрепить. Это приказание Алексиано исполнил скоро и хорошо. Но лишь только исправили одну беду, случилась другая. У фоковых вант сломались 2 вант-путены. Положение наше было очень нехорошо; большую часть команды, состоящую преимущественно из рекрута, небывавших никогда в море качало... 10 сентября в 8 часов утра, воды в корабле было 8 футов. С помощью мичманов Фёдора Алексиано и Саранда Велизарова, я поднял фор-брамсель на оставшейся части фок-мачты, с намерением спуститься на фордевинд, на время, пока будут действовать помпы, но это нам не удалось; парусность оказалась недостаточною, тем более, что в предшествующую ночь, рулевые петли повредились, от чего руль не доходил до борта, а потом парус опять спустили... В таком крайне бедственном положении нашем, я был один, никто не помог мне: капитан-лейтенанта Перелишина я нашёл мертвецки пьяного, лейтенант Сахаров ушёл спать на кубрик, где его не могли отыскать. Второй лейтенант граф Замбекари... не знал русского языка, не мог выполнить приказания или сделать какое ни будь распоряжение. Мичман Фёдор Алексиано, это лучший офицер, всегда готовый к службе и ревностно выполнявший мои приказания, был единственным моим помощником. Мичман Саранда Велизаров, сказавшись больным говоря, что ушиб ногу и лёг в койку в кают-компани. Мичман Спиридон Дегалето последовал примеру Сахарова и то же не мог быть найден. Шкипер Исаков всегда в полъяна, следовательно, всегда в одурении. Боцмана Ульянов и Чаплин сказались боль-

ным, никто из них не выходил на верх, не смотря на мои неоднократные вызовы... усилился шторм, сломалась бизань-гафкель, отчего корабль стал худо слушаться руля и качка сделалась стремительнее, потом сломалась грот-стенъга... офицеры вместо того, чтоб помогать мне, опять начали умолять меня срубить грот-мачту и тем спасти жизнь людей. К ним присоединилась команда и все кричали о спасении. В этот момент подошла большая волна, корабль качнуло, и грот-мачта рухнула на палубу... вскоре упала бизань-мачта... оставалась одна надежда на фок-мачту, но и та полчаса спустя упала и переломилась... в полночь выворотило бушприт. С этого времени я начал считать корабль свой погибшим... так мы шли всю ночь на 12 сентября. Я все время пробыл у руля и никто из офицеров не подумал выйти помочь мне. Корабль принесло в Константинопольский пролив... я сказал надо направить корабль на берег, тогда достанутся нашему неприятелю не корабль, а одни обломки, на них вы будете спасаться... но все кричали спасите нас, видно уж Богу так угодно, чтоб мы были в плену. Он наказывает нас за грехи наши... я хотел взорвать корабль, но команда заблокировала крюйт камеру, хотел побросать в море остальные орудия нижнего дека, но уже не имел времени. Корабль подходил к берегу и турки не замедлили открыть по нас пальбу и в то же время около 40 шлюпок, посланных с 3 военных кораблей, стоящих в Буюкдере и в других местах, абординировали нас. Так они отдали корабль Мария Магдалина с 396 человеками экипажа в руки неприятеля». Крым во время шторма палил из пушек и требовал помощи

При спокойной погоде 21 сентября фрегаты «» -бригадир Алексиано и «» -бригадир Ушаков при одной фок-мачте пришли на Севастопольский рейд и застали там фрегаты «» -капитан Ознобишин, «» -капитан Заостровский с одной мачтой и фрегат «» -капитан Вильсон с мачтами. Затем утром следующего дня подошел корабль «» -Войнович без мачт и фрегат «» -капитан Кусаков с фок-мачтой. *Св. Андрей Св. Павел Перун Победу Лёгкий Слава Екатерины Св. Георгий Победоносец*

Спустя два дня заболевший лихорадкой контр-адмирал Войнович отправляет капитан-лейтенанта Дмитрия Сенявина к Мордвинову в Херсон и далее к Потёмкину в Санкт-Петербург с рапортом и письмом «». *он вам обо всём донесёт обстоятельно. Мы всё потеряли что имели. Худой такелаж на кораблях много худого нам сделал; вы не можете поверить, как онный рвало*

Контр-адмирал Николай Мордвинов скупил все мачтовые деревья (125 штук) у купцов и приказал срочно делать мачты и отправлять в Севастополь.

В это же время генерал-аншеф со своими войсками прикрыл дальние подступы к Херсону у, расположенная на косе напротив Очакова. Эта одноименная коса была отделена от турецкой крепости Очаков проливом шириной 3,5 версты. Крепость находилась в 2 верстах от окончания песчаной косы, на левом берегу лимана. Кроме прикрытия входа в Днепровский лиман, крепость являлась удобным наблюдательным пунктом за перемещениями турецкого флота у Очакова. Это укрепление состояло из турецкого замка, построенного ранее и сооружений, построенных нашей пехотой, после того как Кинбурн отошел к России. **Александр Суворов Кинбурнской крепости**

Флот Османской империи в составе 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 4 бомбардирских кораблей, 14 канонерских лодок подошёл к Кинбурну и в течение нескольких дней обстреливал наших солдат. 1 октября турки начали высаживать десант (до 5000 человек) под командованием янычарского Сербен-Гешти-Эюб-аги. Сразу после высадки командующий турецким флотом капудан-паша Гасан приказал отвести корабли, чтобы его войска не надеялись на эвакуацию и флот стал поддерживать нападающих огнём. Командующий нашим войсками граф Суворов приказал не отвечать на огонь турок. Когда, при полном нашем безмолвии, турки вырыли 15 рядов окопов и были в одной версте от крепости, Суворов спокойно построил 6 батальонов и пять рот пехоты в шахматном порядке в две линии, а конницу поставил южнее, вдоль берега. Он шел с войсками в первых рядах, пеший так как его лошадь была ранена.

Несколько турок бросились на него, но рядовой Новиков одного застрелил, другого заколол, остальные бежали. Отступавшие гренадеры заметили Суворова; кто-то закричал: «», и все как один бросились снова на турок. Окопы один за другим начали переходить в наши руки. Генерал Александр Суворов был ранен картечью ниже области сердца и потерял сознание. Казалось, все было потеряно. Но огонь турецкого флота был ослаблен дерзостью выходца из Мальты; турки приняли его галеру за брандер и быстро начали уходить. *Братцы, генерал остался впереди мичмана Джулиана Ломбарда*

Штурм Кинбурна. Гравюра 18 века.

В начале он заметил, что от Очакова идет 8 вражеских судов и у нашего мичмана быстро созрел план. Нет ничего хуже для деревянного парусного корабля, чем пожар. Именно поэтому на турецком флоте всегда опасались брандеров, целью которых было поджигать и взрывать. Под такое судно мичман Ломбард решил замаскировать свою галеру «». Всё случилось так, как и ожидал Джулиано. Увидев мнимый брандер, турки бежали. Во время суматохи одно турецкое судно пошло ко дну, а другое получило сильные повреждения. Немедля были двинуты четыре роты из обоза и крепости, и тут же прискакала находившаяся за 36 верст от Кинбурна легкоконная бригада, вызванная утром. Свежие войска пошли бурным прорывом. Конница рубила в лоб, пехота штыками шла с севера, казаки с юга. Артиллерия картечью била почти в упор. *Десну «...солнце было низко; из замка прибыло 400 нахрабрейшей пехоты; вдоль лимана припевишая легкоконная бригада вломилась в их середину; пехота справа, казаки слева, от Черного моря, – жсали варваров. Смерть летала над головами поганых!»*

Наша пехота брала один за другим турецкие ложементы. Османцы оказывали яростное сопротивление «». Когда до конца косы оставалось пол версты турки пошли в последнюю контратаку. В это время Суворов был вторично ранен в руку, «». Ближе к вечеру турецкий десант был сброшен в море, ». Нашей артиллерией руководил капрал Шлиссельбургского полка. Наши потери в этой битве было около 300 человек. Турецкие потери установили по показаниям пленных. Они составили «». Трусами была усеяна вся Кинбурнская коса. Эта победа стала первой крупной победой в войне. Турки отошли назад дальше Варны на 70 километров в бухту Чинган-Скилеси и больше не появлялись у Очакова в этом году. *они как тигры бросались на нас и на наших коней, на саблях и многих переранили есаул Кутейников мне перевязал рану своим галстуком с шеи; я омыл на месте руку в Черном море «осталось нашим только достреливать варваров в конец. Едва мы не все наши пули разстреляли; картузов осталось только три. Близ полуночи я кончил истребление Михаила Борисов побитых с их стороны более 2000, утопивших в воде за 1000, почти столько же раненые и отводы изнуренные, коих уже померло с 200, а останется всего разве с 500*

Свидетелем этого сражения оказался капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин, как раз находившийся в пути к Херсону и прибывший на своём боте к этим местам: *«...сентября 29-го рано поутру у острова Ад (что ныне Березань), показались турецкие 11 кораблей, 8 фрегатов и мелкие военные суда. Подошли к Очакову и установились на якорь. Турки пришли взять Кинбурн, и у кого же взять? – у графа Суворова, который сам поставлял себе священным долгом за веру свою и у врагов Государя своего, где и как возможно побольше приколоть. 1 октября турки начали высаживать десант на оконечность косы. Граф Суворов приказал всей артиллерии зарядить одним ядром с картечью, полевые орудия поставить перед стеною крепости, прикрыть турами и также зарядить картечью. Но не палить, пока турки не подойдут на картечный выстрел. Турки пустились на приступ. Крепость не палит. Они остановились, изумленные, думали и рассуждали, почему не стреляют по ним. Решили-пушки не заряжены, а, быть может, их и нет. Только подбежали- наши сделали залп. Турки дрогнули назад. Три раза подступали, даже вскакивали на наши пушки. После четвертого отбоя граф Суворов вывел войска из крепости, бросился на турок. Их гнали, кололи беспощадно, топили суда. Граф Суворов при сражении был ранен. По окончании дела обмывал раненую*

шею на взморье и, конечно, не без намерения позволяя отличным гренадерам драть себя за ухо и поздравлять с обновкой».

Узнав о несчастье Севастопольской эскадры Екатерина Алексеевна пишет записку Потёмкину: *«После ремонта этот корабль стал называться «» и принимал участие во многих сражениях. Отпиши ко мне, правда ли, что турки и прочие недоброжелательные разславляют, будто корабль „Сл. Екатерины“ у них в руках, и они будто его взяли у дунайского устья, и будто Войнович на шлюпке с одного съехал? Пожалуй, переименуй сей корабль, буде он у нас. Не равен случай, не хочу, чтоб злодеи хвастались, что „Сл. Екатерины“ в их руках». Преображение Господне*

Расстроенный Григорий Потемкин после того, как к нему прибыл Дмитрий Сенявин и рассказавший всю историю похода Севастопольской эскадры пишет письмо Екатерине: *«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Естли бы Вы видели мои безсменные заботы и что я ночи редкие сплю, Вы бы не удивились, что я пришел в крайнюю слабость. Уничтожение флота Севастопольского такой мне нанесло удар, что я и не знаю, как я оный перенес. Слава Богу, что люди не пропали. Слава Богу, что не прибило их к неприятельскому берегу и что не было на то время турецких судов в море, как они ходили без мачт. Флот надолго теперь без употребления, но, по крайней мере, люди могут быть употреблены».*

Императрица Екатерина получала различные сведения от послов и знала, что турки тоже понесли потери в кораблях и как могла, утешала Потемкина: *«Потеря флота Севастопольского не тебе одному нанесла удар, я сие нещастие с тобою делю... Конечно, лучше было, есть ли б равноденствие пропустили, но что делать? Что зделано, то зделано. Разве буря лишь была для нас, разве туркам она вреда не нанесла? Очаковской эскадре разве от бури ничего не зделалось?»*

21 октября командир таганрогского порта капитан 1 ранга Пустошкин сообщает князю Потемкину, что в местные греки собрали флот из 21 судна, с артиллерией, экипажами (528 человек) и отправились в Севастополь на помощь нашему флоту. Перечислю их названия; 46-пушечные фрегаты построенные на верфи Рогожских хуторов в дельте Дона: « и 17 греческих полакр (двухмачтовое судно), в том числе: «», », « и другие. *Феодосия», «Фанагория», «Царь Карло Константин», «Св. Николай», «Св. Параскевия» Св. Андрей «Симферополь», «Панагия Апотигриви», «Панагия Дусена», «Панагия Турляни Св. Елены», «Панагия Потименгана», «Панагия Колачато», «Панагия Ипопанди Кеко Тавра»*

Полакр. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

Все они по прибытии остановились в Паниотовой бухте на Северной стороне Севастополя, где был дом и пристань капитана Панаиоти Алексиано. Там стоял на ремонте фрегат «». Греки привезли мачтовый лес, такелаж, паруса и всеми силами стали быстро восстанавливать этот фрегат. Позже этот греческий парусный флот использовался как быстрый корсарский отряд «». Назову только некоторые фамилии этих капитанов: Галаки Батисто, Дмитрий Кундури, Дмитрий Куц, Глези, Вальяно, Стомати, Острено, Моцениго, Иеромузи, Бальзам, Сатири, Манто, Аракс, Кумани, Кондогури, Папандопуло, Калогерас, Пуло, Ганали, Герамуцо, Папафило, Палеолог, Кази, Сальти, Коломотьяно, Стати, Цац, Папагоров, Кондогури и другие. В октябре контр-адмирал Мордвинов выразил благодарность капитану Спиросу Рицардопуло и назначил его командовать 10-пушечной яхтой «» с командой полностью из греков. Вместе с капитаном Ламбро Качиони они уже в конце года около Очакова захватили турецкое торговое судно. *Святой Андрей греческие арматоры Пчела*

Капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин, возвращаясь назад в Севастополь, заехал к матери и сестре Феодосье в Комлево. Отец его Николай Фёдорович после того, как адмирал Алексей Наумович Синявин ушёл в отпуск по состоянию здоровья, проживал в Москве, где и познакомился с девицей Беседновой. Доходы он получал с деревень в Тульской губернии, которые

и прогуливал с молодой женщиной. В Комлево к своей законной супруге он не приезжал. Капитан-лейтенант Дмитрий Николаевич, пробыв дома пару дней отправился на Чёрное море.

Осенью князь Григорий Потёмкин приказал контр-адмиралу Войновичу отправить на помощь Мордвинову в Херсон бригадира Панайоти Алексиано, но тот в это время был «» и вместо него был отправлен Фёдор Ушаков. Контр-адмирал Николай Мордвинов должен был отбыть в Санкт-Петербург и оставляет за себя командовать Лиманской флотилией капитана бригадирского ранг Фёдора Ушакова. Турки ушли к Константинополю, и Потёмкин скомандовал «. У Кинбурна оставили 4 галеры, остальные суда отправили в Збуривский залив. Яхту и транспорты Ушаков отправил в Херсон. Корабль «» и фрегат «» отвели в Глубокую бухту. Далее до зимы Ушаков занимался только разоружением кораблей. *одержим болезнью все суда разооружить и ввести их в свое каждое место» Владимир Александр*

В Санкт-Петербурге адмиралтейств-коллегия приказывает адмиралу Самуилу Грейгу приготовить и вооружить за зимний период флот для похода в Средиземное море. Он должен был состоять кораблей: 100-пушечных три линкора («»), 74-пушечных семь кораблей («»), 66-пушечных пять («); фрегатов шесть, 2 бомбардирских судна, восемь каттеров и шебек. Многие современные историки адмирала Алексея Наумовича Синявина в эти годы отправили на пенсию, но это сбылось совсем не так. В декабрьском документе Адмиралтейской Комиссии видим распоряжение: Командующим первой морской дивизией на следующий год был назначен наш адмирал Алексей Синявин и адмирал Чичагов. С наступлением холодного времени сухопутные армии расположились на «»: Екатеринославская армия на левом берегу Днепра, Украинская армия в Подолии от Бара до Винницы, в Немирове, в Уманском Повете. Флот расположился в Херсоне, в Глубокой пристани и Севастополе. *Три Иерарха», «Саратов», «Чесма Ярослав», «Владислав», «Елена», «Мстислав», «Всеслав», «Св. Петр», «Кир Иоанн Вьшеслав», «Родислав», «Болеслав», «Мечеслав». «Изяслав» «3. из флотских генералитет быть в дивизиях: в первой под командою, вице-адмиралам Баршу и Сухотину, контр-адмиралам Козлянинову и Поваляшину; во второй, под командою адмирала В. Я. Чичагова, адмиралу Грейгу, вице-адмиралам фон Крузу и Вилиму Фондезину, контр-адмиралам Дугдалю, Мартыну Фондезину и Спиридонову». адмирала Алексея Наумовича Сенявина зимних квартирах*

Следующий новый год капитан Дмитрий Сенявин встречал, со своими товарищами в Севастополе. Контр-адмирал Николай Семенович Мордвинов зимой не успевал вооружить новые корабли, построенные в Херсоне, и держал всю Днепровскую флотилию в устье. Контр-адмирал Марко Иванович Войнович так же во всю старался отремонтировать Севастопольскую эскадру. В феврале Мордвинов вернулся в Херсон и самостоятельно не ставя в известность Потёмкина отправил Ушакова в Севастополь. Командующий флотом Григорий Александрович, находясь в Елизаветграде, сделал письменное «» Мордвинову «». Так как Ушаков командовал в Севастополе отрядом кораблей, то его Потёмкин не стал возвращать. **1788** *выражение неудовольствия людей, к подобному начальству именно от меня определённых, без представления ко мне не отделять*

Для разведывательных действий контр-адмирал Марко Войнович в начале апреля отправил « на своих быстроходных палакрах к Дунайским, Румелийским и Анатолийским берегам. Уже 12 апреля мичман Мелиси поймал у Дуная турецкую лодку и привёл в Севастополь. Далее мичман Антон Глези у Румелии взял в призы купеческое судно с продовольствием и так же привёл его в порт, а другое разбил у берега. Мичманы Гайтани и Батиста захватили торговое судно полное пшеницей и привели в Крым. Мичманы Кундури и Купа на своих 10-пушечных палакрах близ Дунайского берега у Георгиевского устья встретили большое транспортное турецкое судно с войсками и открыли по нему из пушек огонь. Турки пристали к берегу и срочно свозили войска. Греческие арматоры, стреляя по судну и войскам уничтожили транспортник и нанесли большой вред солдатам. Затем они увидели в дали ещё оно судно под парусами и взяли его на абордаж. Судно оказалось старым, и они его потопили, а 11 пленных турок

привезли Войновичу. В начале мая мичманы Мелиси и Калимери крейсируя у берегов Румелии близ Мангалии увидели стоящих на якоре 9 турецких судов и с ходу напали на них. Турки в паники «» и старались убежать. Одно судно греки потопили, а другое с пшеницей и ячменём взяли в плен. Вот таким образом находясь на службе Российской Империи помогли нашему флоту подготовиться к компании нового года. В Триесте капитан (Λαμπρος Κατσοωνης) так же вышел в крейсерство на купленном трехмачтовом корабле «». Захватив у турок два 22-пушечных двухпалубных киргилача назвал их «» -капитан Дмитрий Мустаки и «» -капитан Михаил Кази. Далее он у острова Занте захватил 24-пушечное судно и назвал его «». На всех кораблях был поднят российский флаг, команды все были из местных греков ». *греческих арматоров» рубили канаты Минерва Северная Великий князь Константин Великий князь Александр Князь Потёмкин-Таврический «...в Архипелаге ныне больше никаких корсаров нет, только я с моим маленьким в 10 судах состоящим флотом Ламброс Катзонис*

Главкомандующий флотом генерал-фельдмаршал князь Григорий Потёмкин обещает Войновичу «» отправить в Севастополь новопостроенные корабли ; фрегаты и . На последних Потёмкин «». Он приказывает Мордвинову срочно вооружать гребную флотилию пушками купленные в Англии числом 54 орудия. Остальные 174 орудия должны были поставить с русских заводов. Станки под них он приказал делать на месте. К марту Мордвинов приготовил 6 плавучих батарей, 4 галеры и 5 баркасов и просит направить к нему сухопутных артиллеристов для укомплектования и «». *при первой удобности «Св. Владимир», «Св. Александр». «Федот Мученик» «Григорий Богослов» «Григорий Великия Армении» желал бы, чтоб команды и матросы были греки обучения морским движениям*

В конце марта Григорий Потёмкин назначает над гребной эскадрой командиром французского маршала принца , а «». В начале мая он с Екатеринославской армией выйдя из Ольвиополя отправился к Очакову для блокировки крепости с суши. Сюда же через пару недель подошёл турецкий флот под командованием капудан-паши , состоявший из 10 кораблей, 6 фрегатов, более 50 галер, канонерских лодок и других мелких судов. **Карла-Генриха Нассау-Зигена Эски-Гассана** *корабли, фрегаты и прочие лиманской эскадры парусные суда, поручить бригадиру и флота капитану Алексиано*

М. И. Войнович. Бюст в городе Херцег-Нови.

Для защиты Днепровского лимана наша парусная эскадра и суда гребной флотилии расположились от Станиславского мыса до устья Буга. Турецкий адмирал, остановившись у входа в лиман, выслал в него для получения сведений о русском флоте до 30 судов гребного флота.

В это же время совершил подвиг капитан который находился под командованием принца Ниссау-Зигена. 20 мая доставлявшего донесение от Суворова дубель-шлюпку (на ней было 7 орудий и 52 матроса) капитана Сакена внезапно нагнали турки силой до 11 галер в устье реки Буг. Видя, что неприятель превосходит силами, капитан принял бой, а также приказал спустить на воду ялик, в которую сели девять его матросов, передал им судовые документы, пакет от Суворова и флаг. Более крупные орудия размещались на носу дубель-шлюпки (двойная лодка в 42 весла и 15 орудиях), то Остен-Сакен повернул на неприятеля и пошел ему навстречу, ведя огонь. Приблизившиеся суда противника бросились на abordаж. Русские моряки отстреливались от неприятеля до последней возможности, но когда капитан-лейтенант Рейнгольд Остен-Сакен убедился в невозможности спасения, взорвал свою дубель-шлюпку. При взрыве погиб сам Сакен и весь экипаж. Вместе с русским судном взорвались 4 турецкие галеры. Вот как вспоминал этот подвиг капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин: **Рейнгольд фон дер Остен-Сакен**, *«... рано поутру, турецкие корабли, 6 фрегатов, 10 корветов и 40 лансон, показались у Кинбурна. Здесь находилась наша дубель-шлюпка, под командою капитан-лейтенанта Сакена, славного морского офицера. По точным обстоятельствам он должен был идти на соединение с нашей флотилией. Откланиваясь за завтраком графу Суворову, он сказал: „Меня турки даром не возьмут“. Около полудня он снялся с якоря, поставил все паруса.*

Ветер ему благоприятствовал. Турки бросились в погоню. К несчастью, Сакена, ветер стал стихать. К сумеркам заштилело. Турки приблизились на пушечный выстрел. Сакен храбро отпаливался, наносил большой вред, но отбиться не мог. Тогда Сакен послал всех людей на бак, вошел в свою каюту, под полом которой была крюйт-камера, взорвал свое судно, и сам с ним взлетел на воздух. Сей поступок Сакена остается на произвол судить каждому. Сколько голов, столько умов. Я знаю только, что поступок Сакена не был чужд сердцу Императрицы. Она щедро наградила его старую мать и двух сестер».

Контр-адмирал Войнович докладывает Потёмкину, что ремонт кораблей подходит к завершению, но не хватает матросов и канониров, которых были отосланы в Херсон и до сих пор не возвращены. Дмитрий Сенявин работал с вновь прибывающими рекрутами, вел их учёт и распределение на корабли Севастопольской эскадры. Не хватает пороха и нет его подвоза из-за чего возвращающиеся греки-корсары не имеют возможности выходить на промысел.

Бой у крепости Очаков. Рисунок Алексея Зубова.

В это же самое время 26 мая командующий галерным флотом принц в Днепровском лимане вышел со всеми судами в устье реки Буг. В составе этой эскадры было 4 плавучих батареи, которыми командовал капитан-лейтенант Ахматов. Левый фланг со стороны моря укрепили 2 фрегатами парусной эскадры, которыми ранее командовал бригадир флота Алексано. Императрица весной приняла на службу американского «» Джона Пол Джонса, присвоила звание контр-адмирала и отправила к Мордвинову. Князь Потёмкин назначил его командующим парусной эскадрой, сместив Алексано. По флоту прошло недовольство этим назначением и несколько английских офицеров покинули театр военных действий. Бригадир Панайоти Алексано так же решил уйти и забрать всех греков «». Генерал-фельдмаршалу Потёмкину пришлось улаживать это недовольство, он несколько раз уговаривал Алексано остаться «». Перед сражением бригадир флота принял решение . Алексано остался капитаном корабля », а Пол Джонс принялся командовать эскадрой. **Карл-Генрих Нассау-Зиген чёрного пирата не хочу, чтоб мной командовал бывший пират этот выскочка ненадолго «...критические обстоятельства, в которых мы находимся и любовь общего блага меня решили. Я остаюсь, но чувствую обиду» «Владимир**

Вот как писал Нассау-Зиген Погода была очень ветреная и турки не начинали боевых действий. Нассау-Зиген прибыл в Кинбурн, согласовать свои действия с генералом Александром Суворовым. В это время прибыло к флоту 31 лодка запорожских черкас (казаков) численностью 1500 человек, которыми командовал атаман Сидор Билый. «...мы теперь в состоянии принять капитан-нашу, которого суда видны были при захождении солнца под Очаковым, их находится там около 40 судов и флаг адмиральский поднят на одном кирлангиче».

6 июня парусная и гребная Лиманские эскадры подошли к турецкому флоту и «» около Кинбурна. Турки решили обходить наши выстроившиеся эскадры с правого фланга вдоль берега от крепости Очаков. Турки, двигаясь начали стрельбу из пушек, наши то же стали отвечать. Нассау-Зиген приказал наступать 4 первым галерам и 2 плавучим батареям. В это время прибыли Пол Джонс и Алексано. Вот как писал в рапорте командующий гребной флотилией « стали на линию контр-адмирал пересел в мою шлюпку, а бригадир отправился к правому флангу чтобы подвинуть вперед, между тем как мы теснили неприятеля левым. Старания бригадира Алексано не мало содействовали нашей победе, этот славный офицер сам буксировал батареи и возбуждал своим примером запорожцев, которые с самого начала сражения беспрестанно буксировали под самым сильным огнём на своих лодках артиллерийские батареи. Бригадир Корсаков помогал бригадиру Алексано на правом фланге».

Огонь с наших судов велся с большей точностью чем стреляли турки «». Все старались попасть во флагманский турецкий корабль. Сгорели два 64-пушечных линейных турецких корабля, один из них был «» ставший на мели, другой был зажжен брандерными шлюпками. В первый, который выдвинулся вперед удачно попали ядрами, и он взлетел в воздух. Это про-

извело общую панику, и османы кинулись к берегу под прикрытие крепости. Турецкий капитан паша приказал стрелять по бегущим и отважно бросился вперед на своем адмиральском корабле. Наши галеры видя такое отдельное расположение крупного турецкого линкора стали его окружать и корабль неудачно маневрировав сел на мель. Сам турецкий адмирал Гасанпаша успел вовремя спастись на шлюпке. Весь экипаж сдался нашим морякам, а турецкий линкор сгорел до ватер линии. Турецкие корабли бежали в большом беспорядке, а поднявшийся встречный ветер не дал нашим галерам отрезать им отход «». Всё это можно видеть на карандашном рисунке Алексея Зубова, который выставлен выше. Литерой «А» обозначена парусная эскадра, под «С» видим плавучие батареи, под «D» галеры. Так же здесь изображена артиллерийская батарея Суворова на Кинбурне. Конечно, галер и лодок было намного больше. Это единственный рисунок, сохранившийся до наших дней, и практически нигде не был опубликован. Наши в этом бою потеряли 4 человека убитыми, 13 ранеными и потонул один фрегат. Турки стреляли очень плохо в основном по парусам и такелажу. Видимо вновь набранные на флот артиллеристы не имели опыта сражений и не могли прицельно вести стрельбу в условиях морского боя. *два их судна взорвались разом, ещё одно сгорело, и их поражение сделалось всеобщим... так как турки стреляли по верху, то мы потеряли немного людей капудан-пашинский мы преследовали их до района выстрелов очаковских пушек, где была расположена большая неприятельская эскадра; ветер не позволял нашей эскадре удержаться на месте чтоб её атаковать; мы отступили и заняли позицию на которой были атакованы, и ни одно турецкое судно не осмелилось за нами идти*

Позже Григорий Потемкин писал Екатерине: «...Алексиано человек добрый, но упрямый и прямой, так было озлился, что насилу уговорили. Сказал, что он сердит на меня, да и на Вас то же; это было поутру, а в вечер пришел и объявил, что остается для того, что неприятель враг нашего закона, и греки все остались по его примеру. Что же сделалось потом. 7 июня во всех такое было рвение, что друг перед другом рвались и как по причине ветра противного парусные суда не могли тронуться с места, а в дело вошла только флотилия принца Нассау, то все, даже больные приехали на шлюбках. Пауль Жонс на шлюбке у Ниссау был вместо адъютанта, а Алексиано вел запорожцев, которые тянули суда на буксире и всё кричал чтобы целили на корабль капитан-паши; он с такой был холодностью, что всех удивил; доверенность к нему чрезвычайная.

Корабли в гавани. Художник Ж. Бук.

На другой день Нассау-Зиген повторил атаку и взял в плен 8 кораблей (из них два 64-пушечных), два из них сгорели. Кинбурнская батарея пресекла выход турецких кораблей и принудила их отойти к очаковским берегам. Пол Джонс не стал поддерживать гребную флотилию своими кораблями. Тогда Нассау-Зиген забрал бригадира Алексиано, и они отправились к гребным судам. Вот как писал принц артиллерийскому капитану Килену: ». В этом бою гребная флотилия построилась в 2 колонны в виде полумесяца вокруг турецких кораблей. Огонь из наших береговых пушек и галер был такой плотности, что ядра летали как мухи и турки защищались с большим упорством. Корабль капитан-паши, делав манёвр встал на мель, а остальные суда «». Дубель-шлюпки и лодки французского волонтера графа Дамаса начали стрелять по этой куче кораблей, затем подтянули ещё одну артиллерийскую батарею и две большие галеры. Турки отвечали, стреляя по нашим лодкам с близкого расстояния «» и удачно пущенное ядро пробило борт одной батареи, которая затонула. Это сражение продолжалось более 4 часов «. В этом сражении майор Де Рибас потерял левую руку «», начальник запорожцев был убит. *Помилуйте Матушка, сделайте с ним милость, произведите его, ей-ей он достоин, жаль будет его потерять; даже сам Пауль Жонс об нем просит». «...я как нельзя больше недоволен контр-адмиралом, его корабли ничего не сделали вчера, гребная флотилия всё взяла, и сегодня не захотел идти и требовал оставить для охраны половину моей флотилии... мы разгорячились и я сказал ему что доведу до сведения князя, как он старается раз-*

строить всё и помешать действовать, так как сам не знает дела становились вокруг в большом беспорядке пальба из ружей продолжалась со всех бортов, причиняя нам большой вред ... мы не видели зрелища более ужасного: слишком 2000 человек погибли в пламени или потонули. Я не мог спасти всех, которых желал, по причине быстрого течения. Я не могу нахвалиться действиями всех служащих на вверенной мне флотилии. Бригадир Корсаков был весьма полезен во время сражения, а бригадир Алексиано, не отлучался от меня, должен вполне разделить со мною малые заслуги командующего такими офицерами, которым стоит только приказывать атаковать неприятеля, чтобы быть уверенным, что они одержат победу» сам лично наводил орудия и палил из них. будучи опасно ранен

Именно в эти дни Севастопольская эскадра контр-адмирала Марко Войновича снялась с якорей и вышла в море в направлении Гаджибея. В составе эскадры были 2 линейных 66-пушечных корабля «» -Войнович и «» -Ушаков, 2 фрегата 50-пушечных «» и «», 8 фрегатов 40-пушечных: «» и «»; один малый 32-пушечный фрегат «», два вооруженных транспорта: 16-пушечная шебека «» и 10-пушечная шхуна «» и 17 малых корсарских судов; 3 малых брандерных судна. Двадцатипятилетний Дмитрий Сенявин был на флагманском корабле в должности флаг-капитана, как теперь назвали бы начальник штаба. Ветер был встречный и корабли продвигались медленно. *Преображение Господне Святой Павел Св. Георгий Победоносец Апостол Андрей Стрела», «Победа», «Перун», «Легкий», «Кинбурн», «Берислав», «Фанагория Таганрог Вестник Острая Полоцк*

20 июня генерал-аншеф граф Александр Суворов, находясь в Кинбурне с тревогой писал Потемкину: ». 28 июня контр-адмирал Пол Джонс, державший свой флаг на корабле «» у Очакова, известил главнокомандующего бывшему на берегу: «». На следующий день непрерывно лавируя, эскадра Войновича подошла к (Змеиный). Матросы находящиеся на саленгах завидели османский флот, паруса которого заполнили горизонт. Вперёд смотрящие насчитали 45 судов, из них 26 вымпелов больших кораблей и фрегатов. 30 июня эскадра Войновича пошла на сближение с турецкой эскадрой, занявшей наветренное положение. Приблизившись до трех миль, наши корабли выстроилась в линию баталии левым галсом. Турецкие суда адмирала «» тоже растянулась в боевую линию. Ближе к полудню наступил штиль, и все корабли встали в безветрии. Спустя какое-то время ветер снова появился, и эскадра Войновича вторично пошла на сближение «». Турки стали удаляться, не принимая боя. Наши преследовали их, стремясь занять при этом наветренное положение. Ближе к тёмному времени Гасан-паша «», то же сделал Войнович. Наступившем утром оказалось, что флоты снова разошлись «». Ещё трое суток флоты маневрировали на виду друг друга. Наконец опытный старый турок Гасан-паша решил атаковать Севастопольскую эскадру с наветренной стороны «». «...лишь бы Войновича где-нибудь опять не потрепало. Буря очень велика, Светлейший Князь! Боже сохрани Святой Владимир Имею честь сообщить Вам, что в эту минуту, то есть в 2 часа пополудни, Турецкий флот поднял паруса; этот маневр может находиться в связи с приближением Севастопольского флота, что представляет большой интерес капудан-паши Джезаирли Гази Гасан-паши построил я линию баталии левым галсом и приготовился к бою убавил паруса находясь в штиле совсем без ветру, большое течение разносило суда и нарушало порядок весь его флот начал спускаться на нас в двух густых колонах, так как в кораблях имел превосходнейшее число **острову Фидониси**

Авангардом командовал 43-летний капитан бригадирского ранга на линейном корабле «». В его подчинении были фрегаты: «» (капитан 2-го ранга Я. Н. Саблин), «» (капитан-лейтенант М. Н. Нелединский) и «» (капитан 2-го ранга Н. П. Кумани). Более крупная вторая колонна турецких кораблей пошла на «» где был Войнович и Сенявин на линкоре «». После недолгой перестрелки с русской эскадрой на дальней дистанции корабль турецкого адмирала поднял больше парусов и ушел вперёд, при этом он попытался отрезать два 40-пушечных фрегата « и «авангарда Ушакова. Арьергардия бригадира флота на быстрой скорости проскочила

мимо турецкой линии флота и вступила в бой с турецкими передовыми кораблями «». **Фёдор Фёдорович Ушаков** *Св. Павел Берислав Стрела Кинбурн кордебаталио и арьергард Преображение Господне Береслав» Стрелу» обойти и окружить с ветру оную эскадру на другую сторону... сбить с немалым повреждением капитан-пашинский корабль*

Вот как пишет Ушаков в рапорте: Корабль « оказался с одного борта под огнём фрегатов, а с другого русского 66-пушечного корабля «». Интенсивная стрельба русских судов нанесла турецкому флагману серьёзные повреждения, ядра и книппеля с турецкого корабля в основном поражали рангоут и такелаж наших кораблей. «...он поминовав немного вперед моего корабля, поставил против онаго из следующих за ним один самый большой 80 и два 60-пушечные корабля, а сам с двумя следующими передними кораблями, прибавя паруса, бросился с чрезвычайной скоростью, как лев, атаковать передовые мои фрегаты. Чрез сию погоню отдалился я ещё больше от последующих за мною вперед и на ветру ближе к неприятелю... Капитан-паша с превеликаго азарту спустился ещё ближе и стал бортом прямо против двух наших фрегатов палил по ним, я был выше оных на ветре и к нему сделался очень близок... дрался он с чрезвычайным жаром, но Всевышний нам сим положением и победою помоществовал и уповаю в корабле его по видимости должно быть много пушечных пробоин». *капудан-паша» Св. Павел*

Рапорт Ушакова-Войновичу. Документ РГАВМФ.

Кордебаталия в том числе флагманский корабль «» (командир капитан 2 ранга Иван Селивачёв) под флагом контр-адмирала Марко Войновича вел бой с двумя кораблями турецких «». По два раза вражеские 80-пушечные корабли, сменяя друг друга, вставали на траверсе «». Турецкие суда открывали по нему ураганный огонь «». Флагманский корабль Войновича выиграл все дуэли так как имел пушки более дальнего боя. Весь бой продолжался около 5 часов. Капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин во время сражения постоянно находился на палубе командуя матросами и при помощи флагов, и специальных сигналов отдавал команды в построении кораблям «». Всякий раз после залпового огня из пушек на палубах вражеских кораблей показывались языки пламени, и валил густой черный дым «». Команды турецких вице-адмиральского и контр-адмиральского кораблей, которые стояли против нашего флагмана дважды справлялись с пожарами «». Корабль турецкого капитан-паша ушёл за линию огня линкора «». Именно в это время Гасан-паша сцепился с двумя фрегатами авангардии Ушакова «». Против «» турки «». Наш флагман стрелял из пушек большого калибра, и османы потеряли 24-пушечную трехмачтовую шебеку «». *Преображение Господне партон-бея и реал-бея Преображения Господня стремление его было больше на наши два линейные корабля и два 50-пушечные фрегаты, против каждого нашего корабля было по пяти неприятельских кордебаталио и арьергардиш капитан-паша только 40 минут с своим кораблем держаться мог в бою, принужден был выйти из линии два раза густой дым показывался и погасал Преображения Господня они весьма удачно весь свой лаг в него выстрелили, так что видно было большия доски как летели с кормы его корабля Преображения Господня безпрестанно из бомбардирских кораблей бросали бомбы которая противу корабля утонула, людей немного успели спасти с оной*

В своём рапорте Потёмкину контр-адмирал Войнович перечислил всех отличившихся капитанов кораблей, принимавших участие в этом сражении включая Ушакова, Баскакова, Селивачёва, Поскочина, Саблина, Нелединского, Вильсона, Кумани, А. Алексиано, Ознабишина, Заостровского. Про своего помощника Дмитрия Сенявина Войнович написал ». Турецкий флот потерял всего одну шебеку, но был очень потрёпан в этом сражении. Два дня он был на расстоянии 30 вёрст от нашей эскадры. 5 июля пытался турки повернули на курс к «» и Войнович пошёл на перерез, но затем капитан-паша свернул на юг «». Следующим днём эти две эскадры были от «», турки повернули и пошли в глубь моря. Наша эскадра следующий день оставалась на реях, а 4 повреждённых фрегата были отправлены в Севастополь. «...да находя-

ищийся за флаг-капитана, капитан-лейтенант Сенявин отменно храбр и неустрашим, со всякою расторопностью делал приказываемые ему сигналы и обозревал движения и заслужил великую похвалу Ак-мечетской пристани я сделал то же, пошёл в параллель с оным под самыми малыми парусами в ожидании какие будут его движения, но он держал в море и к покушению виду не показывал Херсонеса мыса в расстоянии верстах 18 к северу

Во время плаванья контр-адмирал Марко Иванович писал записку бригадиру флота Федору Ушакову: *«Поздравляю тебя Батушка Федор Федорович, с его числа поступил весьма храбро; дал ты капитан-наше порядочный ужин, мне все видно было. Что нам Бог даст вперед? Сей вечер как темно сделается, пойдем на курс OSO к нашим берегам; сие весьма нужно, вам скажу после. А наш флотик заслужил чести и устоял против такой силы. Мы пойдем к Козлову, надобно мне доложиться князю Потемкину кое-что. Прости друг сердечный, будь душенька осторожен. Сей ночи что бы нам не разлучиться, я сделаю сигнал о соединении, тогда спустимся. Пока темно не сделается, не покажем никакого вида, а будем под малыми парусами».*

Вернувшись в Ахтиарскую гавань наши корабли срочно начали исправлять повреждения, вешать новые паруса и такелаж. Бригадир Ушаков подготовил рапорт своему начальнику Войновичу, оригинал которого впервые стал нам доступен, и здесь первая страница мной опубликована. В этом рапорте он отразил своё видение боя у Фидониси. В нём в частности упоминалось что «Это как считал бригадир флота, командующий «» он сделал до того, как погнался за турецкими передовыми судами, проходя на скорости мимо линии противника. Прочитав рапорт Войнович, остался им недоволен, так как в нём отражалась картина, в которой Ушаков со своими кораблями практически вел бой в одиночку со всем турецким флотом и к тому же не выполнял команд контр-адмирала. Не подтвердилось утверждение бригадира в потоплении турецкого фрегата и количестве линейных кораблей противника. Войнович приказал переписать рапорт, убрав неточности, но Ушаков отказался и написал «» в котором заметил, что «». фрегат спустившийся с ветру один потопил... имел сражение с подошедшими к нему на дистанцию из середины и задней части флота вице-адмиральский и контр-адмиральский кораблями, которых так же от себя храбро отразил и принудил уступить место... в числе повреждённых кораблей у одного сбита фок-мачта, у другого сбита фок-стенгга, третий уповая за великою течью в самой скорости под всеми парусами ушел в сторону Инкермана... в рапорте капитана 2 ранга Кумани его фрегат Кирибурн бросанием от него брандскугеля проходящий мимо его вице-адмиральский корабль двоекратно загорался, но видно в скорости потушен». арьергардией примечание к рапорту в разсуждении не регулярного неприятеля нельзя соблюсти всех правил эволюции, иногда нужно делать несходное

Контр-адмирал Ушаков в бою при Фидониси. Худ. Н. Г. Николаев

Из-за разных точек зрения на бой возник конфликт между хорошими преданными России людьми, конфликт старых правил ведения боя перед новаторскими новыми. По прибытию в Севастополь Федор Ушаков слёг в постель с болезнью и просил у Потёмкина отставки. 11 июля он пишет развернутое донесение князю Потемкину и просит уволить его со службы. Здесь стоит процитировать хоть часть того письма, в котором Федор Федорович жалуется вышестоящему начальнику: *«...гонимое меня здесь через Его Превосходительство Марка Ивановича несчастье никогда не оставляет и ни через какие всевозможныя отменныя мои старания милости и справедливаго по заслуге моей его к себе расположения изыскать не могу;... ибо с самого моего малолетства привык к почтению и уважению командующих; все начальствующие во флоте с кем я служил и по них прочие обстоятельно знают меня с хорошей стороны, и ото всех по заслуге моей был счастлив и имею хорошие аттестаты. В одном из всех Е. П. Марк Иванович не могу сыскать желаемаго успеха, который с начала нашего знакомства, когда были еще полковниками и оба под командою других, восчувствовал некоторую отменную ко мне ненависть, все дела, за которыя я иногда похвален, не знаю причины отчего*

отменно его беспокоят, чего во всем виде и в деле укрыть не может... оным я в награждение безвинно обруган и приписано совсем несправедливыми и не сходными поведению и делам моим словами всякое поношение чести и тем причинил чувствительнейшее оскорбление и в болезни моей сразил жестоким ударом, ибо всякое дело с командующим почитаю я за величайшее в свете несчастье; против командующих все защитения и доводы оправдания весьма трудны, но Бог защитник справедливости всевышним своим покровительством оправдает меня непременно... рапортом, поданным мною, был недоволен... имеет около себя множество шпионов и во всякой неправде им верит и после мстит до бесконечности за всякую безделицу».

Против этих слов в рапорте бригадира Ушакова был капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин, который находился при контр-адмирале, подавал сигналы, управлял кораблями и вел наблюдение в подзорную трубу за боем с флагманского корабля «». Он точно видел все манёвры « и принимал участие в составлении рапорта командующему. В это время прибыл в Севастополь принц Нассау-Зиген на быстроходном греческом корсарском судне, у него был разговор с Войновичем. Капитан-лейтенант Дмитрий Сенявин был послан к Потёмкину в Очаков на этой полакре и далее в Санкт-Петербург, со всеми рапортами, собранными от главных командиров. *Преображение Господне авангардиш, кордебаталиш и арьергарда»*

Сенявин рассказал Потёмкину про это сражение и двинулся далее, а 20 июля командующий написал письмо Войновичу: *. «Я получил донесение Ваше, отправленное с капитан-лейтенантом Сенявиным, и с удовольствием вижу из оных, сколь храбро принят и отражен Вами флот неприятельский близ Фидониси, не взирая на чрезмерное превосходство сил его. Вам яко первому в сем знаменитом деле участнику объявляя мою признательность, препоручаю засвидетельствовать оную г. Бригадиру и Кавалеру Ушакову, по донесению Вашему столь отличившемуся и прочим содействовавшим в поражении неприятеля, так как и всем нижним чинам. Весьма тут приметны мужество и неустранимость Российским воинам свойственные, и я не преминул о сем одержанном преимуществе всеподданнейше донести Ее Императорскому Величеству»*

До столицы Дмитрий Сенявин добирался на лошадях с охранной грамотой от Григория Потёмкина и с его письмом к Императрице. На почтовых станциях ему быстро меняли лошадей и выполняли все требования.

Бой у острова Фидониси был первым крупным сражением нашего парусного Черноморского флота с турками. Русские моряки показали умение держать линию против турецкого флота во время боевых действий. Задача русского флота по поддержке сухопутных войск под Очаковым фактически была выполнена. Явное господство турецкого флота на Чёрном море завершилось.

Капитан Сенявин прибыл в Санкт-Петербург в конце июля и сразу же был принят Екатериной. Императрица уже 28 июля восторженно писала Потемкину: «». Она наградила молодого капитана своей золотой табакеркой, осыпанной бриллиантами, и приказала выдать ему 200 золотых червонце. *Твоё письмо, друг мой Князь Григорий Александрович, я получила чрез флаг-капитана Сенявина, которого, буде разсудишь, что его производить должно и другим не обидно, то объяви ему чин моим именем. Действие флота Севастопольского меня много обрадовало: почти невероятно, с какою малою силою Бог помогает бить сильные Турецкие вооружения! Скажи, чем мне обрадовать Войновича? Кресты третьего класса к тебе уже посланы, не уделит ли ему один, либо шпагу?*

Ночевал Дмитрий Сенявин у своего дяди адмирала Алексея Наумовича Синявина и почти всю ночь рассказывал ему о сражении про подвиги Ушакова и рисовал схему боя. Адмирал тогда вспомнил, что этот молодой шустрый мичман двадцать лет назад командовал ПРАМом на Азовском море. Синявин в том году руководил комплектованием кронштадтской эскадры, которая готовилась в поход на Средиземное море, но с лета заболел и был отправ-

лен Императрицей в отпуск «». *за болезнями его увольняем от всех дел, и за долговременную и усердную службу по смерти производить ему полное жалование*

По возвращению Потёмкин досрочно присваивает Сенявину звание капитана 2 ранга и приказывает быть «» по флоту при своей персоне. Эта должность открывала большие возможности подниматься по служебной лестнице, и Сенявин к тому же получает двойную прибавку к жалованию. Во время вечернего ужина в шатре новоиспечённый капитан 2 ранга сидел рядом с главнокомандующим и выпивал с ним из серебряных кубков «». Потом были приглашены певчие, которые пели русские народные песни. Им подпевал немного хмельной Дмитрий, что не осталось незамеченным Григорием Александровичем. Он его хвалил за красивый голос и заставил спеть любимую песню. Отказываться было бесполезно, и Сенявин пел, а его исполнение запомнили многие кто находился в это время в походном шатре Потёмкина. Позже много лет спустя некоторые неприятели злословили по этому поводу. *генеральс-адъютантом терпко-сладкую мальвазию*

Здесь Потёмкин на следующее утро поделился с Сенявин своими задумками по специальной операции которой он хочет провести у берегов турецкой Анатолии. Именно с тех мест шло продовольствие и подвозилось подкрепление к осаждённой крепости Очаков. Главнокомандующий флотом поручил « Сенявину провести «» с помощью «» на их быстрых судах. Письмо об этой планируемой морской операции Потёмкин посылает Войновичу. *дерзко-бойному» поиск греческих арматоров*

В то же самое время на Балтийском побережье шведы захватили таможенную заставу и судно с провиантом около крепости Нейшлот. Затем они в приграничном посёлке Пуумала, переодетые в российскую униформу, устроили перестрелку, ставшую для короля Густава III формальным предлогом к началу войны. Его войска вторглись на нашу территорию, но была остановлена русскими войсками под командованием генерал-аншефа графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина. Императрица приказывает адмиралу «». В начале июля наша эскадра (авангардия-контр-адмирал Фондезина, кордебаталия- контр-адмирал Спиридов, арьергардия -контр-адмирал Козлянинов) в 15 линейных кораблей встречает шведский флот, состоящий из 28 судов под командованием герцога Карла Сёдерманландского «». Именно там в Финском заливе произошло . Оно проходило в полном безветрии в течение 10 часов и корабли приходилось передвигать при помощи баркасов. Два флота потеряли по одному кораблю «». Обе стороны объявили себя победителями, хотя, по сути, бой закончился вничью. При этом стратегический успех остался на стороне русского флота, который завладел инициативой в войне. Шведский флот был вынужден отступить в Свеаборг, что означало крушение шведского плана войны. Наши потеряли 321 человека убитыми и 702 ранеными. Затем эскадра адмирала Грейга отправилась к острову Нарген (ныне Найссаар) что перед Ревелем и встала на якоря. Часть кораблей осталась крейсировать против полуострова Паркалаут у берегов Финляндии. **Самуилу Карловичу Грейгу Гогландское сражение** *шведский флот искать и стараться его атаковать и разбить, если Бог поможет между островом Штеншкер и мелью Калбо в 7 верстах от острова Гогланта многие разбиты особливо в мачтах, реях и оснастке, имеют множество пробоин*

В этом бою участвовал сын адмирала Алексея Наумовича Синявина 21-летний капитан Он командовал 44-пушечным фрегатом «» и в итоге ему присвоили звание капитана 2 ранга. Позже состоял при адмирале Грейге «». Теперь во флоте стало 2 капитана с такой фамилией, и современные историки часто путают их. **Григорий Алексеевич Синявин.** *Брячислав генеральс-адъютантом*

Но вернёмся на Чёрное море, и пока новоиспечённый капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин был в пути в Севастополь, эскадра контр-адмирала Войновича рано утром 24 августа вышла в море. В её составе было два 66-пушечных корабля «» и «», два больших фрегата и семь малых. Так же вышел отряд «» состоящий из 15 полакров. Два дня флот «» и далее держался на реях

в районе Булганака. На третий день «». Все корабли отнесло ветром к Херсонесскому мысу, и эскадра с большим трудом вошла в Ахтиарский залив. Фрегат «» капитана Ивана Ознобишина отнесло до Балаклавы. По окончании бури он вернулся в Севастопольскую гавань, где Войнович производил «». *Преображение Господне Святой Павел корсерских греческих судов лавировал по причине большой зыби и течения нашла большая буря от севера с дождём, молнией и громом и во всю ночь продолжались шквалы и флот принудило лежать под нижними парусами, у иных фрегатов изорвало марсели Покров Богородицы обученеие рекрутам и исправление судам*

В начале сентября 1788 года контр-адмирал Войнович по приказу Потёмкина отправляет Дмитрия Сенявина с самыми быстрыми греческими полакрами в «» к берегам Османской империи, а конкретно к Синопу. Он вместе с прапорщиками: Дмитрием Кундури, Николаем Вальяно, иоанисом Марингопуло; капитаном Григорием Ганале и мичманом Феодором Аркуловым провёл стремительный набег на северное побережье Турции. *морской поиск*

Об действиях этого отряда Войнович докладывает князю Потемкину в письме от 7 октября: ». Сарандинаки прицелил к себе взятое судно и отправился в сторону Анапы. Капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин, Ганале, и Марингопуло на своих судах 20 сентября продолжили плавание вдоль анатолийского берега к Вонне. Заметили около берега ещё одно стоящее турецкое судно. Капитан Ганале взял его, а турки на баркасе убежали. Это судно было гружено смолой и пенькой и тащило на тросу плот из мачтовых деревьев «». 21 сентября у мыса Чонсамба наши корсары увидели 4 турецких небольших судна », погнались за ними на своих полакрах. Спустив на воду вооружённые баркасы стреляя из пушек 2 потопили, взяв в плен шестерых турок. На другой день этот отряд под руководством Сенявина подошел к местечку Вонн: Капитан Дмитрий Сенявин со своим 24-пушечным полакром «» подошёл к берегу Через день наши суда подошли к острову против города Гересинда (Карасунд) и увидели стоящие там 4 турецких судна и множество пехоты и конницы. Погода была пасмурная и подойдя к этим судам встал на якорь. Когда стемнело Сенявин спустил два баркаса и хотел взять суда, но турки ответили сильным огнём из пушек и ружей. На следующий день рано утром он переставил свой полакр против тех пушек и начал стрелять со всего борта « Далее Сенявин открыл огонь по следующим 3 судам «», но турецкие войска ожесточённо сопротивлялись. В итоге они были потоплены артиллерийским огнём. Эти суда должны были перевозить турецкую армию в Очаков, но Сенявин своими действиями сорвал эти планы. Команды наших судов, состоящих из греков в этих боях, потеряли 9 человек убитыми и 13 ранеными. После этого сражения «» отправились вдоль берега к Таврическим берегам. По пути Сенявин встретил грузовой парусно-гребной трекатр с 70 тоннами соли и других товаров. Турки бежали с оного, а наши греки, высадив 12 человек повели его к нашим берегам, но спустя 3 дня во время сильного шторма его пришлось потопить. «...отряд сделанный в Анатолию, состоящий из 4 судов под командою В. Св. штаба генеральс-адъютанта Сенявина отправился из Севастопольской гавани 16 сентября и при переменных ветрах 19 подошел к Синопу, в который день завидел к югу 4 турецких судна, да от востока идущее большое судно одно; разделил своих так дабы пресечь у всех неприятельских курс, в котором и успел; сам (Сенявин) напал на большое, оно по легкому ходу и уходило, но успели на пересечку два другия его судна, под командою капитана Ганале, и прапорщика Марангопуло, и поражали оно на ружейной выстрел; на турецком судне было множество народу и вооруженное пушками отбивалось от наших со всякою горячностью и по близости его берега надеялся спасения; два раза Ганале и Марингопуло покушались онаго обордировать, но превосходному числу народу и наступившей темноте ночи должны были уступить, а продолжали бить онаго пушечными выстрелами, пока в 10 часов оно стало на подводный камень у Синопского мыса и разбилось; тогда слышно было большой жалостный крик топившагося народу; с Синопской крепости 9 пушечных выстрелов выпалили по нашим и перебили несколько снастей, но они отворотили прочь и пошли в море; спасли 2 человек турок весьма израненых.

Из других судов прапорщик Скандраки (Сарандинаки) взял одно, а 3 в темноте ночи спаслись генеральс-адъютант Сенявин приказал оное сжечь, а мачтовые деревья изрубить «мелексы «ветер был самый тихий и проходя мыс начали турки палить из пушки и множества ружьев, но скоро она была сбита и хотя покушались оную взять, но крутой под пушкою берег не позволял барказам пристать... однако барказы были посланы к другому берегу, где стояла одна турецкая мелекса; оную взяли и совсем имеющимся на ней грузом, лесом и пенькою, была сожжена». Панагия Турляни «прогнал народ защищающий магазин, где много турок побито картечами... генеральс-адъютант Сенявин не находя тут в Вонне тех 8 судов к перевозу войск приуготовленных, в сходственность полученных известий, решился вдоль берега продолжить далее свой поиск». отбил весь народ от пушек от берегу и с судов, потом барказами абординировал большую шайку, отрубил у ней все канаты и вывел из под берегу; она была нагружена провиантом, до 300 пудов пороху и к перевозу войск всеми припасами». почти вовсе разбили греческие арматоры

По пришествии отряда 6 октября в Севастополь « По правилам войны командам и капитану Дмитрию Сенявину доставалось большая часть трофеев. Григорий Потёмкин в письме Императрице так написал про это «». Это был первый военный поход разведывательной эскадры, совершенный нашими кораблями на южное побережье Черного моря в тыл турецким войскам. генеральс-адмирал Сенявин весьма одобрял перед Войновичем капитана Ганале, мичмана Аркулова, прапорщиков Марингопуло и Николая Вальяно отличившимися, как ревностно, так и мужеством во всех случаях, да и всех служителей на корсарских судах, хвалил их смелость и послушание... и так ополчая анатолийские берега, сей мужественный и храбрый офицер навел на турок страх, поразил много народу, уничтожил неприятельския покушения в перевозке войск, истребил довольно число судов числом 11, взял пленных и привез от себя и своим подчиненным у неприятеля довольно взятого богатства». Севастопольский флот весь вошёл в гавань, только греки крейсируют, не потерпели они

Здесь приведу ещё одну цитату Потёмкина: ». В ответном письме Екатерина Алексеевна сообщила ». «...мой Сенявин много навел страху на Анатолийских берегах. Позвольте дать ему крест Георгиевский 4 степени. У меня есть лишние «...Сенявину твой дай крест Георгиевский из тех, кои у тебя остались не розданы

Во второй декаде октября Сенявин был срочно вызван в Херсон по приказу Потемкина для награждения и принятия под команду 64-пушечного корабля «». Этот корабль был летом захвачен у турок в призы, ремонтировался в Херсоне и перевооружался в Глубокой гавани ». Мастер Семён Афанасьев установил на него новые мачты, бушприт, стеньги, такелаж и были сшиты паруса. Этот корабль вооружили 24-фунтовыми пушками с корабля «» капитан которого Панайоти Алексиано умер от заразной болезни. Святой Мученик Леонтий «он отменно хорошей конструкции в подводной части и ходит скорей всех наших на фордевин Св. Владимир

Командующий Днепровской гребной флотилией принц Нассау-Зиген в согласовании с контр-адмиралом Мордвиновым разработали план нападения на крепость Очаков. К осени было готово 6 артиллерийских батарей, 32 бота вооруженных 18-фунтовыми пушками, 4 большие галеры, 4 дубель-шлюпки и 5 судов с поставленными мортирами. Морские батареи должны были стрелять в стену и в первую очередь разрушить угловую башню.

В это время на Балтике в Ревельском порту на корабле «» умер от лихорадки 52-летний адмирал Самуил Карлович Грейг. На его должность был поставлен адмирал Василий Яковлевич Чичагов. Ростислав

22 октября капитан Сенявин несмотря на очень плохую погоду вывел корабльк крепости Кинбурн. Следующим днём началась атака гребного и парусного флота на корабли и крепость Очаков. Артиллерийским огнём в первый день было потоплено 6 турецких судов и много было повреждено. Контр-адмирал Николай Семёнович Мордвинов парусную эскадру расположил под прикрытием кинбурнских батарей «». Несколько дней продолжалась бомбардировка кре-

пости Очаков и кораблей, стоящих у берега. 30 октября Мордвинов сообщает Потёмкину что «». Капитан 2 ранга Сенявин, обладая дальнобойными пушками на своём корабле вёл огонь по кораблям и крепости. *«Святой Мученик Леонтий» большие суда поставлены под прикрытием мели, простирающейся от косы в море и приближены к обороне линии гребной эскадры 23 неприятельских судна от выстрелов наших потоплены*

2 ноября контр-адмирал Марко Войнович вывел свою эскадру из Севастополя и направился к Тендре для поиска турецкого флота. Погода стояла плохая с сильным ветром и густым туманом. Греческие крейсера (под командой мичмана Григория Кацаити, прапорщики Дмитрия Купа и Галаки Батиста) ранее посланные в разведку на глазах всей эскадры, преследовали турецкий «», который обладая большей скоростью увидев наш флот, убежал в море. Вот как пишет Войнович об тех днях: «... Спустя два дня эскадра Войновича передвинулась к самой северной оконечности мыса Тендра, провела разведку и не увидела турецких кораблей. Он послал к Потёмкину своего нового флаг-капитана лейтенанта Юрьева с донесением о дальнейших действиях. Тот разрешил Севастопольской эскадре идти в море к Таврическим берегам и выслать для поиска флота противника крейсерские суда. 19 ноября все корабли прибыли в Севастополь кроме корабля «» (капитан 1 ранга Иван Баскаков) которого ветром унесло вдоль берега в сторону Козлова. *кирланги 8 ноября подошёл я к оконечности Тендры в расстоянии верстах в десяти, так что видны были мачты наших судов в Лимане; по полудни в 4 часу крейсер дал знать сигналом, что 8 кораблей видит в море на румбе W, погода сделалась пасмурная и ветер переменный. 9 числа в 5 часу после полуночи слышны были в море на румбе WSW 5 пушечных выстрелов, спустя четверть часа и паки два; ветер сделался от востока крепкий с снегом... следующие дни ветер от северо-востока весьма крепкий с снегом и мороз».* Св. Андрей

У контр-адмирала Мордвинова от сильного ветра потонули 4 канонерских лодки, и он запросил у главнокомандующего возможность уйти на зимние квартиры, так как морозы усиливались. Потёмкин, видя ситуацию скомандовал всем уходить из лимана в устья рек. Капитан Дмитрий Сенявин свой корабль повёл к Глубокой пристани, но сильный ветер не давал продвижения. Подойдя к мысу Станиславский, он там был прихвачен льдом «». Как ни боролся капитан Сенявин со своей командой, пытаясь вырваться от ледового плена, его корабль сорвало с якорей и всей глыбой отнесло назад к Кинбурнской косе к Александровской крепости. Днепровский лиман был свободен ото льда в своём фарватере, где шло сильное течение. Фрегат «», вынесенный из устья Буга сильным ветром потонул недалеко от корабля Сенявина. Позже Дмитрию Сенявину удалось вырваться из ледяного плена, вывести корабль и зайти за мыс Станиславский к берегу напротив Широкой балки. *прочие суда замерзли по разным местам Лимана от Станислава до устья Буга; Спиридон Тримифийский вошел в Буг и стоит выше русской косы Василий Великий «Святой Мученик Леонтий»*

В течение декабря и наступившей зимы Войнович просил у Потёмкина материалов и мастеровых для ремонта кораблей. Главнокомандующий был занят осадой Очакова и эти надоедливые просьбы его выводили из себя. Тем более большинство солдат в армии болело. *«четвёртая часть осталась от армии, а кавалерия потеряла почти всех лошадей»*

Штурм крепости Очаков. Старинная гравюра 18 века.

6 декабря Григорий Потёмкин приказал штурмовать крепость Очаков. Турки сидели без пропитания и в сильном холоде, мороз достигал 23 градуса. Шесть русских колонн пехотных полков с большим мужеством за час с небольшим овладели этой крепостью. Османы понесли большие потери. Было убито при штурме более 8000 человек и около 4000 попало в плен. Наши войска потеряли намного меньше: 956 солдат и офицеров убитыми и 1823 ранеными.

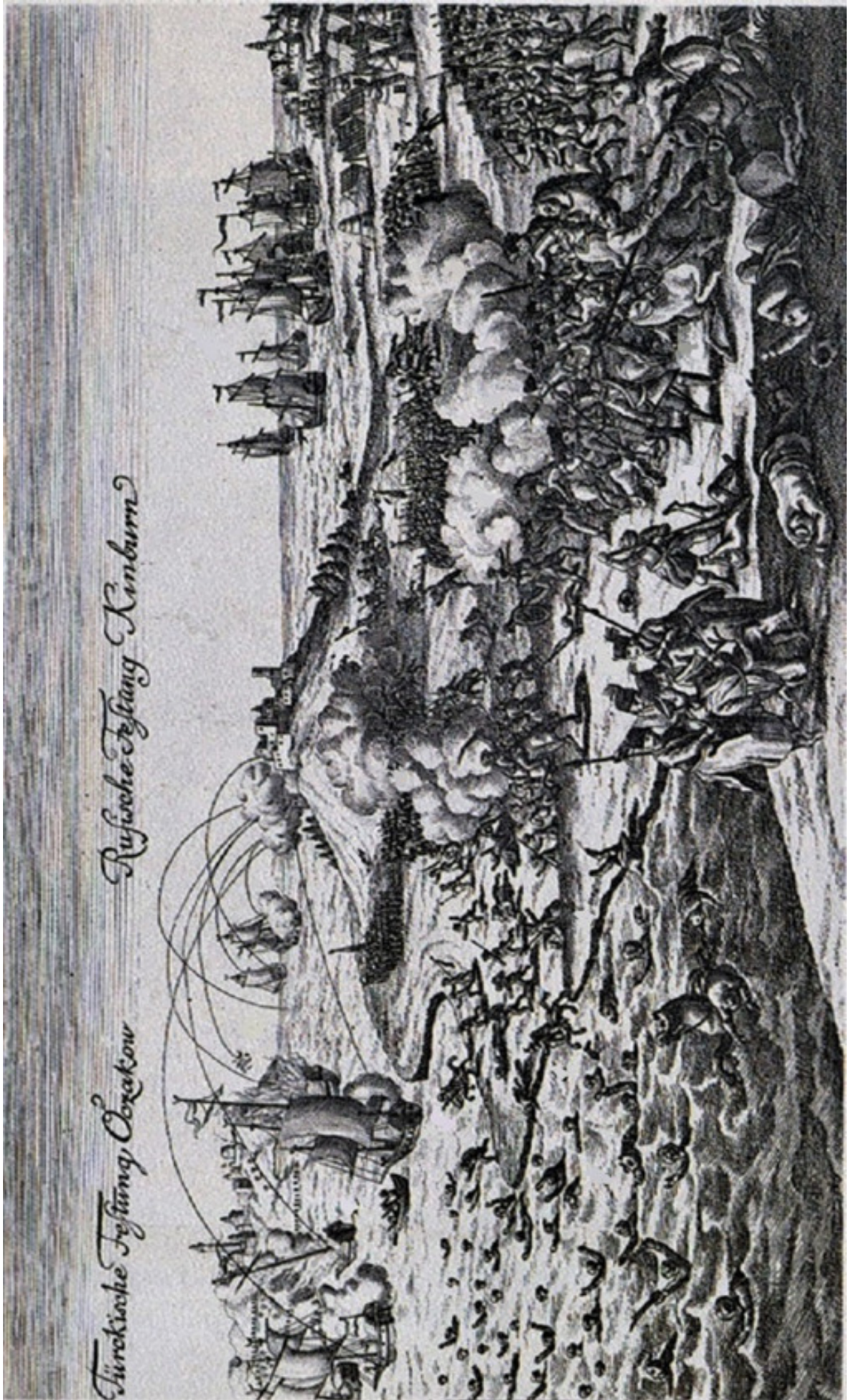
Князь Потемкин писал Екатерине 7 декабря, которая ранее постоянно торопила его со штурмом: Более подробнее про штурм Очакова можно прочесть в другой моей книге «Сенявин» про адмирала Алексея Наумовича Синявина. *«...поздравляю Вас с крепостью, которую*

турки паче всего берегли. Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на экзерциции бывает лутче. Гарнизон до 12000 отборных людей-не меньше, на месте положено семи тысяч, что видно, но в погребях и землянках побито много. Урон наш умеренный, только много перебито и переранено офицеров, которые шли с жадным усердием и мужеством. Убит генерал-майор князь Волконский на ретрашиементе и бригадир Горич на стене... какие труды армия моя понесла и сколько наделала неприятелю урону, того не вдруг можно описать... тяготит меня пленные, а паче женицины. Зима жестока, как в России. Отправлять их хлопот много. В городе строения переломаны нашими пушками, много нужно починать».

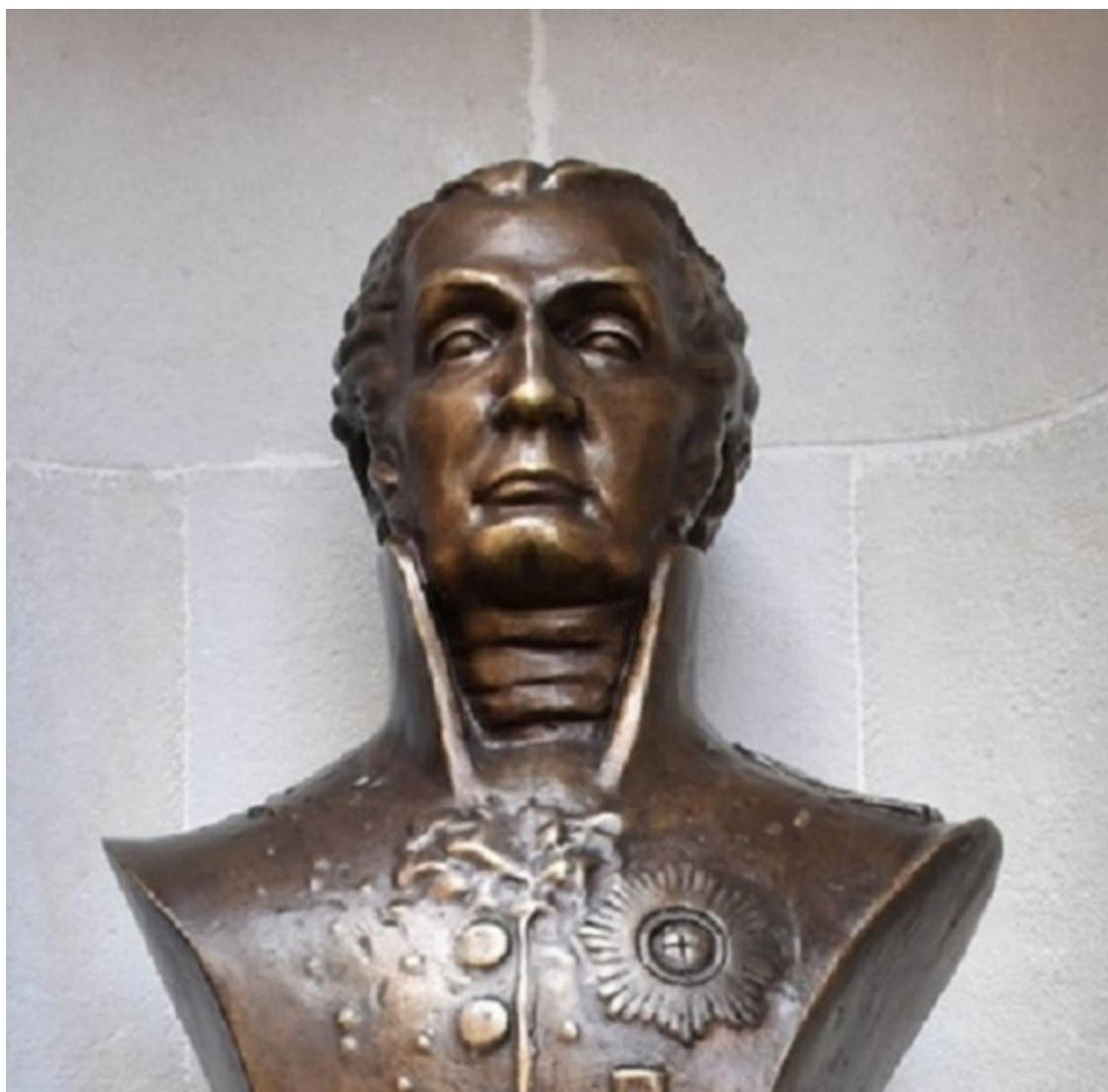
В середине декабря главнокомандующему Григорию Потёмкину приходят сведения, что льдом многие суда в днепровском лимане были потоплены. Особенно Потёмкин злился что 42-пушечный фрегат «» под командою капитан-лейтенанта Семёна Мякина потонул у Кинбурнской косы. В это время Мордвинов временно выехал в Херсон к своей беременной жене. Об этом доложил главнокомандующему бригадир канонирских лодок подполковник Иосиф Де Рибас. Возник конфликт и Потёмкин, грубо ругаясь заставил Мордвинова писать прошение об отставке. 30 декабря он пишет бумагу Черноморскому адмиралтейскому правлению: *Василий Великий «Контр-адмирал Мордвинов по прошению его будет уволен от службы, и главная команда подо мною, как в сем правлении, так и во всех прочих местах, препоручается контр-адмиралу Войновичу. О чём черноморскому адмиралтейскому правлению объявляю к исполнению».*

В эти же дни Потёмкин пригласил к себе Дмитрия Сенявина и тот ему рассказал о рейде, который он совершил к берегам Анатолии с греческими морскими крейсерами. Потёмкин в письме Войновичу говорит про них: *«Доставьте себе сведения о греках на судах находящихся, как об офицерах и о нижних чинах; я их препоручаю в ваше особливое призрение, ибо Ея Императорское Величие высочайше мне объявить соизволила, что она поставляет себе священным долгом покровительствовать сей народ... вы представляли бы мне о воздании должном за службы их; долг мой отдавать каждому справедливость кого по старшинству и достоинству следует произвести в чины; желал бы я ради единообразия, чтоб одинаким цветом по их образу оделись греки, на что я сукна доброго доставлю; неприятель бы по сему виду больше их уважал».*

3. Капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин в Херсоне. Керченское сражение. Выборгское сражение. Бой у мыса Тендра

Наступил новый Армия ушла на зимние квартиры, оставя небольшой гарнизон в Очакове. Около крепости Кинбурн обмёрз льдом 66-пушечный линейный корабль» недалеко от моря. После смерти контр-адмирала Алексиано им временно командовал капитан-поручик Пётр Клавер, так как капитана 2 ранга Михаила Чефалиано поставили командовать гребной эскадрой. Князь Григорий Потёмкин посылает на этот корабль своего генеральс-адыютанта, капитана 2 ранга Дмитрия Сенявина и приказывает его вывести в море. Имея опыт освобождения от ледового плена, Дмитрий вместе с многочисленной командой, высадившейся на лёд, прорубали канал. Они даже при помощи пушки делали полыньи и спустя несколько дней вывели корабль на чистую воду. Контр-адмирал Марко Войнович для вступления в новую должность «» уже 8 января прибыл к крепости Кинбурн. В помощь Сенявину дали двухмачтовое транспортное судно «» и навстречу из Севастополя вышли на полахрах неутомимые греки с капитаном Григорием Ганале. 12 января капитан Дмитрий Сенявин при сильном зимнем ветре повёл линкор в сторону Тарханкута западной оконечности Крыма. Впереди двигалось «» вышеупомянутое судно. Берега по крымскому полуострову были освещены ночью при помощи костров. Посылаемые раньше в таких зимних условиях суда неоднократно терпели крушения у берегов полуострова. Спустя шесть дней капитан 2 ранга Сенявин успешно завёл линкор «» в Севастопольскую гавань, где его встречал Фёдор Ушаков. Князь Григорий Потёмкин в это время направлялся в Санкт-Петербург и с дороги писал Императрице: За этот зимний перевод корабля Дмитрий Сенявин был позже награждён орденом « 4 степени с бантом, что давалось за боевые заслуги. Потёмкин писал в своём указе: **1789 год.** *«Св. Владимир командуящим морским департаментом Березань форзейлем Св. Владимир «...через прибывшего курьера из Севастополя стало известно, что корабль „Владимир“ в гавань пришёл. Слава Богу, я очень беспокоился об нём. Граф Войнович, быв на корабле „Мария“, строящемся в Херсоне, с верхних лесов поскользнувшись упал. Я был встревожен. Однако ныне пишут, что ему легче». Святого Владимира» «...я ожидаю и впредь новых от вас заслуг, которые мне ещё приятный случай засвидетельствовать об оных».*

Контр-адмирал Марко Войнович при отъезде из Севастополя поручил командовать эскадрой бригадиру флота Фёдору Ушакову «». Сам же он в зимнее время у Кинбурна начал снимать пушки с затонувшего фрегата «» и других повреждённых судов. В Севастополе князь Потёмкин решает открыть и назначает на неё начальником капитана 1 ранга Дмитрия Доможирова. В начале апреля Войнович приказывает капитану Сенявину, собрать греческие полахкры для сопровождения транспортов и всем отрядом прибыть в Днепровский лиман. Начальником этой эскадры был назначен флаг-офицер контр-адмирала лейтенант флота Иоанис (Иван) Бардаки, который на эти 18 судов посадил Балаклавский греческий батальон и вольнонаёмных греков (более 600 человек) майора Константина Чапони. Прибыв вместе с ними к назначенному месту у Глубокой пристани Дмитрий Сенявин, отправился далее в Херсон для принятия в командование 80-пушечного линкора «», который вооружался в этой гавани. *предписываю употребить всевозможные меры и старание в исправлении судов и килевания кораблей, дабы всё поспело к открытию мореплавания Василий Великий «контору порта» Иосиф II*

Готовых на всё греческих «» контр-адмирал Марко Войнович отправляет «». 18 апреля этот отряд наших судов подошли вдоль берега к Акерману, где выходил из устья большой транспортный трекатер. Десант, спущенный на баркасах, его захватил, а турки спаслись бегством. Транспортник с ячменём, кожами и другими скобяными товарами подцепили за одним

из полакров. Далее продвигаясь вдоль побережья, греки сожгли один кирлангич и канонерскую лодку. Около устья речки Портица наши арматоры увидели три «» и погнались за ними. Турки повернули к берегу и бросив суда с кожей и шерстью бежали на берег «». Через день подойдя к городку Констанция к самому берегу укреплённой гавани и начали палить из пушек. В это время под прикрытием артиллерии спустили на баркасах десант майора Чапони более 600 человек и развернув русские знамёна взяли обороняющихся в «». Турки кинулись к берегу, но там были уничтожены картечью и ядрами с кораблей «». Позже они захватили ещё одно большое транспортное судно, шедшее из Константинополя с грузом апельсинов. Этот транспортник был приведён в Днепровский лиман, а апельсины были отправлены в Санкт-Петербург на стол Императрицы. Захваченные пленные сообщили, что султан Махмут умер, а престол занял Султан Селим. Главный командующий флотом «» был назначен « главнокомандующим и собирает огромное войско для воинского похода и освобождения Очакова. Турецкий флот под командой Хусейн-капитана собирается в «». Султан обнародовал фирман, в котором обещал, что «». *арматоров для поиска неприятеля к румелийским берегам беяды крейсера сгрузят сей товар, суда сожгли и с жильём около устья находящимся клеши заняв возвышенную горку у мельниц пресёк тем отвод к матёрой земле было сожжено 5 магазинов, 6 мечетей, 15 мельниц и множество домов капудан Хасан-паша сираксиром» Варне, Коварне и Чинганескалеси сделали многия на берегу укрепления батареями он или лишится своего трона, или отомстит России за Очаков*

Пока «» наводили страх на турецкие берега, из Херсона Дмитрий Сенявин вывел 80-пушечный линкор «» с установленными мачтами и реями. На берегу собралось множество народа в присутствии контр-адмирала. Мастера Афанасьев, Катасонов и капитан Сенявин, поставив громадный корабль на камели и провели его через мелководье в Днепровский лиман. Затем таким же образом вывели новопостроенный корабль «». *греческие арматоры Иосиф Мария Магдалина*

Здесь контр-адмирал Войнович к маю сосредоточил парусную эскадру, состоящую из 6 кораблей, 8 фрегатов и 40 более мелких судов. Помимо флагманского корабля эскадра состояла из четырёх 66-пушечных кораблей: «» -капитан 1 ранга Селивачёв, «» -капитан 1 ранга Гавриил Голенкин: четырёх 50-пушечных кораблей: «» -капитан 2 ранга Илья Ознобишин, «» -капитан 2 ранга Николай Языков, «» -капитан 2 ранга Анисифор Обольянинов, «» капитан-лейтенант Семён Бырдин. Гребную флотилию Войнович расположил под крепостью Очаков и укомплектовал её «». Потёмкин отправил на Черноморский флот 500 шведских матросов, принятых на службу России и «» принявших присягу и «». *Преображение Господне Мария Магдалина II Св. Леонтий Мученик Св. Александр Невский Св. Георгий Победоносец Св. Федот Мученик лифляндскими егерями казаков черноморских мужиков миромских*

Куттер «Меркурий» против фрегата «Венус» Худ А. П. Боголюбов

В эту самое время на Балтике наш парусно-гребной куттер «» под командой капитан-лейтенанта Роберта (Роман) Кроуна крейсировал у шведских берегов. Он был замаскированный под торговое судно. Кроун в тумане на веслах, подкрался к лежащему в дрейфе шведскому 12-пушечному тендеру. После проведения абордажных действий и «» шведы сдались «. Это был первый трофей в этом году. Дальнейшее крейсерство «» проходило в проливе Скагеррак. В мае в Христианс-фиорде (ныне Осло-фиорд) капитан-лейтенант Кроун увидел в подзорную трубу 44-пушечный шведский фрегат «» и сообщил генерал-майору флота Прохору Лежневу, который шел с эскадрой к этому месту. Догнав шведский фрегат и отрезав от берега, наша эскадра встала из-за полного штиля. Куттер «» смог на веслах подойти на расстояние ружейного выстрела к фрегату противника со стороны кормы и «». Далее моряки эскадры почти ночью пошли на абордаж и захватили фрегат «В этом бою участвовала жена капитана Екатерина Кроун. Позже Императрица наградила её женским орденом «». Завозами эскадры Лежнева окружила этот фрегат у острова Ровенен. Шведскую команду, состоящую из 300 человек, раз-

делили по кораблям. Командовать этим «» назначили капитан-лейтенанта Голенищева-Кутузова. Этот фрегат был в хорошем состоянии и хорошей конструкции «». За эти подвиги капитан-лейтенант Роман Кроун был награждён Императрицей орденом «» 4 степени. *Меркурий довольного сопротивления людей на нем в плен взято 33 человека» Меркурия» Венус Меркурий выпалил с обеих сторон из нескольких пушек с ядрами, но не сделал иного повреждения кроме такелажного подобный подвиг, где 40 пушечный фрегат, в бою, один на один с небольшим разведчиком, вооруженным 22-мя каронадами, сдался потрясенный решительной отвагой и дерзостью своего противника». Святой Екатерины призом при том обшит медью и имеет на нижнем деке по 15 портов на стороне, а пушек 24 фунтового калибра числом 26; на шканцах и баке 6 фунтового калибра 14 пушек; в ходу сей фрегат примечен лучши каттера Меркурий Св. Георгия*

Командующему Севастопольской эскадрой Фёдору Ушакову было присвоено звание контр-адмирал. Войнович в помощь ему прислал капитана флота Овцына. 19 июня все корабли: «» были выведены из гавани для обучения новых рекрутов. Турки появились у Гаджибея в июне численностью в 17 кораблей, более 16 фрегатов и множества других судов. Греческие полакры лейтенанта Глези приблизились к турецкому флоту и тот снялся с якоря и вышел в море, где лавировал весь день. К ночи флот встал на якоря между Березанью и Гаджибеем. Спустя несколько дней неприятельский флот вышел крейсировать в Чёрное море. *три 60-пушечных, два 54-пушечных, осьми 40-пушечных фрегатов, двух вооруженных корсарских судах, трех брандеров*

Материалы для истории русского флота ч.13 под ред Ф.Ф.Веселаго

Контр-адмирал Войнович 26 июня прибыл на флагманский корабль «», которым командовал капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин и поднял свой флаг. В начале июля к ним присоединились корабли «-капитан Гавриил Голёнкин, «» -лейтенант Спиро Лицордофуло и бомбардирский корабль «» -капитан-лейтенант Дубровин. Именно в это время Дмитрия Сенявина наградили орденом «» 4 степени с бантом. Он первый получил орден с таким отличием за боевые заслуги перед отечеством. Девиз ордена был «». Все помнили, как Сенявин зимой спасал из ледового плена 66-пушечный корабль «». Вручил ему эту награду контр-адмирал Войнович на флагманском корабле, когда вся команда из 800 служащих стояла на торжественном построении. Золотой крест с красной эмалью особого вида на красно-чёрной ленте он носил на шее, а ранний орден « 4 степени в петлице (пуговичной прорези мундира). Вторым кавалером такого ордена стал капитан Михаил Барклай де Толли. *Иосиф Мария Магдалина» Григорий Великия Армении Константин Святого равноапостольного князя Владимира польза, честь и слава Святой Владимир «Св. Георгия*

Князь Потёмкин в это время был в войсках в Ольвиополе, куда ранее отправил в Украинскую армию генерал-аншефа Александра Суворова. Наши войска под Фокшанами совместно с австрийцами разбили 30 000 корпус Юсуф-паши, войска которого потерпели неудачу и бежали к рекам Безо и Рымник. После этого он направился к Очакову для руководства флотом.

На Балтике в июле произошло примерно в 50 милях к юго-востоку от острова Эланда у берегов Швеции. Адмирал построил свой флот «», чтобы сражаться на обоих галсах. Сражение довольно упорно продолжалось между двумя авангардами на большом расстоянии. Три наших судна получили различные повреждения и вышли из линии боя. Четверо суток продолжался этот рваный бой. Приведу цитатату Чичагова графу Безбородко: « Многие историки путают Сенявины. Здесь сражался сын адмирала Алексея Наумовича Сенявина (которому 21 год). Он командовал 74-пушечным линейным кораблем «» в строительстве которого принимал участие его отец в Санкт-Петербургском адмиралтействе. Находясь в эскадре Чичагова, принимал активное участие в этом бою и вел прицельный огонь по шведам находясь в авангардии. Когда шведское ядро попало в корабль и убило 2 матросов Григорий Сенявин

был на палубе и чудом не угодил под этот снаряд. После того как он увел корабль из линии боя на борту оказалось ещё 17 раненых матросов. **Эландское сражение Василий Яковлевич Чичагов капитан-лейтенант Григорий Алексеевич Сенявин на двух линиях бейдевинда ...о время сражения больше прочих пострадали корабли: „Мстислав“, под командой капитана Муловского, „Дерись“ – капитана Престона, „Победослав“ – капитана Сенявина, „12 Апостолов“ – капитана Федорова (на нем был контр-адмирал Спиридов), „Вышеслав“ – капитана Тезигера, да из кордебаталии „Болеслав“ – капитана Шешукова, которые все довольно выдержали от неприятельского огня, храбро отражая его, ибо неприятельское намерение приметно было учинить наисильнейшее нападение на фланге нашей авангардии». Победослав**

Эландское сражение. Художник Й. П.Кумелин

В Севастополе контр-адмирал Фёдор Ушаков свои корабли испытывал вдоль побережья и конечно выявилось много недостатков. Ранее к нему был прислан капитан 1 ранга Иван Тихонович Овцын, который исполнял должность флаг-капитана или по-другому начальника штаба. Контр-адмирал Ушаков, по полученным сведениям, собирался сделать нападение на Синоп, Самсун и Анапу. Он пишет письмо Потёмкину, не ставя в известность Войновича и жалуется, что ему не дают самостоятельно руководить эскадрой « Овцын написал письмо Войновичу о состоянии порта и эскадры, что не понравилось Ушакову, и контр-адмирал просит Потёмкина убрать от него этого начальника-штаба. *немилости ко мне Войновича безпредельны оскорбительныя чувства лишают последнего здоровья и отнимают способность употребить ободрённый дух против неприятеля, всепокорнейше прошу не оставить милостью и покровительством».*

Флот турецкий стоял у Гаджибея и никто не знал что турки намерены предпринимать. В начале сентября контр-адмиралу Ушакову пришло донесение с Конрадского пикета, в котором казаки сообщали, что видели вдалеке турецкие суда, направляющиеся в сторону Козлова. Он просит сообщить какие действия надо предпринимать. Контр-адмирал Войнович приказал Севастопольской эскадре прибыть к мысу Тендра. В этих числах Войнович находился на корабле «», которым командовал капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин и вышел в море к мысу Каробаму, но начавшаяся буря заставила всю эскадру вернуться к острову Березань, где у турецкого берега стояла эскадра противника. *Иосиф*

22 сентября Севастопольская эскадра появилась идущая со стороны Крыма и турки видя, что возможно будет морское сражение решили сняться с якорей и ушли на юго-запад в море. На другой день Днепровско- лиманская флотилия двинулась вдоль берега к Гаджибею (ныне Одесса). Парусные корабли Войновича отделились в море на поиск турецкой эскадры и нашли её в 30 верстах от берега напротив днепровских устьев. На корабле «» у капитана Ознобишина появилась течь, и вся эскадра подошла к берегу Тендровской косы. Севастопольской эскадры контр-адмирала Ушакова к тому времени уже там не было. Она шла вслед турецкой эскадры исполняя поручение «» и при начавшейся бури вернулась в к Севастополю. Двухмачтовое парусное 14-пушечную шхуну «» капитана-лейтенанта Георгия Карандино отнесло к Евпатории, где он и заметил вдалеке лиманскую эскадру Войновича, стоящую на якорях. Вот как писал Ушаков Потёмкину ». 29 сентября 1789 года корабли контр-адмирала Войновича вошли в Севастопольскую гавань, но 66-пушечный корабль « » капитана 2 ранга Дмитрия Доможирова заходил последний и его снесло на камни. Вот как писал Войнович Потёмкину «». Потёмкин был недоволен действиями Войновича на море, который каждый раз ссылался на сильный противный ветер. *Леонтий Мученик об отводе его в море Полоцк «...он (Карандино) делал флаг опознания, на который с контр-адмиральскаго корабля ему ответствовано, и посему имею честь поздравить Ваше Сиятельство, что флот наш можно почестъ уже соединенным, ибо и таганрогская эскадра находится уже здесь на севастопольском рейде Св. Александр корабль с камней снят благополучно и спасен без всякого большого вреда; одной только фальшивой обшивки несколько отодрало, которое килеванием исправится... брига-*

дир Баскаков, капитаны: Баранов, Обольянинов, Поскочин, Юрьев наусерднейшие трудились к спасению корабля

В августе на Балтике гребная флотилия вице-адмирала принца Нассау-Зигена принудила шведскую эскадру удалиться в шхеры за остров Пакаршхер. Гребная флотилия шведов под командованием адмирала Карла Эренсвельда, насчитывающая около 50 кораблей, встала на рейд шведской крепости (нынешняя финская Котка). Шведы полагали себя в безопасности, перегородив единственно доступный для крупных кораблей пролив и затопили там три старых транспорта. Вице-адмирал Круз с парусными кораблями прикрывал гребную флотилию. Более суток происходило сражение. Шведы были атакованы сразу с двух сторон. **Роченсальм**

Первое Роченсальмское сражение. Карта 19 века.

С гребной флотилии на острова был высажен 5000 десант. При помощи подготовленных особых команд плотников наш десант прорубал себе проход среди островов, одновременно ведя огонь. Принц Нассау-Зиген писал с поля боя Императрице: ». «...неприятель сжег много своих судов, но мы еще их находим между островами... адмиральское судно с 4 другими большими судами, 1 галера и куттер взяты нами в плен после 14 часового сражения, но я уже 24 часа как нахожусь в работе и умираю от усталости. Наши потери довольно чувствительны: две галеры взорваны на воздух и по несчастию на них находилась гвардия... лагерь короля застлан ещё дымом от его собственных судов, которые они сами вынуждены были зажечь

Сын адмирала лейтенант Павел Чичагов вспоминал немного иначе: « Эскадра противника была разгромлена, потеряв 40 кораблей, более 1000 человек убитыми и утонувшими. При бегстве с рейда шведы сожгли все свои транспортные суда. Сам командующий вице-адмирал принц Нассау-Зиген позже был награжден орденом Андрея Первозванного. ...очутившись уже в Роченсальмском проходе, наши отобрали назад у шведов взятые ими в плен суда резервной эскадры „Перун“ и „Поспешный“, захватили фрегат „Аф-Тролле“ вместе с галерой и канонерской лодкой, судно „Росвальд“ с начальником отделения шведской флотилии подполковником Розенштейн и „Бьерн-Иернсиду“. Сражение продолжалось еще в темноте и окончилось на другой день 14 августа, когда остатки неприятельской флотилии уходили за остров Пуссало. Сам король Густав, видя, что спасения нет его судам, приказал до 30 сжечь и взорвать на воздух. Зарево пожарища осветило всю местность. Ожесточенная битва закончилась столь своеобразным фейерверком. Мы взяли в плен до 37 офицеров и 1100 солдат и потеряли офицеров 15 убитыми и 39 ранеными, да нижних чинов 368 убитыми, 589 ранеными. Вот истинное изображение Роченсальмского сражения!».

В это же время на суше и другом фронте войска генерал-поручика Ивана Васильевича Гудовича взяли крепость Гаджибей и Аккерман и далее продвигались вдоль берега. Конечно, им нужна была подмога с моря.

В начале октября по приказу Потемкина контр-адмирал Войнович со всем Черноморским флотом, состоящим из 11 кораблей, 5 фрегатов, бомбардирского судна и 13 крейсерских греческих шхун выступил к Румелийским берегам для поиска противника и прикрытия сухопутных войск с моря. 10 октября при сильном ветре флот достиг острова Фидониси (Змеиный) напротив устья Дуная. Корабль «» в связи с повреждением «». Весь флот провёл обзор Килийского устья и бухты Мусура и не нашёл кораблей противника. Далее контр-адмирал Войнович, вместе с капитаном 2 ранга Дмитрием Сенявиным и контр-адмиралом Фёдором Ушаковым обследовали всё побережье до мыса Калиакрия. Все корабли и капитаны подвергались жестокому испытанию «». Потёмкин писал Екатерине ». *Иоанн Богослов сандерсов от большой качки и тяжёлой артиллерии отпущен к своему порту терпел флот жестокие бури «... что изволишь, матушка писать о Войновиче, и я согласен, что он не весьма боек. Но флот ещё и по сию пору в море. Я уже послал его воротить его от турецких берегов. Однако ж мы сделали довольно. Эскадры были разбиты на 3 части, и мы соединили их под носом у непри-*

ятеля. Турки, в больших будучи силах, упали стремглав. Потоплено у них три канонерных судна и шесть взято

На 80-пушечном корабле «» капитан Сенявин после одной из стоянок при подъёме якоря сломал его пополам, что не предвещало хорошего, далее он порвал два каната, которые оказались гнилыми. Управлять кораблём в таких условиях было весьма тяжело, это понимал и Войнович. Он дал команду всем кораблям флота возвращаться вдоль побережья в Севастополь. Почти неделю при сильном ветре Черноморский флот продвигался от Тендры до мыса Тарханкут. *Иосиф*

Здесь Дмитрий Сенявин на своём линкоре сломал второй якорь и вынужден всегда держать свой корабль на реях. 3 ноября все корабли «». Следующим днём благополучно вошли все остальные корабли, только крейсерские полакры отнесло к мысу Ласки. Этот случай показал всем нам как трудно было управиться 26-летнему капитану 2 ранга Дмитрию Сенявину и при сильном ветре завести свой громадный линкор (с одним оставшимся якорем) в гавань, но он достойно справился с этой трудной задачей «». 12 ноября князь Потёмкин даёт команду Войновичу срочно отправить к нему в Яссы контр-адмирала Ушакова. *оказались у Аиския горы с устьем севастопольской гавани, но сильный ветер от северо-востока не позволял вход в гавань, а при усилении парусов в два поворота флот выиграл место и достиг гавани, так что часть кораблей и успели прежде ночи войти сие устранил всякаго искусству сведущаго человека*

Здесь я приведу очень интересное письмо Григория Потемкина к Императрице Екатерине II из Бендер от 9 ноября 1789 года. *«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Вот и Бендеры Бог дал даром. Войски вообще оказывали рвение. В два месяца неприятель разбит повсюду. Больших и малых крепостей взято четыре. Весьма важно приобретение Бендер по своей позиции, которая поставляла сию крепость, при всяком нашем движении, – в тылу, для чего большую часть войска оставлять было должно. Близость ее от Польши тоже связывала руки, разрезывала она сообщение с нашими границами. C'est une forteresse royale (Это королевская крепость), сильна артиллериею и гарнизоном. Отделана совершенно хорошо. Гораздо превосходнее противу прежнего строения. Все новое. Что изволишь, матушка, писать о Войновиче, и я согласен, что он не весьма боек. Но флот еще и по сию пору в море. Я уже послал его воротить от турецких берегов. Однако ж мы сделали довольно. Эскадры были разбиты на три части – мы соединили их под носом у неприятеля. Для сего потребны были разные ветры. Турки, в больших будучи силах, упали стремглав. Потоплено у них три канонерных судна и шесть взято.*

Я Вам скажу в стихах:

Мы взяли девять баркасов, (Nous avons pris neuf lancons)

Не потеряв даже мальчика, (Sans perdre un garçon).

И Бендеры с тремя пашами, (Et Benders avec trois pachas)

Не потеряв даже кошки (Sans perdre un chat)

В ответ 25 ноября Екатерина повторила эту песенку и прибавила «» и пропела и далее добавила: *« охотно я пропою с вами песню, которую вы сочинили J'aime a Vous voir en aussy bonne humeur et Vous avez lieu de l'etre apres une aussibrillante campagne. Soyес assure que je me rejouis bien sincerement de Vos success. (Люблю вас видеть в таком хорошем расположении духа, и вы имеете основание быть таким после блистательной кампании. Будьте уверены, что я чистосердечно радуюсь вашим успехам)».*

Командующий Черноморским флотом контр-адмирал Марко Войнович по окончании компании этого года отбывает в Херсон, где у него проживала беременная жена Анна Павловна (в девичестве Алексиано).

Наступил очередной год. Морозы в эту зиму стояли крепкие. Князь Потёмкин писал Екатерине «» и просил держать в тайне в этом году намерение «». Потёмкин в новую компа-

нию на море собирался сам возглавить весь Черноморский флот. Для этого он активизирует достройку кораблей, находящихся на стапелях. Уже 2 января Войнович отправляет донесение Потёмкину о строительстве корабля «» и просит назначить на него капитана. **1790** *замёзиими чернилами действовать в Чёрном море наступательно, а разглашать что будете держаться у своего берега оборонительно Навархия Вознесение Господне*

Контр-адмирал Фёдор Ушаков через личного секретаря Потёмкина генерала Василия Попова, которому отослал в прошлом году несколько писем и уверил Главкомандующего о притеснение его со стороны Войновича. Вот небольшая цитата из одного письма: ». Василий Степанович Попов так же напомнил Его Светлости Григорию Александровичу о том, что и Императрица в одном из писем упоминала о медлительности Войновича. Контр-адмирал Ушаков прибыв в Яссы и застал Потёмкина больным. Несмотря на это он всё же «». «...я здесь весьма притеснённый командир... засим весьма многое на разные донесения мои его превосходительству вижу от него несоответствие, даже всякая рекомендация и просьба моя остаётся в пренебрежении со вредом... он находит и пишет неудовольствие и тем принуждает впрёдъ к молчанию... покорнейше прошу вас, милостивый государь, не оставить меня в таком случае вашей милостью и исходатайствовать милость и покровительство его светлости самолично во всём обьснислся

В своём разговоре упомянул о неудачном заходе корабля «», в Севастопольскую гавань которого капитан Доможиров посадил на камни. Фёдор Ушаков обвинил в неумении командовать эскадрой в сложных условиях Войновича. Потёмкин решил отстранить последнего от должности командующего флотом и в марте назначил своим указом контр-адмирала Ушакова «». Он ему рекомендует срочно заняться в Херсоне комплектацией и снабжением судов «». Вот как об этой перемене Потёмкин пишет Екатерине: «». *Александр препоручаю вам начальство флота по военному употреблению, а как я сам предводительствовать оным буду, то и находиться вам при мне, где мой флаг будет командиров распределить, смотря не на одно старшинство, но и на способности ...наш флот и флотилия сильнее уже турецкого. Но Адмирал Войнович бегать лих и уходить, а не драться. Есть во флоте Севастопольском Конт-Адмирал Ушаков. Отлично знаю, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник*

Крейсерские греческие полакры Потёмкин приказал вооружить новыми английскими пушками большего калибра. Эскадренными командирами были назначены бригадиры флота Гавриил Голенкин и Павел Пустошкин. Именно последний командовал строительством двух новых фрегатов на верфи Рогожских хуторов в дельте Дона. Это были 46-пушечные фрегаты «» и «» строительство которых финансировал из своих личных средств Григорий Александрович. *Царь Константин Фёдор Стратилат*

На строящиеся в Херсоне и Николаеве корабли Потёмкин назначает своих самых близких и надёжных капитанов. На 46-пушечный корабль «» был назначен капитан 2 ранга, «» Дмитрий Сенявин, а на 44-пушечный «» капитан 1 ранга второй адъютант Михаил Львов. Эти корабли должны были по мыслям генерал-фельдмаршала всегда быть при нём «». Напоследок Потёмкин наставлял Фёдора Ушакова: Другому своему приближённому генералу-майору Иосифу де Рибасу он поручает командовать всей грёбной Черноморской флотилией Эти перемены в командовании Черноморском флотом в последствии дали правильный результат. *Навархия Вознесение Господне генеральс-адъютанат Святой Николай только сии 3 корабля всегда будут неразлучны «...препоручаю наблюдать в подчинённых строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достоинствам, и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая все возможные выгоды людям и удаляться от жестоких побоев». «...разделить оную на эскадры по роду судов её составляющих, обучать маневрам, строиться полумесяцом, для действия курийными пушками, ложиться в линии, ходить колоннами, спускаться по сигналу в погоню, идти на abordаж и прочия делать движения. Обучение артиллеристов долженствует быть особливим предметом; каждой эскадре*

иметь флюгер особого цвету как можно явственнее; вам флаг иметь андреевский крест в красном поле. Сигналы сочинять ясные и порядочные».

Контр-адмирала Войновича Главнокомандующий определил в Каспийскую флотилию, но он отпросился в отпуск «». После смерти австрийского императора Иосифа, корабль на котором ходил в плавание Дмитрий Сенявин, Главнокомандующий переименовал в «» заслуги которого мы знаем по историческим событиям. Для принятия в командование нового корабля капитан 2 ранга Сенявин должен был отправиться в Херсон на греческих крейсерах. *на год с паспортом в дом в Триест, для призрения старого отца при смерти находящегося Рождество Христово*

Линкор. Художник Ван Дер Вельде.

Их планировали сопровождать шедших на ремонт в Николаев двух фрегатов: «» и «». Греки на 7 судах ушли в Херсон 10 марта и по пришествии Спирос Кундури, Лука Фока, Дионисий Каравье, Николай Верготи обратились к новому командующему с прошением вернуть обещанные деньги за их полакры которые были «». Новый командир Фёдор Ушаков поступил хитро и сначала обратился письмом к своему «» Василию Попову. В апреле контр-адмирал прибыл в Севастополь на греческих крейсерах. В то же время наблюдатели, находившиеся на высоком берегу у Балаклавы, заметили турецкие корабли, шедшие на восток. Ушаков не стал сразу выводить корабли в море без провианта и нехватки матросов, а написал письмо Таврическому губернатору Семёну Жегулину, который снабжал флот. За капитаном Сенявиным числился корабль «», который он после кренгования предавал капитану 2 ранга Матвею Ельчанинову. *Матвей Евангелист Лука Евангелист взяты в казну protégé Рождество Христово*

Выполняя приказ Главнокомандующего, Фёдор Ушаков не дал Сенявину морской транспорт, и отправляет его «». Начальника штаба Ивана Овцына, Потёмкин приказывает отправить в Николаев и определяет его капитаном над портом. Позже Ушаков поручает ему вместе с 4 крейсерскими судами сопроводить фрегат «» до Днепровского лимана. Уже 23 апреля в Херсоне был спущен со стапеля 46-пушечный корабль «» и капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин начал комплектовать команду. Из Севастополя к нему были посланы надёжные и опытные моряки, которые позже начали обучать рекрутов. Епископ Феодосийский Дорофей (Возмуйлос) по происхождению грек при своей поездке в Мариуполь «». Они были отправлены в Таганрог к бригадиру флота Пустошкину, которых тот переправил на транспортных судах в Севастополь. Императрица Екатерина за этот призыв позже лично подарила епископу крест и панагию. *сухим путём, дабы он не упуская времени, находился при вверенном ему корабле Матвей Евангелист Навархия Вознесение Господне приохотил к морской службе 500 греков, искусных в мореходстве*

Пока на Чёрном море готовятся корабли в Балтийском шведы первыми подошли к нашим берегам. Адмирал младший брат короля Швеции Густава III имел вспыльчивый и неуравновешенный характер и по своей горячности решил по весне нанести нашему флоту первый удар. Адмирал, находясь в получил известия от капитана Тета что «». Не выходя в море, наш адмирал поставил свои корабли в 3 линии на якорях вдоль берега. Шведы планировали с ходу атаковать наши корабли проходя мимо в кильватерской колонне и стреляя с одного борта. Повторять этот маневр они планировали до тех пор, пока не потопят наши суда. Ветер был сильный и переменчивый. Шведам приходилось на подходе убирать паруса, и стрельба из пушек из-за качки была не точной. Наши корабли стоя на месте точнее вели ответный огонь. Линейный флагманский шведский корабль «» так близко приблизился, что, получив от 100-пушечного «» капитан 2 ранга Павел Чичагов и «капитан 2 ранга Николай Барш кучу ядер едва вышел из-под обстрела. **Карл герцог Зюдерманландский Василий Яковлевич Чичагов Ревеле флот шведский, лавирует от запада к востоку численностью в 28 судов Густав Ростислава Саратова»**

Ревельский бой. Художник А. П. Боголюбов

В следующем заходе 64-пушечный шведский линкор «» занесло на нашу сторону, что, получив множество пробоин и потеряв мачты вынужден был сдаться. Два других корабля около острова Вульфа встали на мель и позже сожжены шведами. *Принц Карл*

Спустя две недели после Ревельского сражения вышла Черноморская эскадра контр-адмирала Фёдора Ушакова. Она приняла на свои корабли десантные войска более 600 человек и из Балаклавы «». В её составе было: «» покинула Севастопольский рейд и направилась на поиск неприятеля к берегам турецкой Анатолии. Бригадиру флота капитану Гавриилу Голенкину он приказал вывести остальные 6 больших кораблей на рейд «». Разделив греческие корсарские суда на три отряда, Ушаков отправил их вперёд как разведчиков. 21 мая 1790 года вся эскадра подошла к и с кораблей увидели, как полакры ведут «». Они взяли в «» 4 турецких купеческих судна и привели к эскадре. Стоящие в гавани около крепости два фрегата Ушаков блокировал «». Ветра почти не было, и контр-адмирал послал к крепости два фрегата «» и «» для поддержки «». Все неприятельские суда были «». Потом он, проходя с кораблями немного пострелял по берегу ». Капитаном на нём был Фёдор Васильевич Поскочин. Весь день турки в страхе бегали по берегу и «» старались нанести хоть какой-то вред эскадре. В городе был замечен страх «». На другой день корсары привели ещё 5 транспортных судов с товаром, а три было потоплено. 25 мая эскадра подошла к городу и так же страх на противника нагоняли крейсера, на которых было более 1000 десантников. Через три дня Ушаков приблизился к крепости, где в бухте стоял большой корабль, фрегат, шайтья и не зная глубин действовал осторожно. Ночью он «». *греческого полку подполковника Чапони 352 человека 3 корабля, 4 фрегата, 1 репетичное судно „Полоцк“ и 11 крейсерских судов, и 1 кирлангич на всякий случай к выходу в море во всякой исправной готовности перепалку с пушечной пальбой по берегу и крепости призы всю ночь лавировал и лежал в дрейфе Иоанн Воинственник Нестор Преподобный греческих арматоров в такой робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и безпрестанно места свои переменили «...а 54-пушечный корабль Георгий послан ближе ещё вперёд обойти и нанести им более страху который проходя батареи и крепость, и суда открыл жестокий по ним огонь... во фрегаты положил несколько ядер в беспорядочной пальбе из ружей наведённый нами и корсарскими крейсирующими около берегов, которые гонялись за судами им попадающими и за барказами на своих вооружённых гребных почти безпрестанно из пушек и из ружей пальбою более рассеивали по берегах страх и беспокойство приказал тянуться завозами далее в бухту и кораблям стать против судов на шпринге*

Синопскому берегу Самсон Анапа

Бой при Анапе. Гравюра 18 века.

Далее наши корабли открыли огонь ядрами, бомбами и брандскугелями. Турки отвечали «». Затем корабли эскадры отошли в море и встали на якоря. Утром турки видя наш флот снова открыли огонь, но их ядра не долетали. Наведя страх на этот город, контр-адмирал Ушаков, отправился в Севастополь, куда и прибыл 5 июня. *бросая бомбы и карказы, которые недолетая на воздухе лопались; ядра же перелетали чрез наши суда*

В конце июня Ушаков получает сведения от казаков Кирмашского пикета, что в сторону Севастополя идут 10 турецких кораблей. Турки, подойдя встали на дрейфе далеко в море. Контр-адмирал ещё комплектовал корабли солдатами Старооскольского полка. Он докладывает Потёмкину: «...». Он выслал для разведки 4 крейсерских судна и приказал всем капитанам быть готовыми к выходу. На другой день турецкая флотилия ушла в сторону Балаклавы. Ушаков разделил свой флот на три эскадры: авангардия -3 корабля («»), 2 фрегата, кордебаталлия -4 корабля («»), 2 фрегата и арьергардия -3 корабля («») и 2 фрегата. Так же во флоте состоят 13 греческих крейсеров, 2 брандера и репетичное судно «». Охранять Севастопольский порт он поручает капитану 1 ранга Дмитрию Доможирову. Поправив корабли, запасясь провизией и налившись водой контр-адмирал снова вывел на рейд свой флот и отписал Потёмкину, что готов для дальнейших действий. В это время пришло известие из наблюдательного

пункта что турецкий флот численностью более 50 судов прошёл морем в сторону Еникале. В начале июля Севастопольский флот вышел вдоль крымского берега на поиск неприятеля. Артиллеристов он приказал обучать в пути «. Прибыв к Феодосии, он встал на якоря из-за сильного северного ветра. Далее он получил сведения от городничего Лаушева, что турки ушли в сторону Анапы. Весь наш флот двинулся к Керченскому проливу. Утром следующего дня флот снялся с якорей и рано утром 8 июля подошёл к проливу напротив мыса Такиль и Ушаков приказал всем «». Одну полакру он отправил в сторону Анапы, которая сообщила сигналом что видит «». Через полчаса показался весь турецкий флот шедший на всех парусах «. Контр-адмирал Ушаков приказал сняться с якорей и приготовиться к бою и «». Два флота шли в линию навстречу друг другу. Турки, поравнявшись с нашим авангард под командованием бригадира флота Гавриилом Голенкиным начали «» и Ушаков дал команду флоту «». Наши корабли авангарда «капитан Фёдор Поскочин» -капитан Николай Кумани и фрегаты «» – капитан Андрей Баранов и «. » -капитан Антон Алексиано жёстко ответили на турецкую стрельбу и привели его в замешательство. Капитан-паша Хусейн добавил к сражению корабли с большими орудиями, стрелявшими с большого расстояния. Ушаков в ответ сигналом вывел из линии флота фрегаты, чьи пушки не могли достать турок и создал резервный корпус. Сам же с кордебаталией («» -капитан Яков Саблин, «» -Матвей Ельчанинов. «» -Николай Языков «» -Александр Обольянинов) прибавив паруса вступил в бой. Ветер поменялся на северный и турки повернулись « » всеми силами спустились на «» и «» где был контр-адмирал. Наши корабли стреляя из всех пушек «». Один турецкий 16-пушечный парусно-гребной кирлангич вместе с командой до 80 человек во время боя пошёл ко дну. Ушаков командовал своим кораблям повернуться «» и начать преследовать турок. Капитан-паша «». Попростому Хусейн-паша убежал от Ушакова, его корабли были лучше в ходу. Наш флот гнался до за ними до темноты. На небе была облачность и свет луны не проникал на море. Турки, не зажигая огней скрылись в мраке ночи. На рассвете следующего дня кораблей противника не было видно. Ушаков направил свои корабли в Феодосийскую бухту и уже ночью «». Потери нашего личного состава состояли из 29 убитых и 68 человек раненых «». Следующим днём поправив паруса и такелаж флот отправился в Севастополь куда и прибыл 12 июля «». *поспешу выйти для отражения неприятеля, а между тем пока остаюсь на рейде... изыщу выгодные способы выйти и сделать отражение Св. Георгий», «Мария Магдалина II», «Иоанн Богослов Преображение Господне», «Рождество Христово», «Александр», «Св. Владимир Пётр Апостол», «Св. Павел», «Св. Андрей Полоцк на всех кораблях делать ежедневно экзерциции пушками, переменя командоров, научить исправно оной должности по крайней мере у каждой пушки по 3 человека... когда случится с неприятелем иметь сражение, напрасно не растреливаться, буде дистанция велика, стрелять по пробе из больших пушек, а из малых только тогда, когда дистанция весьма близка» лечь на якорь, корсерским же судам велел крейсировать кругом флота посторонние суда по ветру прямо на наш флот и состоял из 10 линейных кораблей, 4 флагманских, 4 отборных и двух прочих помельше, 8 фрегат, бомбардирских кораблей, шебек, бригантин, шайты, лансонов и кирлангич числом 36» лечь в линию баталии леваго галса, а корсерским судам быть под ветром флота производить жестокий огонь вступить в бой Св. Георгий» - , «Мария Магдалина», «Иоанн Богослов Иоанн Воинственник Св Иероним Преображение Господне Рождество Христово Св. Александр Невский Св. Владимир через овер-штаг Преображение Господне Рождество Христово причинили великий вред на многих кораблях и самого капитан-пашинского; из оных весьма повреждённые 2 корабля в стенах и реях и один в руле со сбитою бизань мачтою упали на нашу линию... вице-адмиральский корабль так же весьма повреждён, паруса фор-марсель и кресель упали на низ и были без действия овер-штаг спеша бегством взял вперед и прибавя парусов растягивал свою линию кораблей, закрывая многими судами свои повреждённые в дальнем расстоянии от оной лег*

на якорь повреждения в корпусах кораблей весьма малы в 5 часов вошед на рейд стал на якоря благополучно

Керченское сражение. Художник К. Ретунский

Как раз в эти самые дни капитан Дмитрий Сенявин вывел свой 46-пушечный корабль Кинбурну и происходила погрузка в трюм чугунного балласта. Сразу после этого ему привезли двадцать 24-фунтовых медных пушек английского производства и поставили по бортам. На шканцах и баке установили двенадцать 18-фунтовых медных пушек русского производства, четыре 12-фунтовых, четыре 6-фунтовых и 4 однопудовых чугунных «». Со всех сторон к кораблю было невозможно подойти противнику, так как он мог стрелять на все 360 градусов. *«Навархия Вознесение Господне» единого*

Главнокомандующий князь Григорий Потёмкин прислал с наручным «», в котором благодарил всех участников Именно после этого боя в письме к Екатерине Григорий Потёмкин писал: *« ордер «...отдал полное уважение победе, приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил. Примите чрез сие засвидетельствование моего удовольствия и признательности и объявите оные всем подчинённым вашим; поставляя за долг воздавать заслугам, применю я охотно исполнить все те подвиги, которые будут вами засвидетельствованы». ...контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней. Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель».* **Керченского сражения**

Российской Империи приходилось вести войну на два фронта. Шведская эскадра после неудачи под Ревелем, пришла к у финского берега. Там зимовала наша шхерная гребная флотилия под начальством капитана 1 ранга Петра Слизова. Король Густав для предстоящего боя привёл свою гребную эскадру, состоящую из 154 судов. Наши имели вдвое меньше судов и была острая нехватка ядер, картечи и пороха. После 7-часового боя наши гребные суда стали отступать под стены крепости. Флот Слизова потерял большое количество судов и отошёл в глубь залива. Десять полугалер пришлось сжечь самими экипажами, 6 судов потоплено, и 10 канонерских лодок и каиков захватили шведы. Король не стал далее добивать нашу шхерную эскадру, а после нескольких дней бездействия ушёл к Выборгу. Парусный шведский флот адмирала Карла Зюдерманладского после прикрытия королевской гребной флотилии направил свои корабли на прорыв к Санкт-Петербургу. Напротив в заливе у Толбухина маяка стояла резервная Кронштадтская эскадра вице-адмирала, состоящая из 17 линейных кораблей, 4 фрегатов и 2 куттеров. К нему подтянулась эскадра новых парусно-гребных судов (8 фрегатов) под командованием бригадира флота Франца Деннинсона. Сам Карл сошёл с флагманского корабля на фрегат и наблюдал бой со стороны, авангардом командовал контр-адмирал Карл Вильгельм Модэ. Рано утром 23 мая эскадры выстроились почти параллельно и начали вести огонь из пушек с большого расстояния. Ветер стихал и бой прекращался. Шведы отходили к западу к острову Сескар. Три раза возобновлялось сражение. Противник в основном вёл огонь по нашим флагманским кораблям «» и «». Последний капитан Иван Одинцов с большими повреждениями увёл в Кронштадт. Вице-адмиралу Якову Сухотину оторвало ногу и его так же отправили в столицу, но вымпел с корабля не спустили. Следующим днём к вечеру эскадры снова сошлись, наши отходили к Кронштадту под перекрёстным огнём. К концу дня шведский адмирал получил известия от своего брата короля Густава, что на подходе эскадра Чичагова и необходимо уйти к Берёзовым островам (Туиринсаари) для прикрытия шхерного флота. Наш флот выполнил задачу и не дал противнику прорваться к Санкт-Петербургу. Отличился в этом сражении капитан 2-го ранга сына адмирала Алексея Синявина, который командовал 74-пушечным кораблем «». **Фридрихсгаму Красной горки Александра Ивановича Круза Григорий Алексеевич Сенявин Иоанн Креститель Иоанн Богослов Победослав**

В начале июня 1790 года наш Балтийский флот блокировал шведов у входа в Выборгский залив. Противник попытался вырваться галерным флотом у Тронгзунда (ныне Высоцк) но это

не удалось. Шведам не хватало продовольствия и пресной воды, и они решили прорываться у мыса Крюсерорт (Крестовый). Флот противника пошёл строем навстречу кораблям заградительного отряда контр-адмирала Иллариона Повалишина.

Сражение при Красной Горке. Художник А. П. Боголюбов

Вот как он описывал тот момент: Шведы подожгли 3 брандера и пустили их на наши корабли. Один из них остановился на мели, а другие сошлись в узком проходе. В итоге один фрегат и множество других судов загорелось и парусник «». Далее прорвавшиеся корабли шли мимо фрегатов контр-адмирала Петра Ханыкова и потеряли один корабль и 2 фрегата. Много кораблей село на мель и позже достались нашим. Медлительность адмирала Чичагова, который видел это сражение, дало уйти от преследования многим кораблям. *«...столь несравненная сила против меня устремляющая делала великое повреждение в мачтах, стеньгах, реях и такелаже, но корпуса кораблей мало претерпели и урон наш в людях не велик... приняв возможную осторожность от брандеров и в половине 8 часа по приближении неприятельского авангарда началась, как от нас, так и неприятеля, жестокая пушечная пальба, так как он не мог окружить меня, то и проходил одною линиею, претерпевая от нас жестокий огонь, а один из кораблей шведских за повреждением от нас, немогиши управлять оным, стал на мель и спустил флаг». взлетел на воздух*

На следующее утро быстрый 74-пушечный корабль «» под командой капитана 1 ранга Карла Биллова догнал арьергард шведского флота и своими точными выстрелами сбил мачты и заставили контр-адмиральский 74-пушечный корабль «» сдаться с командиром Лиленфельдом. Когда тот сдавал свою шпагу капитану Биллоу сказал: ». Этими словами он объяснил, что на парусном судне, находился король Густав, вторично избегнувший плена по неведению с нашей стороны. На другой день капитан Роберт Кроун на фрегате «» после непродолжительного боя захватил 62-пушечный линкор «». Шведы в этом потеряли 7 линейных кораблей, 3 фрегата и множество более мелких судов. Среди личного состава потери противника убитыми, ранеными и сдавшимися в плен до 7000 человек. *Мстислав София Магдалена «... видели ли Вы державшееся близ меня небольшое парусное судно, которое при вашем приближении ко мне пустилось в ихеры? если бы вы знали, кто на нем, то конечно, оставя меня, погнались бы за ним Венус Ретвизан* **Выборгском сражении**

Омрачило всё сражение гребного флота под командованием вице-адмирала Нассау-Зигена в «» между островами Котка, Муссало и Кутсало. Шведский галерный флот в том месте насчитывали 6 фрегатов, 4 прама, 6 бомбард, 16 больших галер, 154 мелких галер и множество канонерских лодок с личным составом почти в 13 000 человек. В резерве чуть позади находились 6 бомбардирских кораблей и 33 канонерки закрывающих пролив к Фридрихсгаму. В архивах сохранился документ, где майор Казалеса видел состояние шведского короля, который ему сказал перед боем: *« Берёзовом зунде он подошел ко мне со словами «Никогда еще, в самых бедственных обстоятельствах моей жизни, я не ощущал беспокойства, подобно нынешнему; стоит проиграть ещё это сражение и всё погибло и флот, и венец мой. Я стану рабом деспотизма аристократии».*

В распоряжении Карла Нассау-Зигена было 20 гребных фрегатов (каттеров), около 40 больших галер шебек, 77 галер и бомбардирских кораблей, 12 вспомогательных судов, на борту которых было почти 18 000 человек. К нему так же подошла выборгская гребная флотилия вице-адмирала Козлянинова в составе: 23 галер, 3 бомбардирскими куттерами 72 канонерскими судами. Вице-адмирал решил действовать лихим наскоком несмотря на то, что атаке не благоприятствовала погода, и команды были утомлены переходом и маневрированием. Ночью русские канонерские лодки (вместе с 3 батареями, 3 бомбардирским куттерами) медленно втянулись в залив и встали на якорю между островами Ранка и Пуголь. Большие и малые галеры встали во 2 линии. Сам Нассау-Зиген с 5 фрегатами, 5 шебеками, 8 шкунами, 2 полупрамами и 1 бомбардирским кораблем встал третьей линией Он решил перестроить канонер-

ские лодки и приказал генералу Петру Алексеевичу (Петер Людвиг) Палену поставить их около больших прамов и оставить проход для галер. В это время поднялся сильный ветер и канонерские лодки правого фланга понесло на противника. Одна из лодок находясь ещё на дальнем расстоянии начала производить стрельбу, шведы ответили и весь правый фланг вступил в перестрелку. Галеры, стоявшие во второй линии видя, что могут быть окружены шведскими лодками, выступившими вокруг острова Лехмы, начали поворот «». Западный ветер превратился в ураган и погнал наши галеры на неприятельский огонь, где в итоге 8 потонули, а другие унесло на остров и побило о скалы. Канонерские лодки сбились в кучу и их унесло на неприятеля. Находясь очень близко и ведя огонь, они не попадали в шведов. Их снаряды улетали дальше в море «». Шведские канонерские лодки встали за маленькими островками «». Галеры «» и «» отнесло сильным ветром к мысу острова Гелма «». Наши парусные фрегаты «». На другой день шведы контратаковали и заставили Нассау-Зигена отойти от Роченсальма. Нассау-Зиген вел себя в сражении мужественно и храбро. По рассказам находившихся рядом, когда исход сражения стал очевидно неблагоприятным, он искал смерти в бою. Его флагман, гребной фрегат «», был взят на абордаж и в результате ожесточенного боя захвачен. Геройским поступком моряков с применением силы удалось в последний момент переправить вице-адмирала на другое судно. Вот как пишет шведский очевидец; « Поражение было тяжелым: гребная флотилия потеряла около 60 судов, 7500 убитых, раненых и плененных. Это так называемое стало крупнейшей битвой гребных флотов на Балтийском море, в которой наш флот потерпел сокрушительное поражение. Именно в этом сражении получил тяжёлое ранение в руку , старший брат Дмитрия Николаевича. Он командовал бомбардирским кораблём » и после госпиталя был отправлен в отставку в чине капитана 2 ранга с ». *дабы сделать отражение те которые были гораздо ближе, стреляли через неприятеля, те же которые были назади, стреляли не разбирая и в своих впереди их бывших; надлежало видеть сие, чтоб получить понятие о подобном беспорядке из-за камня безпрерывные свои выстрелы картечными ядрами весьма умножали, через что перебили людей весьма много на галерах Хитрой, Сескаръ и Пени Тютерс», «Нарву Безделку где от большого волнения и биения о камень оныя проломило и наполнились водою, а притом парусные ретирующиеся суда на оныя галеры навалились отрубя якоря в намерении сделать ретираду, или под парусами и в рассуждении крепости ветра и волнения оных снесло под ветер на близ стоящие у берега галеры, которые были прижаты и повреждены, где еще находились все люди и к зажжению тех судов уже притупить было не можно Катерина ... далеко в море текут страшные ручьи крови, всё перемешивается, корабли бьются друг о друга носами, в маневрах нет ни порядка, ни строя; пушки с обеих сторон гремят одна возле другой. Русские спасаются куда можно, корабли их захватываются, поджигаются, потопляются или разбиваются о мели; очень немногим удаётся спастись, и Шведы соединяют против Русских усилия своей отваги с свирепою силою вод, ветра и пламени. В 10 часов вечера прерывается кровопролитие, все кончено, и Густав победитель». «Перун «сохранением получаемого содержания по смерти **Второе Роченсальмское сражение** **Сергей Николаевич Сенявин***

Сразу после этого сражения Императрица послала на переговоры генерал-лейтенанта Осипа Ингельстрёма. В Швеции из-за экономического кризиса начались волнения. Против короля выступили его противники. Ему срочно требовались деньги на покрытие государственных долгов. Екатерина Алексеевна, как двоюродная сестра короля Густава решила помочь ему и в тайне от всего мира «». Тем самым она приблизила подписание Границы между странами остались неизменными. Россия обязалась не вмешиваться во внутренние дела Швеции и обязалась помочь продовольствием и беспощинными закупками. Екатерина писала Потемкину: «. выдать 2 000000 золотых червонцев для уплаты частных долгов короля «...одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуйя... шведы же почувствуют надолго. Его Величество у них становится нелюбим **Верельского мирного договора.**

На Чёрном море после возвращения в Севастопольскую бухту контр-адмирал Ушаков, начал спешно исправлять прострелянные мачты, реи, такелаж, штанги, вант-тросы и паруса на 8 кораблях. На флагманском корабле «» самая большая грот-мачта была пробита в 2 местах и требовалась её срочная замена. В начале августа около Очакова капитан 2 ранга Дмитрий Сенявин полностью подготовил свой 46-пушечный корабль «и совместно с 36-пушечными фрегатами» - капитан 1 ранга Михаил Чефалиано, капитан 2 ранга Владимир Великошапкинкапитан 2 ранга Спирос Ричардопуло вел охрану этой крепости от нападения противника. Из Бендер сюда приезжал Потёмкин для проверки готовности Лиманской эскадры: «. 18 августа он отправил приказ контр-адмиралу Ушакову выходить на соединение с Лиманской парусной эскадрой, так как у днестровских устьев появился турецкий флот численность более 40 судов. Последний просить генерал-майора Иосифа де Рибаса вывести его корабли к острову Березань «». Вечером Черноморский флот контр-адмирала Фёдора Ушакова в числе 10 кораблей, 6 фрегатов, одним репетичным, одним бомбардирским, 17 крейсерскими судами вышел в море и направился для поиска неприятельского флота к острову . Через три дня Ушаков увидел стоящий на якорях турецкий флот числом в 23 судна в 15 верстах от Тендры. Пользуясь попутным ветром утром наш флот 3 колоннами под всеми парусами стал приближаться к противнику. Турецкий флот отрубая канаты якорей развернулся «». *Рождество Христово Навархия Вознесение Господне» «Федот Мученик «Макроплия Святой Марк» - , «Григорий Великия Армении» - ...я был в Николаеве, Херсоне, и Очакове, всё там, что нужно, распорядил и, уставши как собака, возвратился, сделав до тысячи вёрст, и 240 вёрст от Очакова в Бендеры перескакал в 15 часов» на свободное место и наблюдать строго смотрением, когда я со флотом покажусь на вид в беспорядке вступил под паруса и лег бейдевинд левым галсом и побежал к стороне Дуная* **25 августа Тендры**

Здесь Ушаков увидел гребную флотилию Де Рибаса между Гаджибеем и островом Ада и отправил лейтенанта Милиси на крейсерском 16-пушечном судне «» к нему с уведомлением. Видя, что часть кораблей противника отстаёт от турецкого флота, Ушаков решает их отрезать от флота. Затем он сигналом через репетичное судно «» приказал «». Авангардным кораблям приказал спуститься под ветер и 3 фрегатам выйти из линии и создать резервный отряд. После перестроений он дал команду напасть на турецкий флот и началось жестокое сражение. Наши корабли находясь в линии баталии слаженно и метко стреляли «. *Король Константин Полоцк поворотить через контра-марш и построить линию баталии параллельно неприятельскому флоту на правый галс неприятельский флот вскорости, не стерпя жестокого огня, с великой жестокостью на него производимого, начал уклоняться под ветер, а наш часто спускался на него безпрестанно умножал огонь ещё сильнее»*

Документ ЦГАВМФ ф. Воен. канц. Потёмкина д.64 л.714

Документ ЦГАВМФ ф. Воен. канц. Потёмкина д.64 л.715

Документ ЦГАВМФ ф. Воен. канц. Потёмкина д.64 л.716

После двухчасового обоюдоострого морского боя Ушаков приказывает кордебаталии в числе больших кораблей «», « и всей авангардии начать нападать . Наши линейные корабли и резерв из фрегатов таким манёвром оказались против 74-пушечного адмиральского корабля «» под командованием «» и капитан-паши 66-пушечного линкора «». На них были сильно повреждены мачты, грот-марселя, крьюселя, стеньги и паруса. Погоня за турецким флотом продолжалась до самой темноты. Противник имел более быстрые корабли и к ночи скрылся из виду. Ночью ветер усилился и для безопасности Ушаков приказал зажечь огни и встать на якоря. Крейсерские греческие полакры гонимые ветром ушли к берегам Очакова. Рано утром 29 августа, когда появилось солнце Ушаков увидел весь турецкий флот «». Он командовал снова начать погоню. Капитан-паша с несколькими кораблями подняв все паруса ушёл в море. За ними не поспевали адмиральский «» и 66-пушечный корабль «». Последний имея малый ход стремился уйти «». На его перехват был отправлен капитан-командор на 66-пушеч-

ном корабле «» с 2 кораблями и 2 фрегатами. Остальные погнались за убежавшим турецким флотом. К ночи этого дня 50-пушечный корабль «» под руководством капитана 1 ранга Роберта Вильсона первым догнал адмиральский турецкий корабль, открыл огонь и повредил паруса. Турок замедлился и тут подоспел 50-пушечный корабль «» под командой капитана 2 ранга Фёдора Поскочина и так же дал залп по «». Далее подошёл 66-пушечный корабль «» с капитаном 2 ранга Яковом Саблиным и так же открыл огонь по флагманскому турецкому кораблю. Далее подтянулся Ушаков на 80-пушечном корабле «» под командою капитана 2 ранга Михаила Ельчанинова. Контр-адмирал приказал всем кораблям отойти в кильватер своего линкора. Наш флагманский корабль «. Затем подошёл «и производил по турку стрельбу. В это время корабль «» прошёл вперёд, развернулся и оказался против носа корабля противника и готовился «». Все матросы неприятельского корабля выбежали на «». Ушаков подал сигнал о прекращении боя и послал шлюпки для спасения турецкого адмирала, капитана корабля и матросов. На турецком флагмане все мачты были уничтожены точным огнём наших артиллеристов «три мачты сбиты долой вплоть по палубу». От нашего брандсугеля попавшего в корму валил густой дым и начинался пожар. Весь 74-пушечный линкор «» наливался водой через пробойины в корпусе. Передовая шлюпка командира греческого полка Курика сняла с борта адмирала Саид-бея, Мустафу-агу, капитана Махмет-Дерия и 17 человек «» и привезла из к Ушакову. Остальные матросы которых на корабле было более 800 человек прыгали за борт. Другие наши шлюпки уже не подходили к турецкому кораблю, который весь был объят пожаром и волны не давали это сделать. Спустя некоторое время этот турецкий корабль «». На нашем флагмане была большим ядром повреждена фок-мачта и контр-адмирал скомандовал отходить к берегу. В это время Лиманская парусная флотилия под командой генерал-майора де Рибаса в составе которой кораблём «» руководил капитан 2 ранга Дмитрий Сенявина собирала из воды турецких матросов. Хотя эти фрегаты и не вели огонь по туркам во время боя и погони, но как писал Ушаков в рапорте «». Корабль турецкого контр-адмирала Кара-Али 66-пушечный «» на котором было более 600 служителей был остановлен и захвачен бригадиром флота Гавриилом Голенкиным против бухты Гаджибея. Контр-адмирал Фёдор Ушаков привёл остальные корабли к берегу и туда же подтянулась Лиманская парусная эскадра Иосифа де Рибаса и капитана Дмитрия Сенявина «». Отправленные вдоль берега для разведки греческие крейсерские суда привели несколько турецких судов. На следующий день мичман Бенардаки на «» взял в плен турецкую 10-пушечную бригадину. Крейсера загнали на мель плавающую батарею противника и взяли в плен 42 человека. *Рождество Христово Преображение Господне*, «Александр» «...на передовую часть отборных неприятельских кораблей, где все флагманские корабли их находились, теснили оных и поражая наносили великий вред и тем принудили всю оную передовую часть неприятельского флота поворотить через фордевинд и бежать к стороне Дуная приводя корабли свои ближе к ветру леваго галса и следовать за заднюю свою часть, которая поворотя через фордевинд сделалась уже передовою» **Капитана** *трехбунчужного наши Саит-бея Падрона лавирующий к ветру и разсыпан весь в разные места Капитания Мелики Бахри на мелкие места к банке, отделяющей фарватер между Кинбурна и Хаджибея Мария Магдалена Святой Андрей Перозванный Святой Георгий Победоносец Капитания Преображение Господне Рождество Христово подвинулся ещё вперёд, стал против неприятельского борта с наветренной стороны на дистанции не более 30 сажень, и в малейшее время нанёс ему наихвосточайшее поражение» Святой Георгий Победоносец» *Рождество Христово сделать ему лаг всем бортом, уповая что неотменно от онаго должен будет он потонуть бак и на борты, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения Капитания прочих чиновников взорвало на воздух Навархия Вознесение Господне ...делали в виду нашем разные движения и тем неприятелю наводили страх и беспокойство Мелики Бахри пришла ко мне в соединение и остановилась при флоте Фениксе**

Гавриил Кузьмич Голенкин

31 августа поздно ночью Ушаков отправляет генерал-адъютанта капитана 2 ранга Дмитрия Сенявина на своём корабле «» к крепости Гаджибей куда прибыл Главнокомандующий Григорий Потёмкин на новой 18-пушечной бригантине «». Командиром на ней был молодой капитан-лейтенант Дегалет. Капитан Дмитрий Сенявин, подойдя на корабле к берегу спустился в шлюпку и взошёл на бригантину. Главнокомандующий ещё только встал после сна и пригласил после доклада своего » к столу. Дмитрий Николаевич первым рассказал Потёмкину, что было морское сражение с турецким флотом. Генерал-фельдмаршал быстро собрался и двинулся к своему Черноморскому флоту на бригантине вместе с генерал-майором Иосифом де Рибасом. Вот как описывал тот момент очевидец этих событий: «Далее приведу цитату из воспоминаний самого Ушакова: В 11 часу Потёмкин приказал Ушакову вывесить сигнал, по которому кораблям «» и «» приказано подойти к корме флагманского линкора для переговоров. *Навархия Вознесение Господне Благовещение Господне «генеральс-адъютанта В 3 часу при разсвете увидели мы подошедшую к флоту бригантину, на которой присутствовал его светлость и корабль «Навархия» лавирующий обратно ко флоту... и сие ж время ездил я на оную бригантину с рапортом к его светлости и в скорости возвратился на корабль; к отдаанию оному подлежащей чести весь флот состоял готовым. В исходе 8 часа на бригантине «Благовещение Господне» подняли кейзер-флаг на грот брам-стенъге, причем для отдаания оному чести со всего флоту, с каждого судна салатовано по 13 пушек, а с бригантинны ответственно по 9; в начале 10 часа Е. Св. с бригантинны изволил сойти на шлюпку и следовал ко флоту под кайзер-флагом... почему салатовано со всего флота по 13 пушек с каждого, служители были на всем флоте порядочно и чисто одеты; поставлены на реях, вантах и штагах и по бортам кораблей, а на пленном корабле пленные турки поставлены ж были наверху все по бортам же кругом корабля, и когда шлюпка Его Светлости начала входить во флот, в то время на всем флоте кричали гузе (ура) 7 раз». «...в четверть сего часа соизволил прибыть Его светлость ко мне на корабль «Рождество Христово», по вступлении которого на оном корабле на грот-брамстенъге поднят кейзер-флаг, а контр-адмиральский флаг на то время поднят на корабле «Преображение Господне»; в сие же время кейзер-флагу своего флота с каждого судна салатовано из 13 пушек, а от нас ответственно из 11. *Навархия Макроплия**

Фрегат 36-пушечный «» которым командовал капитан 2 ранга Владимир Великошапкин подошёл к линкору и «». Более крупный 46-пушечный корабль под командованием капитана 2 ранга Дмитрия Сенявина при совсем стихшем ветре и «». Дмитрий Николаевич сел в шлюпку и прибыл на флагманский корабль. За ним последовали все остальные капитаны . Главнокомандующий генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин объявил всем капитанам благодарность и обещал награды всем отличившимся. *Макроплия Святой Марк лёг в близости на якорь «Навархия Вознесение Господне» небольшого противнаго течения, подойти не мог «... все командующие кораблей и прочих судов собраны и были на оном корабле»*

Артиллерийская палуба. Художник С. В. Пен

На захваченный турецкий 66-пушечный корабль был назначен капитаном Владимир Великошапкин, которому приказали отвести его в Днепровский лиман под дальнейшее командование генерала де Рибаса. После общего торжественного обеда Григорий Потёмкин отбыл на бригантине «» вместе с де Рибасом в Гаджибей. Далее он отправился к армии и уже 4 сентября пишет письмо к Екатерине из Николаева, в котором говорит про флот: В первых числах сентября Ушаков пишет сразу несколько рапортов Потемкину и Черноморскому адмиралтейскому правлению. Оригинал одного из этих документов их фондов архива РГАВМФ впервые мной публикуется в этой книге. *Благовещение «Вот матушка родная, Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит. Едва исполнилось семь лет, как корабль „Слава Екатерины“ сошёл по Днепру в Понт. Флот уже размноженный торжествует и безпрерывно имеет по благости Божией поверхность. Не получил неприятель в бою ни лодки. Я счастлив, что не принёс флагу Вашему безчестия. Будьте милостивы к Контр-Адмиралу*

Ушакову. Где сыскать такого охотника до драки: в одно лето-третье сражение, из которых то, что было у пролива Еникольского, наипорнейшее. Офицеры рвутся один перед другим. С каким бы я Адмиралом мог ввести правило драться на ближней дистанции, а у него-линия начинает бой в 120 сажнях, а сам особенно с кораблем был против „Капудании“ в 20 сажнях. Он достоин ордена 2 класса Военного, но за ним 30 душ, и то в Пошехонье. Пожалуйте душ 500, хорошенькую деревеньку в Белоруссии и тогда будет кавалер с хлебом. Я был на флоте и с радостными слезами любовался, видя флотилию больше 100 судов там, где до Вашего соизволения не было ни лодки. На Севере Вы умножили флот, а здесь из ничего сотворили. Ты беспрекословно основательница, люби, матушка, свое дитя, которое усердно тебе служит и не делает стыда. Флотилия в совершенном порядке. Я не могу нахвалиться Генерал-Майором Рибасом При его отличной храбрости наполнен он несказанным рвением. Совсем противная погода не допустила во время сражения притить к флоту. Да я и рад, а то много бы она потеряла от шторма, тотчас по окончании боя возставшего. От сильной качки у меня голова закружилась, хотел я с корабля отправить мою реляцию, но писать не смог и позахворал, возвращаясь. Лишь бы сил мне достало. Опять поскочу в Николаев понудить и учредить нужное... Как я слаб, матушка, стал головою: всё кровь подымается, и сие меня мучит».

Князь Потёмкин, продвигаясь к своим армейским частям 7 сентября пишет из Бендер собственноручный ордер по поводу флота и делится этими размышлениями с Ушаковым. Вот цитата Контр-адмирал Ушаков вместе со всем флотом прибыл днём раньше в Севастопольскую гавань, только 8 крейсерских греческих судов он отправил в Днепровский лиман с пленными турками. «...атакуя силою флагманския турецкия суда, другия легко принуждаются к бою, а чтоб сие впредь с большей силою производить, то имейте при себе всегда Навархию, Макроплию и Григория Великой Армении, ежели он крепок; сей небольшой фрегат при его хорошей артиллерии, особливо единорогов картаульных, в ближней дистанции может с большею пользою служить, тем паче что он способнее к изворотам. Сии форзеилы (передовые силы) вашего корабля составят эскадру, которую именовать кейзер-флаг эскадрою; с ними при первом случае с Божьей помощью налягите на капитан-пашинский или вице-адмиральский корабль, а другим кораблям прикажите занимать прочие их корабли».

По итогам этого боя контр-адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков был награждён орденом «большого креста 2 класса. Императрица Екатерина наградила его 16 сентября именем в Белоруссии и дала 500 душ крестьян. Также были награждены: капитан генерал-майорского ранга Гавриил Голенкин командир корабля «» -орденом «» III степени, капитан 1 ранга Николай Кумани «» -золотой шпагой с надписью «; капитаны 1 ранга Константин Шапилов „“, Роберт Вильсон „“, Федор Заостровский « », Николай Языков «», Михаил Обольянинов «», Матвей Ельчанинов «», Федор Поскочин «»; флаг-капитан, капитан 2 ранга Петр Данилов, генеральс-адъютант Михаил Львов-орденами IV степени, капитан-лейтенант Александр Сорокин «» -орденом «» IV степени и другие. На всех кораблях флота было 7969 офицеров, матросов и солдат. Скорее всего они были поощрены очередными званиями и денежным вознаграждением. Контр-адмирал из своих денег выделил 200 рублей в награду пленным турецким матросам, которые спаслись на обломках взорвавшегося корабля и приказал капитан-лейтенанту Бырдину ». Как и прошлый раз контр-адмирал начал ремонтировать повреждённые корабли и отправил адмиралтейскому правлению короткое описание необходимых исправлений. *Святого Великомученика и Победоносца Георгия» Мария Магдалина Святого Георгия Иоанн Богослов За храбрость Св. Павел Апостол Андрей Петр Апостол Св. Александр Св. Владимир Рождество Христово Георгий Победоносец «Св. Георгия» Мария Магдалина Св. Владимира «...им раздать по сколько достанется и рапортовать*

В конце месяца в Севастополь прибыли два новых 46-пушечных фрегата «» построенные на верфях Рогожских хуторов в дельте Дона. Эта таганрогская эскадра с бригантиной и другими транспортными судами пришла под командованием бригадира флота . Контр-адмирал

Ушаков имея в составе более 26 судов формируют из них 3 эскадры: кордебаталию-командир сам контр-адмирал, авангардию- командующий капитан 1 ранга Голенкин и арьергардию-бригадир Пустошкин. *Царь Константин», «Федор Стратилат Павла Васильевича Пустошкина*

Перед очередным выходом в море контр-адмирал Ушаков отправляет для проведения разведки лучший греческий 18-пушечный крейсер «» под командою лейтенанта Дмитрия Кундури. При плохой погоде с сильным ветром, дождём и градом он провёл обследование берегов Крыма и доложил об этом генералу Иосифу де Рибасу, который с флотилией находился в Днепровском лимане. В конце сентября Потёмкин даёт команду Ушакову и де Рибасу идти с судами в устья Дуная «». Сам же генерал-фельдмаршал будет продвигаться по суше через Акерман (Белгород-Днестровский) -Татарбунары к крепости Килия находящейся на главном устье Дуная. Он так же вторично приказывает Ушакову задействовать «» вместе с кораблём капитана 2 ранга Сенявина «». Потёмкин так же приказывает Ушакову забрать с корабля Сенявина лейтенанта Мякинина и поставить его на фрегат », которым поставлен командовать капитан-лейтенант Фёдор Демор. Контр-адмирал тянет с выходом в море и во все день и ночь готовит 64-пушечный корабль «» и просит де Рибаса «». Именно тут случился конфликт, когда Ушаков приказал отдать с корабля Дмитрия Сенявина 30 пудов солёного мяса. Дмитрий Николаевич не исполнил это указание мотивируя тем, что недостаточно останется своей команде. Контр-адмирал вспылит и решил наказать строптивного капитана, которого он не любил с конфликта Войновича и всегда на него злился. Он пишет приказ и в случае невыполнения грозит отправить под суд Сенявина. Последнему ничего не оставалось делать как отдать солёное мясо. Дмитрий Николаевич позже купил за свои деньги живых баранов у местного населения. *Панагия Дусено чтоб закрывать флотилию идти мористие к Сулину-Богази и найдя флот турецкий разбить его купно с флотилией эскадру кейзер-флага когда во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль все рассыпаются... разделите, которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус и чтоб при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели «Григорий Леонтий при первом благополучном ветре не упущу ни одного часа выйти с флотом и поспешу к вам в соединение. Я весьма опасюсь и беспокоюсь, чтоб его светлость не почёл бы какое-нибудь моё нерадение... сделайте милость донести вашим уведомлением к его светлости, что я всевозможно стараюсь ни малейше не умедлить точно*

Наконец 15 октября Ушаков отправляет из Севастополя 24-пушечный фрегат «» с капитаном-лейтенантом Георгием Карандино для сопровождения в Лиман пленных турецких судов и с ними около десятка корсарских греческих полакр. Они шли как разведчики. Следующим днём в 10 часов утра после бури весь флот выстроился в 3 колонны и взял курс на Аккерман (ныне Белгород-Днестровский). Через два дня Черноморский флот прибыл к Гаджибею (Одесса) и не застав там гребной Лиманской флотилии де Рибаса двинулся вдоль берега. *Антоний*

Крейсерский полакр «» вернулась к флоту, а капитан сообщил, что видел, как гребные суда де Рибаса подходили к Килийскому устью Дуная. Уже ночью были слышны пушечные выстрелы у берега. Погода стояла мрачная, небо затянуто в тучи и моросил дождь. Утром следующего дня Ушаков увидел, что в 10 верстах идут гребные суда как, потом оказалось полковника Достановича и более 40 запорожских лодок. К борту флагманского корабля вернулся лейтенант Кундури на «» и доложил, что де Рибас с остальными судами ушёл южнее в бухту Мусура к Сулину. Весь флот снялся с якорей и пошёл на соединение с гребной флотилией. Контр-адмирал Ушаков не имел точных карт и перечня мелких мест в устье Дуная из-за этого близко не подходил к берегу. Он пишет рапорт Потёмкину с вопросом что ему дальше делать. *Карло Константино Панагия Дусено*

Контр-адмирал в конце октября посылает к генералу Иосифу де Рибасу на корсарском судне своего флаг-капитана Петра Данилова с письмом в котором писал: ». Эти свои намерения Ушаков не выполнил и не дал в помощь гребной флотилии капитану 1 ранга Федору Ахматову ни офицеров, ни солдат, на что де Рибас сильно обиделся на контр-адмирала. Для охранения устьев Дуная и захваченных батарей Ушаков отправил 3 греческих крейсера под командованием мичмана Купы, Афрано и Асланова. Полковника Чапони с его солдатами находившихся на крейсерах он направил в Григорьевское устье и Портицы-Багази находившиеся южнее Сулина. Он старается сохранить корабли флота для дальнейших сражений и не торопится вести его в незнакомые мелководные устья. Из-за сильных ветров и бурь на море некоторые фрегаты и старые суда дали течь и отправлены контр-адмиралом в Днепровский лиман. 3 ноября Ушаков просит у Потёмкина разрешения вернуться в Севастополь. На требования генерала де Рибаса командующий флотом отправляет со своих кораблей 5 больших бочек вина и более 1500 пудов сухарей «». Спустя десять дней Потёмкин получил сведения, что флот турецкий пришёл в Константинополь и прислал ордер Ушакову возвратиться в Севастополь. После того как весь флот ночью снялся с якорей и «» в направлении Тарханову Куту у капитана 2 ранга Сенявина на его корабле «» от сильного ветра порвало паруса и он вынужден был спуститься ближе к берегу. Погода стояла мрачная накрапывал дождь и видимость была недалёкая, однако все корабли флота старались «». Ветром флот пригнало к мысу Айя за Балаклаву. Ночью буря прекратилась, стало маловетренно и 15 ноября все корабли вошли в Севастопольскую гавань. *«...желаю от вас узнать о дальнейших предприятиях рекою, какие есть от Его Светлости повеления... после бывших дел видно было, что мы не стоим в гаванях и стараемся не только показываться при их берегах, но и зорить оные со всякой твердой отважностью... какое вам от меня надобно вспоможение судами и людьми, с превеликим удовольствием ту же минуту исполню крупы и гороху ничего нет лёг бейдевинд на правый галс Навархия держаться соединённо*

Про другие события конца этого года в Дунайских гирлах, как то взятии крепостей Килия, Измаил гребной флотилией генерала-майора Иосифа де Рибаса, его брата подполковника Мануила де Рибаса, капитана Ахматова, Маркова, Головатого и сухопутными войсками Суворова, Кутузова, Платова, Арсеньева, Гудовича, Потёмкина можно прочитать в моей книге про адмирала Алексея Наумовича Синявина.

13 декабря князь Потёмкин сообщает Черноморскому адмиралтейскому правлению, и всему флоту что Весь состав Черноморского флота и соответственно Дмитрий Сенявин в конце года присутствовали на молебне в честь этой победы в церкви Святого Николая Чудотворца. Данный храм и весь двор был заполнен тысячью молящимися на коленях моряками, благодарившими Бога за победу. Ближе к вечеру с корабля «» было выпален залп из 51 пушки. *«...Измаил покорён победоносным Ея И. В. оружием. Жестокий и кровопролитный штурм, произведённый на сей крепкий город с воды и с сухого пути, решил дело. Многочисленное во оном войско турецкое истреблено; не малая часть спасена со взятым в плен трехбунчужным пашею. Черноморскому адмиралтейскому правлению предлагаю принести благодарственное о сем Всевышнему моление». Рождества Христова*

Зимовать морским служителям приходилось на кораблях, так как не всем хватало казарм. Ушаков просит у Потёмкина разрешить ему выдавать дополнительно «». Хорошо, что в этом году не было морозов и все занимались ремонтом кораблей и в свободное время рыбалкой. Это давало матросам дополнительное питание ведь денежное довольствие никто не получал уже 4 года. *по полфунту свежего мяса, что будет из морской провизии, крупу и по чарке вина*

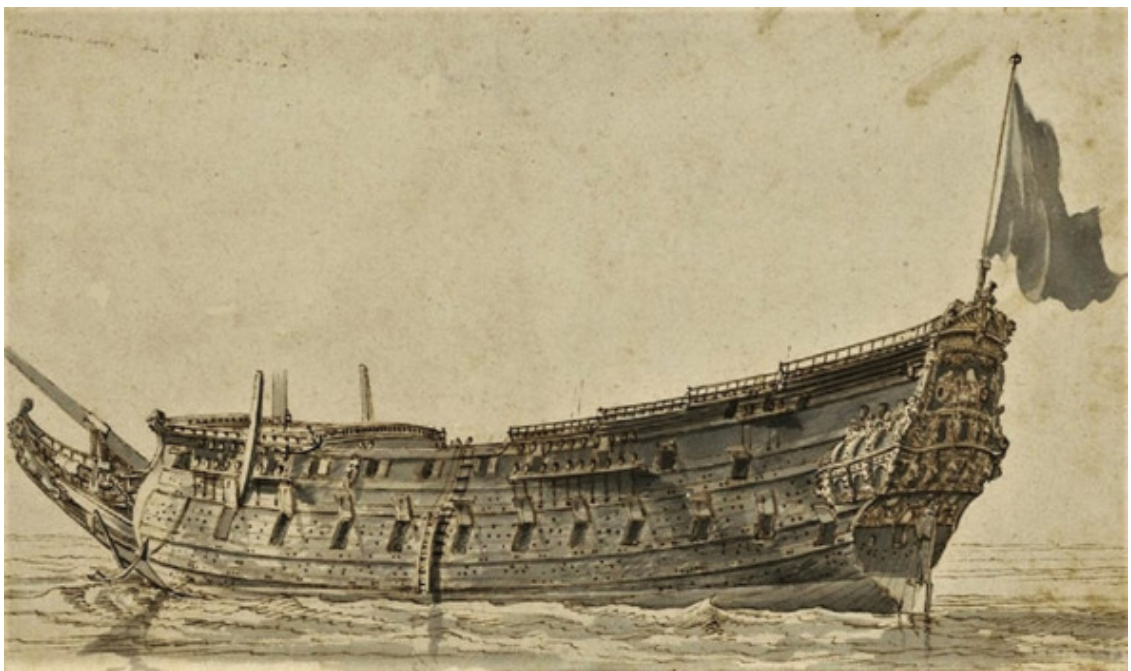

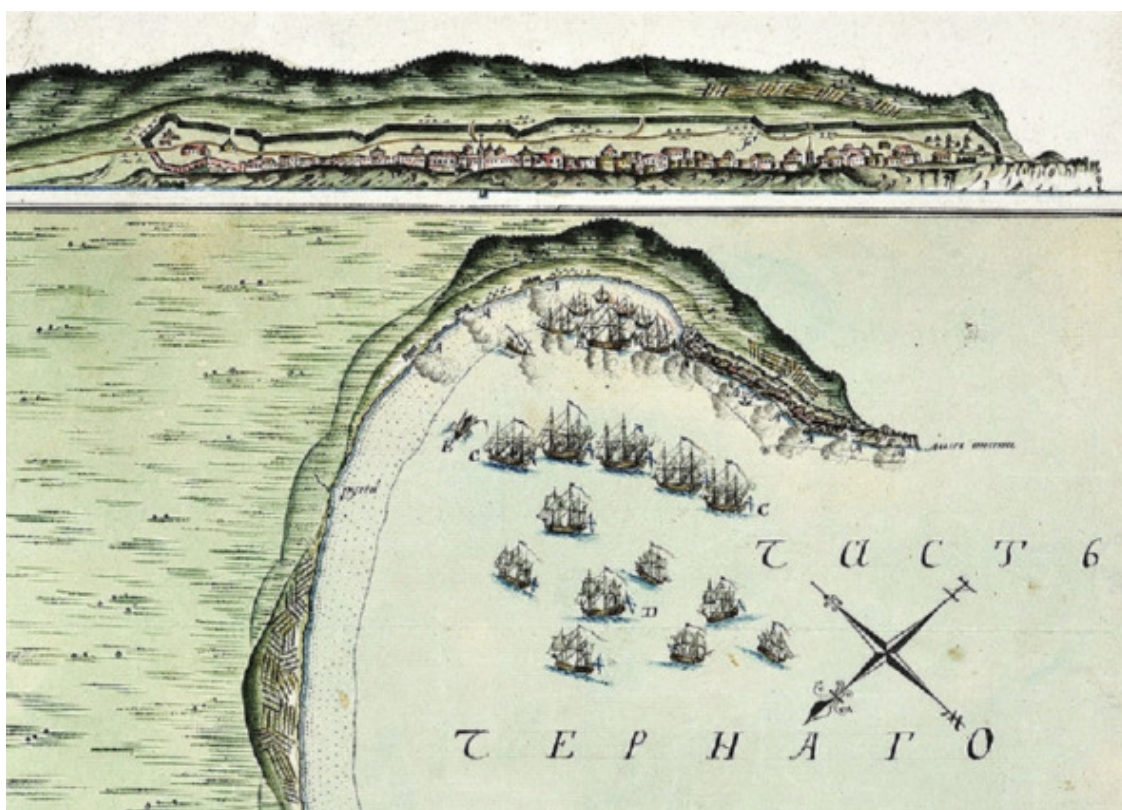
*Выписки изъ рапортовъ графа Войновича князю Потемкину,
1789 года (²).*

13 июня. Крейсера наши вчерашняго числа въ 9 час. утра завидѣли турецкій флотъ въ числѣ 17 кораблей и много прочихъ судовъ, идущій отъ запада къ мысу Гаджибею. Турецкій флотъ расположился у Гаджибея.

14 июня. При самомъ разсвѣтѣ три турецкія судна подошли къ острову Березани для обзрѣнія; изъ нашихъ крейсеровъ три судна пустились на оныхъ въ погоню и чуть не взяли луфъ у непріятеля. Вѣтры прежніе, южные, и препятствуютъ кораблямъ, съ Глубокой идущимъ, обойти Станиславскія косы и слѣдовать къ Очакову.

8 261
1855
17

Командиром Гвардейской Полковой Истринской
 Охоты Светлицкой Храбрости, обозрел сына
 Степана и повел, как и три года изобретения
 воеводством пушками. Артиллерию воздвиг
 капитан 2го ранга Розавин, Истринской должи-
 ности. Шейхмехтера капитаном воздвиг
 Христов, находил воеводством пушек придействием
 пушками, делал приказы все уставованной
 Императорской, Светлицкой Храбрости и
 Степана, обозрел людей, и действовал воево-
 дства воево весьма Истринско. Командир
 Регентского Судна полковник капитан лейтенант
 как бы делал, находил против Средней флота
 вблизи моря моравля, должины своего
 Истринской Светлицкой Храбрости, обозрел
 Императорской Сигналы весьма Истринско. —
 Оттоисполь Командующих моравлей, и действовал
 как бы и в Истринско. Регентского, Истринской
 Исполнительное Светлицкой Храбрости испол-
 нение воеводством действенности, воздвиг
 Христов. Капитан лейтенант Ишин и
 капитан лейтенант патриотки, артил-
 лерию лейтенант командир, капитан
 мадам капитан лейтенант Соренин,
 преобразил капитан лейтенант Явлин,
 Александр капитан лейтенант Бердин,
 Георгий лейтенант Манисев, в. павла
 капитан лейтенант Марков, лейтенант
 гвардии Стромилев ипотечный, капитан воево
 слова капитан лейтенант воево и в,
 фрегата командир воево капитан лейтенант
 как бы воево воево, ириль воево
 лейтенант воево и в,

Александръ Мидоловскаго лейтенанта Александръ
Ивановъ, Кристина протавица лейтенанта
Сулешевъ, Анна войсводкина лейтенанта
Фоминскаго. Огласилъ, покоряюще
прошу ваше Святчество отъисправить
отрѣдъ, съезъ отъиспавшихъ отъотрѣдъ,
неоставитъ милостивымъ благополученъ,
гганце икнижъ тиколъ накраи дѣлѣ
малымъ тикомъ дѣлѣ. Командъ адъютантъ
К. И. Волковъ Федотовъ

1778.

24. 3. Сентября
1790 года
Кор. Ревндиста Христе.

4. Капитан Д. Н. Сенявин в битве при Калиакрии. Смерть Потёмкина и Екатерины. Император Павел

Наступил новый год. В Севастополе погода стояла хорошая почти весенняя. Морские служащие проводили профилактический ремонт судов флота. Капитан Дмитрий Сенявин поставил свой корабль у берега для кренингования. Пушки были перемещены на один борт и при помощи приспособлений (воротов) корабль был повален на бок, хотя киль из воды не выходил. Подводная часть во время профилактического ремонта была снова проконопачена и просмолена. 1791

Контр-адмирал Ушаков просматривая штаты флота отправил рапорт Григорию Потемкину в Яссы, в котором говорилось о нехватке морских служащих. В Херсоне, Николаеве и на Рогожских хуторах достраиваются новые фрегаты. Туда требовалось порядка 12000 новых служащих.

Князь Потёмкин с января просил Императрицу дать разрешение приехать ему в Санкт-Петербург, но она его придерживала и просила заниматься переговорами с турецкими уполномоченными и вопросами о мире. Екатерина Алексеевна после того, как удалила от себя фаворита Дмитриева-Мамонова приблизила ко двору 33-летнего «» Платона Зубова. Она за определённые заслуги осыпала орденами и произвела в капитан-поручики Кавалергардского корпуса. При Потемкине адъютантом находился его брат Валериан Зубов, который в письмах докладывал в столицу о проделках фельдмаршала с « Платон постоянно нашёптывал об этом Екатерине. Когда Потемкин отправлял Валериана с письмом по поводу взятия Измаила он ему сказал: *». чернявого резвишу гаремом молдавских красавиц». «...доложи Государыне, что я во всем здоров, только один зуб мне есть мешает, приеду в Петербург, вырву его*

Контр-адмирал Фёдор Ушаков в январе отправляет рапорт главнокомандующему с ходатайством о награждении участников сражений в прошлом году на Черноморском флоте. Офицеров Потёмкин решил, согласовав с Императрицей наградить орденами и новыми званиями. а рядовым матросам было выделено «». Капитана Сенявина даже не было в списках, хотя он на своём корабле пугал турецкий флот и гонялся за судами. Из греков наградили Николая Кумани, Антона Алексиано, Ефстафия Сарандинаки, Георгия Кандиоти и полковника Константина Чапони. Капитанов греческих крейсеров Ушаков недолюбливал, у них постоянно были разногласия с контр-адмиралом и заслуги этих людей он проигнорировал. Фельдмаршал Потёмкин понимает, что нужны моряки для флота и предлагает Императрице набрать людей из мещан и людей из Финляндии «». Григорий Александрович стремиться в Санкт-Петербург повидать Императрицу. Он «» нашёл денежные средства на флот и уезжая оставляет за себя генерал-аншефа Михаила Каховского. *по рублю на человека особливо набережных жителей способных к морю на первый случай*

Контр-адмирал Ушаков в феврале совершил инспекционную поездку в Николаев, где строились фрегаты. Он внес некоторые изменения и дал советы корабельным мастерам. Фёдор Фёдорович так же посетил литейные заводы, где проверял качество литья «» и посетил Глубокую пристань около Херсона, где ремонтировался гребной флот. Контр-адмирал, видя, что на трофейном корабле, названном «» такелажные работы ведутся некачественно сделал выговор капитану 1 ранга Андрею Баранову и принародно «». По возвращении в Севастополь контр-адмирал Ушаков решил поделиться с Херсоном моряками с кораблей Черноморского парусного флота. С каждого корабля было снято по 20 человек и на смотре возник инцидент с 27-летним капитаном 2 ранга Дмитрием Сенявиным. Из моряков с корабля «» три человека на плацу сказались больными «». Конечно, лучших моряков никто из капитанов судов не хотел отдавать, а отправили самых негодных и ленивых. Контр-адмирал принародно заявил

«». Капитан Сенявин отказался заменить возможно притворившихся матросов «». Конфликт продолжился на совещании в доме контр-адмирала в присутствии всех офицеров. Ушаков вторично требовал подчинения, а Сенявин не слушался и послал его «». Контр-адмирал Ушаков жаловался Потемкину: . Ушаков издает письменный приказ, который Сенявин не исполняет и 9 апреля пишет письмо к Потемкину прося его «». Это продолжается старая неприязнь к Ушакову со стороны некоторых морских капитанов. Великий морской командир и ныне «» Фёдор Фёдорович в быту бывал не всегда прав и конфликтовал с капитанами такими как: Войнович, Алексиано, Нассау-Зиген, де Рибас, Ахматов и вот с Дмитрием Сенявиным. Генерал-фельдмаршал находился в Яссах и отложил это разбирательство до прибытия его во флот и рекомендовал Ушакову не предпринимать никаких действий. *18 фунтовых пушек Иоанн Предтеча порицал неприличными чести его словами Навархия Вознесение Господне объявили свою неспособность и видимую открыто болезнь в ногах, руках и в корпусе слабость переменить оных служителей способными для верховой матросской работы ...что он других на место их не пошлет подалше «...я обходился с ним учтиво и не впервые уже вижу его г. Сенявина прискорбности от неохотного повиновения в команде... защитите меня, милостивый государь. Какой я буду начальник флота и что могу исполнять, если подчиненные осмеливаются наносить столь безстыдным образом оскорбления и делать в исполнении должных мне дел затруднение и помешательство» ...учинить следствие так как назван ослушником, неисполнителем и упрямым и ежели я таков, подвергаю себя надлежащему наказанию святой человек*

По прибытию в Царское Село князь Потёмкин после встречи с Екатериной отправляет 11 мая «» контр-адмиралу Ушакову «». Фёдор Фёдорович спустя 10 дней после того, как пришёл приказ докладывает, что готовы к походу 54 судна «». Капитан 1 ранга Саблин, который командовал кораблём «» заболел и вместо него был назначен капитан 1 ранга Николай Кумани. На других кораблях так же были проведены некоторые перемены, а вновь прибывшие греческие воспитанники в чине мичманов были расписаны по кораблям. В том числе Егор Метакса на корабль «», а Дмитрий Бальзам на «». На верфях Рогожских хуторов в дельте Дона поручиком Фёдором Фурсовым были за свои деньги построены 46-пушечные морские фрегаты «» и «», которых ждёт Ушаков в Севастополе. *секретный ордер считая флот готовым к выходу в море, я сим предписываю тотчас вам выступить по прошествии весенних штормов... направьте плавание к румельским берегам, и если где найдёте неприятеля, атакуйте с Богом... я вам препоручаю искать неприятеля и господствовать там, на Чёрном море, чтобы наши берега были им неприкосновенны все килеваны и обожжены весьма хорошо и в ходу будут лучшие Преображение Господне Владимир Леонтий Троица Святая Богородица Казанская*

10 июля весь Черноморский флот в составе 45 судов вышел из гавани и направился в сторону Еникольского (Керченского) пролива, так как о появлении турецких кораблей доложили смотровые посты. На другой день проходя Балаклаву Ушаков вдаль увидел корабли противника, идущие со стороны Анапы числом 57 судов. Следующим утром он решил сблизиться с турками, но те уклонялись от боя ». Контр-адмирал на корабле «» под командой капитана 1 ранга Матвея Елчанинова, «» с капитаном 1 ранга Андреем Барановым, «» с капитаном 1 ранга Николаем Кумани, «» с капитаном Михаилом Чефалиано, так же с быстрые фрегатами «» под командой капитана 2 ранга Дмитрия Сенявина, «» с капитаном 1 ранга Николаем Языковым, «» под капитаном 2 ранга Василия Великошапкина «». Другие корабли флота были менее быстры в ходу и выстроить линию Ушаков не мог до самого ночного времени «...». Тише всего ходили 82-пушечный корабль «» бывший турецкий «» под командой капитана 1 ранга Андрея Баранова и 58-пушечный «» под командой капитана 1 ранга Анисифора Обольянова. Сопровождали их всегда крейсерские суда под управлением греков-лейтенантов: Глези, Милиси, Вальяно, Кацаити, Батисто, Купа, Фока, Гворно, Бернадаки и других. «...

четыре дня сряду ходил я с флотом соединенно против онаго всегда в виду, в близком расстоянии, и прилагал всевозможное старание, дабы его атаковать и дать решительный бой Рождество Христово Иоанн Предтеча Преображение Господне Св. Георгий Навархия Вознесение Господне Александр Невский Макроплия Святой Марк дважды догонял его и принуждал строиться к бою... я со флотом сделался на ветре, неприятель тот час поворотил овер-штаг на левый галс и лег бейдевинд под всеми парусами, желая паки отдалиться и искал выиграть преимущество ветра, не желая дать баталию, не сыскав оного ветра а ночью флот неприятельский всегда уклонялся далее и искал выигрывать ветер Иоанн Предтеча Мелеки Бахри Леонтий Мученик

Контр-адмирал Ушаков прекратил эти хождения и 15 июля после сильных ветров ближе к ночи вернулся к отставшим кораблям ». Из показаний пленного «» захваченного при штурме Анапы контр-адмирал получил сведения что турецкий флот состоит из 4 эскадр, как-то: алжирская, тунисская, трипольская и константинопольская. На всех судах присутствуют отборные части алжирцев готовых для абордажных действий. Быстро проведя ремонт кораблей Ушаков, запросил у старшего интенданта флота Семёна Афанасьева деньги суммой 700000 для финансирования флота. Тот отказал ему, по причине комплектования новых кораблей в Херсоне и Николаеве и отправил его с такими требованиями к Потёмкину. Оставив несколько крейсеров в Севастополе, он морских служителей распределил по кораблям. 29 июля он всем флотом вторично вышел в море и направился в сторону Варны. Ему докладывали, что турецкий флот стоит за мысом Калерах-Бурну. Через два дня контр-адмирал Ушаков приблизился к этому мысу, на котором была сделана турками батарея из дальнобойных пушек. В этот день у мусульман был праздник Рамазан и многие команды были отпущены на берег, где после поста по традиции резали баранов. Наш флот был в походном положении из трёх колонн и таким образом на полном ходу повернув направо, обойдя мыс прорезал стоящие по-разному турецкие корабли. Линкоры числом 18 вымпелов и 17 фрегатов оказались с левой стороны, 43 меньших судов справа ближе к берегу. Наша авангардия под руководством Гавриила Голенкина на 66-пушечном корабле « открыла огонь правым лагом (бортом) по берегу с пушками и мелким судам противника. Корабль «» под командой капитана Дмитрия Сенявина в этой колонне шёл последним и стрелял по наземной батарее. Арьергардия под командой бригадира Павла Пустошкина была в строю слева и вела огонь по турецким судам. Кордебаталия состоящая из 6 кораблей под командой Федора Ушакова не могла стрелять и быстрее всех продвигалась вперёд. Мало кто из современных историков разбирает досконально этот бой, они просто описывают его по докладу Ушакова. *«...в разсуждении сих неудобностей, оставя я дальнейшую погоню за неприятелем, находясь в отдалённости от Балаклавы к западной стороне в 95-верстах, со онаго места взял путь обратно к Севастополю, дабы войдя на рейд исправить повреждения и течи в кораблях турецкого чауша Мария Магдалена» Навархия*

Страница из Военной энциклопедии 1911года.

Взяв 18-томную Военную энциклопедию под редакцией генерал-лейтенанта К. И. Величко изданную в 1911 году печатным домом Сытина и открыв том 11 с литерой нашёл описание этого морского сражения. Там приведена схема этого боя с расположением кораблей. Ветер был «», и контр-адмирал Ушаков с кораблями кордебаталии быстрее всех достиг берега напротив Коварны. Остальные корабли постепенно подходили к нему. Он поднял сигнал всем повернуться на 180 градусов или по-морскому «». Турки в это время отрубили якоря и сбились в кучу «» так писал Ушаков. *«К» нордовый оверштаг неприятель, утраченный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег под парусами, и будучи в замешательстве, некоторые корабли, при довольно крепком ветре сошлись между собою*

Здесь будет уместно назвать часть главных кораблей турецкой эскадры это: 74-пушечный «» – под командой алжирского адмирала Сейди-Али, 72-пушечный «» капудан-паши турецкого адмирала Гиритли Хусейна, 72-пушечный «» -вице-адмирала (патрона), 58-пушечный «»

-контр-адмирала (рийале), 48-пушечный «» -тунисского вице-адмирала (патрона Тунус), 72-пушечный «» -алжирского вице-адмирала (патрона Джезаир), 60-пушечный «» -алжирского контр-адмирала. Многие из этих кораблей были построены недавно французскими корабельными мастерами. *Мулкадима Нусрет Бахр и Зафер Фейз Худа Нювид Фютух Бурдж Зафер Келем Бахри Фатих Бахри*

Контр-адмирал Ушаков оказался со своими кораблями первым в построенной линии баталии. За этими 6 кораблями «» выстроилась «» и первым после разворота оказался 46-пушечный «» капитана Дмитрия Сенявина. Он встал за 50-пушечным кораблём «» с капитаном Михаилом Чефалиано. За Сенявиным оказался 46-пушечный корабль «» под командой Ильи Ознобишина и все остальные корабли. За «» выстроились 6 кораблей «» бригадира Павла Пустошкина. Так подробно я описываю построение линии баталии, чтоб довести до читателя расположение корабля Дмитрия Сенявина. Он находился седьмым из 18 кораблей, через 3 корабля после «», где держал вымпел Фёдор Ушаков, это надо запомнить. *кордебаталии авангардия Навархия Георгий Победоносец Царь Константин авангардией арьергардии Рождества Христова*

Турецкий капитан-паша Гиритли-Хусейн после паники пытался выстроить свои корабли правым галсом, но подошедший со своими кораблями алжирский адмирал Сейди-Али (Саит-Али) под красными флагами «». Эти корабли противника имели лучший ход и быстро обогнали наши суда вытянув линию баталии. *оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша*

Битва при Калиакрии. Рисунок А. Деспальдо.

На одном из наших кораблей находился мичман Афанасий Деспальдо, который рисовал с натуры все сражения Черноморского флота. Именно эту схему боя с моими пометками расположения «» и пробитыми в многих местах парусами отмеченные Афанасием Никитичем мы видим здесь. Мичман-художник с большой точностью изобразил все повреждения на кораблях. Видимо после боя он собрал сведения. *Навархии*

Опытный адмирал алжирец Сейди-Али паша, шедший с кораблями под красными флагами «. За ним перестроилась вся турецкая и тунисская эскадры. Ушаков, подняв все паруса гнался за передовыми кораблями турок и так как имел лучший ход, то вышел из линии и оказался первым обогнав свои передовые корабли. Ветер поменялся, и алжирец вместе со своим вице-адмиралом начал поворачивать на правый галс. В этот момент 84-пушечный линкор «» под управлением капитана 1 ранга Матвея Елчанинова спустился на 74-пушечный алжирский «Вот как писал Ушаков: . Контр-адмирал первым начал стрелять всем левым лагом и уже за дымом от пушек не видел, что твориться в нашей линии баталии. Корабль Сейди-Али проскочил «» и Елчанинов сделал правый поворот, прорезал турецкий строй и оказался за кормой алжирца. Тот в таком положении почти не мог стрелять в Ушакова. На наш линкор обрушили ядра с вице-адмиральского алжирского 72-пушечного корабля «» (патрона Джезаира) и двух больших фрегатов. Всё заволкло дымом от выстрелов множества пушек. Вклинившись в турецкий строй, наш флагман стрелял с обоих бортов. Корабль Сейди-Али получил в свою золочённую корму сразу несколько ядер и вынужден был спрятаться за свои корабли «». Этот момент боя мичман Деспальдо сохранил на своей акварели, расположенной ниже. Там показан с чёрным флагом алжирский корабль и стреляющий по нему наш флагман под Андреевским флагом. Загораживая своего адмирала, алжирцы принимали русский огонь в свои борта. На помощь Ушакову пришли его корабли 50-пушечный «» с капитаном Николаем Языковым, 74-пушечный «» с Андреем Барановым и 46-пушечный «» под командой Ивана Селевачева. Получилась такая давка из различных судов на небольшом участке моря, что турки «». Контр-адмирал Ушаков в пылу сражения видел только ближнего противника и что происходило с остальными кораблями российского флота он узнал лишь после боя из рапортов наших

капитанов. Он же дальше пытался догнать корабль алжирского адмирала ». *оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.